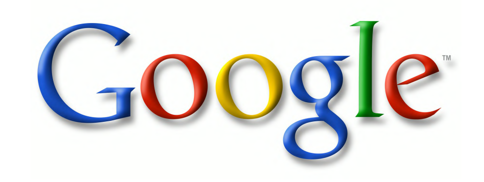
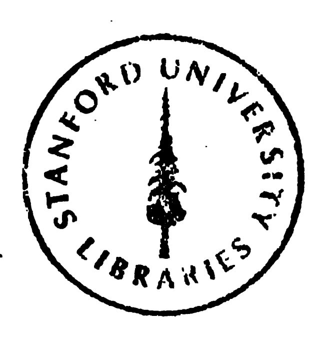
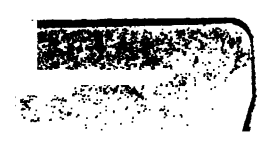

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

СБОРНИКЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ СТАТЕЙ,

ПОСВЯЩЕННЫХЪ

РУССКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ ПАМЯТИ ПОКОЙНАГО

КНИГОПРОДАВЦА-ИЗДАТЕЛЯ

АЛЕКСАНДРА ФИЛИППОВИЧА СМИРДИНА.

ИЗДАНІЕ

ПЕТЕРБУРГСКИХЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ НА ПОЛЬЗУ СЕМЕЙСТВА А. Ф. СМИРДИНА
И НА СООРУЖЕНІЕ ЕМУ ПАМЯТНИКА.

—

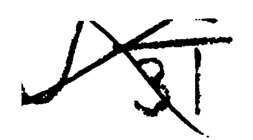
ТОМЪ II.

П. В. Кукольникъ. — Вердеревскій. — Р. М. Зотовъ. — Комаровъ. — Н. И. Тарасенко-Отрешковъ. — Ѳ. Н. Глинка. — Э. И. Губеръ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
1858

СБОРНИКЪ
ЛИТЕРАТУРНЫХЪ СТАТЕЙ.

ТОМЪ II.

СБОРНИКЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ СТАТЕЙ,

ПОСВЯЩЕННЫХЪ

РУССКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ ПАМЯТИ ПОКОЙНАГО

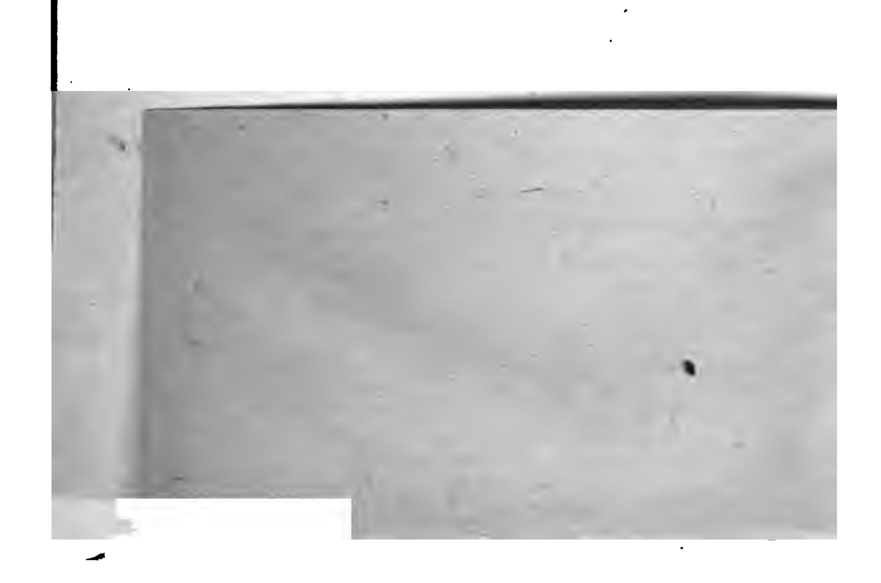
КНИГОПРОДАВЦА-ИЗДАТЕЛЯ

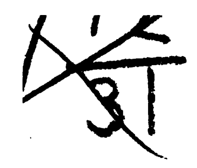
АЛЕКСАНДРА ФИЛИППОВИЧА СМИРДИНА.

ИЗДАНІЕ

ПЕТЕРБУРГСКИХЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ НА ПОЛЬЗУ СЕМЕЙСТВА А. Ф. СМИРДИНА.

1858.

СБОРНИКЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ СТАТЕЙ,

ПОСВЯЩЕННЫХЪ

РУССКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ ПАМЯТИ ПОКОЙНАГО

КНИГОПРОДАВЦА-ИЗДАТЕЛЯ

АЛЕКСАНДРА ФИЛИППОВИЧА СМИРДИНА.

ИЗДАНІЕ

ПЕТЕРБУРГСКИХЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ НА ПОЛЬЗУ СЕМЕЙСТВА А. Ф. СМИРДИНА
И НА СООРУЖЕНІЕ ЕМУ ПАМЯТНИКА.

ТОМЪ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

1858.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ, узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 19 Сентября 1857 года.

Ценсоръ *И. Лажечниковъ.*

въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

МАРТЫНЪ ЛУКИЧЪ ДЬЯКОНОВЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

Н. В. КУКОЛЬНИКА.

МАРТЫНЪ ЛУКИЧЪ ДЬЯКОНОВЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

I.

Въ благополучномъ городѣ Амстердамѣ, на рѣчкѣ Амстелѣ, былъ, есть и вѣроятно будетъ всегда большой мостъ съ желѣзными здоровыми перилами, одинъ изъ 290 мостовъ, украшающихъ городъ. На этомъ мосту, подъ вечеръ 18-го августа 1697 года собралось множество народа. Лучшаго мѣста для случая нельзя было придумать. Отсюда можно было покойно видѣть не только великолѣпный фейерверкъ, устроенный на искуственномъ пловучемъ изъ плоскодонныхъ судовъ островѣ, но и раскрытыя окна небольшаго трактира Доклана гдѣ красовались трехъ-этажные парики на голо-

вахъ Великихъ Россійскихъ пословъ и Посольскаго Штата. Всѣ Амстердамскіе глаза были устремлены на эти окна, потому что въ этомъ Посольскомъ Штатѣ скрывался двадцатипятилѣтній Владыка Московскаго Царства, предметъ удивленія и разговоровъ всей Европы. Его инкогнито, его работы въ Сандамѣ, молодость, благообразіе, животрепещущіе о немъ анекдоты, разсказы, все придавало присутствію его въ Амстердамѣ волшебное значеніе. Въ каждомъ Русскомъ—Амстердамцы подозрѣвали Петра, и потому неудивительно, что не только Марта Тессингъ, Маріанна Ветстеніусъ, Евва Цальбе, но ихъ маменьки и отцы однимъ глазомъ смотрѣли на окна Доклана, а другимъ на тѣсный кружокъ Русскихъ, стоявшихъ на томъ же мосту. Они не обращали на Голландцевъ никакого вниманія, а были заняты предстоящимъ фейерверкомъ и собственною грустною бесѣдою. Многіе Амстердамцы вотъ-такъ навѣрное и думали, что одинъ изъ этихъ рослыхъ, могучихъ удальцевъ долженъ быть непремѣнно самъ Петръ. Дѣло дошло даже до закладовъ. Господинъ Цальбе признавалъ Петромъ положительно и несомнительно Царевича Имеретинскаго Александра Арчилова, а Господинъ Тессингъ,—дворянина Дьяконова; въ пользу Арчилова свидѣтельствовалъ орлиный носъ, черныя кудри, восточный очеркъ лица, за Дьяконова стояли лѣта, ростъ, благородство физіономіи и, главное, — нѣкоторая развязность въ разговорѣ и движеніяхъ; почтеніе, съ какимъ обращались къ нему товарищи, еще

болѣе поддерживало догадку. Но всѣ эти предположенія разлетѣлись бы какъ дымъ, если бы гг. Цальбе и Тессингъ сколько нибудь понимали порусски.

— Вотъ ужъ глупая потѣха! сказалъ какой-то дворянинъ весьма мрачнаго вида: — середь города, бѣлымъ днемъ пожаръ затѣвать! Мало ихъ, что-ли, на Москвѣ видѣли?...

— Да еще изъ огнестрѣльныхъ вещей, могущихъ имѣть летаніе!... прибавилъ другой.

— Э! велика бѣда, сказалъ третій: можно отступить или нагнуться, а то вотъ, безъ огня, руки обжегъ. Самое дворянское дѣло, нечего сказать, корабли рубить! мало на то нехристей? Нѣтъ! Ступай въ Остъ-Индію, на верфь, плотничай, когда у меня своихъ плотниковъ на Москвѣ больше десятка! Слышь, наука! Это по его толку значитъ уму-разуму учиться. Коли самого такая мужицкая охота задираетъ, такъ самъ и маши себѣ топоромъ, сколько душѣ угодно, да насъ не замай!

— Будто ужъ такъ и трудно!...

— На! Полюбуйся! Это ужъ не мозоли! Кожа съ рукъ слезла, а онъ меня въ шею: «пошелъ, лѣнтяй, работать!»..

— И справедливо, замѣтилъ Дьяконовъ: *nihil ficta juvabunt*, т. е. *лицемѣрство вотще есть.*

— Полно, Игнатъ! Видишь, Дьяконовъ насъ уже въ обманщики пожаловалъ.

— Не обманщики, а *parasiti*, сіе есть *отъѣдальщики*; вы бы хотѣли всю жизнь, какъ тѣ пресловутые Китайцы, на одномъ мѣстѣ просидѣть; вы

забываете совѣтъ мудраго: *Consilia media fugienda*; — сіе есть — *удаляйся средней точки....*

— Болтай, болтай! Кто тебѣ это языкъ на изнанку вывернулъ? Чортъ его знаетъ, по-каковски нынче сталъ говорить, а самъ-то, по нашему, гдѣ надо, ни бельмеса не понимаетъ.

— Какъ! Дьяконъ не понимаетъ?...

— Да не понимаетъ же, говорю вамъ... Вонъ вчера спрашиваю въ тіатральномъ домѣ, что тò, что другое значитъ. Онъ себѣ ротъ бакалеей набилъ, знай мычитъ, — будто жвачка мѣшаетъ.

— Понеже зрѣлище было безсловесное, символичное, эмблематичное, въ родѣ сего огненнаго изображенія. — Только тутъ живописаніе огнями, а тамъ натуральные люди ломали исторію, чтобы зрительно уразумѣть было можно. Того для и именуется: *Балетъ Армида.*

— Да сначала вѣдь говорили же?

— Мало ли чего! То Купидо вралъ что-то по-голландски...

— То-то же!

— А я говорю только по-латынски, сирѣчь по-римски.

— Да развѣ не все равно?...

— Поди! Толкуй съ ними!...

Но зашипѣла ракета, — и разговоръ прервался; на мосту стало черезъ мѣру тѣсно, толпа къ самому Дьяконову придавила хорошенькую, молоденькую Голландку; дамскій полъ кричалъ, мужской ругался; но ничто не помогало; крѣпость пе-

рилъ съ трудомъ выдерживала натискъ; совсѣмъ смерклось; фейерверкъ вспыхнулъ....

— Фу-ты, какая лѣпота! воскликнулъ кто-то изъ Русскихъ: Дьяконъ, что изображаетъ вся сія?...

— Не знаю!.. отвѣчалъ тотъ, стараясь пристроить свою Голландку....

— Что, спасовалъ? А вѣдь, кажется, это и не по-голландски?

— И конечно, не по-голландски, а въ чистомъ Римскомъ штилѣ, ордена Коринѳійскаго. Зданіе изрядное о четырехъ бокахъ, въ соотвѣтствіе четыремъ странамъ свѣта....

— А ты почемъ знаешь, что у свѣта четыре бока?..

— Полно, Игнатъ! Ужъ вѣрно знаетъ, когда говоритъ...

— Морочитъ, убей Богъ морочитъ!...

— Да намъ-то его не поймать! А вотъ лучше, Мартынъ Лукичъ, растолкуй, что значатъ эти разныя белендрясы, что кругомъ чертога разставлены и по стѣнамъ висятъ?..

— Белендрясы! Вся сія многоумное значеніе имѣетъ. Корабли *плавающи и водныя чудища, что до-полъ человѣкъ, а до-полъ рыба, именуемыя Тритонцы, ликующи*—объявляютъ радость Голландской республики о всевождедѣннѣйщей *прибытности* Царя Бѣлаго въ Престольномъ ихъ градѣ.— Эй, вы, черти! Тише!» завопилъ Дьяконовъ: «Вотъ напираютъ; просто потъ градомъ.....»

— Мартынъ Лукичъ! А энтотъ орелъ? Вѣдь это они на нашего мѣтятъ....

— Конечно! И такъ, и можно толковать инако, въ генеральномъ *сенсѣ*, т. е. *Praesidia majelstatis*, сирѣчь *защищеніе величества*....

— А это Авессаломъ, чтò ли, на деревѣ виситъ?...

— Нѣтъ! Сіе есть Аполло, а виситъ *противусумятникъ* его, и изображаетъ *vindicat artes*, сіе есть: *заступникъ наукамъ*...

— Слышь, Игнатъ! Можетъ-быть этотъ уродъ и его надоумилъ нашими руками корабли стрòить? Вонъ, хитрые Нѣмцы и солнечные часы сюда же влѣпили....

— Нѣтъ! это тоже аллегорія, сирѣчь сказаніе съ боку, значитъ: *Nulla hora sine linea,* т: е: *ни единый часъ безъ строки.*

— Ну, а это по бокамъ всякое старое ружье, словно въ пустые болваны, собрано...

— Тожъ мысль свою объявляютъ и знаменуютъ: *Decus in armis*, сіе есть: *честь въ сбруѣ.*

— А это, чтò за мальчуганъ шаръ на спинѣ тащитъ?

— Сіе есть: *Plusquam Atlas*, *болѣ Отланта*...

— А кто же этотъ Отлантъ былъ?...

— А чортъ его знаетъ!..

— Мартынъ Лукичь! Не лѣнись, пожалуй, сказывай, а то гляди, сгоритъ — и пропало...

— А это что? перебилъ другой....

— Гдѣ?

— А вонъ! На верху вѣнецъ, подъ нимъ собака, что-ли, служитъ....

— Левъ.

— Ну, левъ! А возлѣ руки стрѣлы держатъ...

— Вижу.

— Ну, такъ что же значитъ?...

— *Istis*! *Съ сими*!...

— А это что значитъ?

— Значитъ: *Istis*, *съ сими*.... Да тише вы, чортовы дѣти, перила трещатъ!..

— Да что на самомъ-то дѣлѣ разумѣть надлежитъ?

— Говорятъ тебѣ: *Istis*, *съ сими*....

— Да это ничего не значитъ.

— Не твое дѣло, подписано: *Istis*, такъ и значитъ: *съ сими*, и кончено...

— Да гдѣ же подписано?... Тутъ ничего не видно...

— Въ книгѣ, называемой.... Караулъ!!..

Залпъ бураковъ испугалъ публику; толпа рванулась, перила не выдержали. Дьяконовъ только и успѣлъ громогласно воскликнуть: *Множество слоняетъ меня*, *mihi pondera casus* — и бухъ въ Амстель; за нимъ, словно картофель изъ мѣшка, посыпались любопытные обоего пола; многіе за эту огнестрѣльную потѣху заплатили жизнью, но Дьяконовъ плавалъ какъ рыба; вынырнулъ, встряхнулъ головой, оглянулся, и не на шутку перепугался; передъ самымъ его носомъ плыветъ: лодка не лодка, шаръ не шаръ, съ головой и руками, — а не кукла; руками машетъ, сама кричитъ что-то во все горло по-голландски; волной ее вертитъ; вотъ повернуло головой къ Дьяконову; онъ такъ на весь Амстель и ахнулъ; то была та самая хорошенькая Голландка, что на мосту толпой къ не-

му приплюснуло. Огромныя юбки, должно быть на фижмахъ, держали ее на водѣ стоймя, точно каучуковую куклу; Мартынъ Лукичъ опять перепугался, только уже на иной ладъ. «Какъ ее вытащить изъ воды? Схватить за юбки, можно опрокинуть головой въ воду; подхватить иначе....» Мартынъ Лукичь покраснѣлъ, но Амстель уносилъ жертву подъ самый фейерверкъ; нѐчего было раздумывать и церемониться; Мартынъ Лукичь зажмурился; быль не была! подхватилъ безъ чиновъ, гдѣ пришлось сподручнѣе, и, поставивъ ее на берегъ, выскочилъ самъ, встряхнулся и сталъ передъ барышней, какъ предъ начальникомъ, потупивъ голову, въ ожиданіи строгаго выговора. Барышня тоже стояла не въ лучшемъ расположеніи духа; ей было тоже, не могу сказать почему, ужасно совѣстно; сама не зная, что ей дѣлать, на что рѣшиться, оглядывалась, оглядывалась на всѣ стороны, да напрасно; никто изъ своихъ или знакомыхъ не являлся; всѣ были заняты спасеніемъ утопавшихъ... На бѣду она слышала споръ гг. Тессинга и Цальбе. Вспомнивъ, что передъ нею стоитъ, вѣроятно, самъ Петръ, она еще пуще перепугалась, присѣла и ушла спѣшно.—Дьяконовъ подумалъ: «одна ночью, *sine clypeo, безъ защищенія*», и пошелъ за нею; та въ улицу, бѣжать; Дьяконовъ тоже пустился кирасирскою рысью; добѣжали дò-дому, а домъ запертъ нà-глухо; ни живой души. Барышня заплакала со злости; Дьяконовъ счелъ обязанностью сдѣлать тоже... Барышня пе-

рестала плакать. Ей показалось, что Петръ надъ нею издѣвается.

— Маестетъ! сказала она по-голландски: я вамъ обязана жизнью, но за что же надо мной смѣяться?! Виновата мода, лѣтнее время....

Дьяконовъ только головой моталъ, ничего не понимая.

— Мы теперь одни, домъ нашъ запертъ, я знаю, что я во власти вашей, но я надѣюсь на ваше великодушіе....

Изъ этой рѣчи Дьяконовъ понялъ только жестъ, указавшій на домъ; посмотрѣлъ на окна, и весело ударилъ себя по лбу. *Amans amanti medicus,* сказалъ онъ громко, уцѣпился какъ-то за дождевую трубу, поднялъ окно, укрѣпилъ его и, соскочивъ, пригнулъ спину.

— *Vade! Шествуй!* сказалъ онъ, и барышня догадалась; съ помощью той же трубы, вскочила на спину Дьяконова, оттуда въ окно; — и весь романъ кончился. Окно упало! Дьяконовъ долго ходилъ взадъ и впередъ по улицѣ, твердо заучилъ всѣ признаки дома, вывѣску; наконецъ пошелъ домой.

— Дѣло явное! Такъ думалъ онъ во всю дорогу: сердится. *Castitas voluptatem fugit, цѣломудрость не любитъ тѣлесныхъ.* Да я-то чѣмъ виноватъ? Хуже было бы, еслибъ потонула. А я и самъ не радъ. До сихъ поръ десница моя горитъ аки въ огнѣ геенны.

II.

Мартынъ Лукичъ Дьяконовъ, котораго товарищи въ разговорахъ, а Петръ Великій и на письмѣ называли просто Дьякономъ, былъ сначала бѣдный дворянинъ, сиротка; дядья оттягали имѣніе, а сироту, лѣтъ 10 — 11, не больше, взялъ на попеченіе справщикъ (корректоръ) Московскаго Печатнаго Двора, Кундеусиковъ, что̀ и было причиною, что маленькій Мартынъ, скоро научился грамотѣ, а какъ Кундеусиковъ былъ справщикомъ собственно Славяно-Римскихъ письменъ, то и пріемышъ въ самое короткое время познаЛъ Латинскую мудрость. Какимъ образомъ удалось ему забраться въ Академію и тамъ изучить *Разумительную Философію*, *сирѣчь Логику*, не нахожу историческихъ документовъ. Вижу только нѣкоторые факты, весьма странные, потому-что тотъже Дьяконовъ аттестованъ отличнымъ въ *Математикахъ,* почему по прибытіи въ Амстердамъ и записанъ въ ученіе Мельничному Дѣлу. Въ проѣздъ черезъ Германію, онъ по-нѣмецки выучиться не успѣлъ, потому что гостей на убой подчивали, а Дьяконовъ, не смотря на свои лѣта (всего 28) былъ плечами Геркулесъ, а желудкомъ Бахусъ. Но, прибывъ къ мѣсту назначенія, онъ принялся за дѣло по доброй совѣсти. Безъ языка въ чужомъ городѣ плохо, а какъ научиться? Былъ онъ въ двухъ книжныхъ лавкахъ, но не могъ изъяснить въ чемъ нуждался. Случайно, въ одной изъ

этихъ лавокъ, попалась ему книжица съ гравированными изображеніями символовъ и эмблемъ. Съ восторгомъ замѣтилъ онъ, что изъясненіе этихъ символовъ и эмблемъ напечатано по-латынски и на другихъ Европейскихъ языкахъ, въ томъ числѣ и на Голландскомъ. Чего лучше! Купилъ книжку, засѣлъ, и давай прежде всего переводить Латинскія надписи на Русскій, чтобы усвоить значеніе изображеній. Образцы этого перевода мы уже видѣли. Въ памятную ночь послѣ фейерверка, Дьяконовъ не могъ заснуть: то потиралъ правую руку, то отыскивалъ приличные положенію своему символы и, переводя ихъ на Русскій, никакъ не могъ запамятовать по-голландски...

— Ну, язычекъ! сказалъ онъ съ досадой, закрывъ книгу: свой сломаешь, а не выговоришь! То-ли дѣло по-латынски, просто малина! А тутъ чортъ знаетъ что такее; не слова̀, а будто собачье гавканье; фу, мерзость!.. только въ самомъ дѣлѣ у меня рука распухла... Оно, конечно...

Дьяконовъ улыбнулся...

— А можетъ быть отсердилась, ночью размысля, что тутъ моей вины никакой не было; не моя рука причиною, а просто географичное ея мѣстоположеніе на водахъ Амстеля.—Ого! Бѣлый день! Пойти прогуляться, а не то, и у меня, какъ у Игната, кожа съ руки слезетъ...

III.

— Скажите пожалуйста! Неужели? Да это просто завидно! Такой чести во всей Голландіи никто не удостоился! Такой знатный король, Императоръ, собственноручно васъ вынесъ изъ воды! Какъ хотите, сегодня мы можемъ положить перья, бросить эту несносную корректуру; это праздникъ, рѣшительный праздникъ. На мѣстѣ г. Тессинга я непремѣнно бы объявила благодарность въ газетахъ...

Такъ разсуждала Евва Цальбе, положивъ перо и отодвинувъ длинный листъ прескверной желтой бумаги. Вамъ, можетъ-быть; покажется страннымъ; но что же мнѣ дѣлать, когда знаменитые Эльзевиры такъ завели, и обычай свято сохранялся во многихъ Голландскихъ типографіяхъ. Корректуру держали женщины. Причинъ не могу объяснить; вѣроятно были уважительныя, но на родинѣ Эльзевировъ—дамы гордились этимъ занятіемъ и часто не принадлежавшія къ семействамъ типографщиковъ, изъ одного чванства, ѣздили въ корректурные салоны знаменитѣйшихъ мастеровъ, держали корректуру, въ антрактахъ сплетничали и находили въ скучномъ дѣлѣ забаву.—Собственно за этимъ въ корректурномъ салонѣ Тессинга сидѣла и Евва Цальбе, и Маріанна Ветстеніусъ, обѣ родственницы Тессинга, и еще двѣ круглолицыя, краснощекія Голландки, всѣ у круглаго стола, съ

перьями въ рукахъ. Передъ каждой лежали желтый листъ и печатная книжка.

— Какая счастливая! продолжала Евва Цальбе. А меня, представьте себѣ, простой лодочникъ вытащилъ... Я не могу безъ ужаса вспомнить... разсказывать страшно!.. Сначала багрòмъ за юбку, а потомъ грязною рукою зà волосы!..

— Это ужасно!..

— О! Мнѣ теперь еще стыдно. А вы, Марта, счастливица! Ахъ, Марта! Вѣдь это должно быть ужасно пріятно! Не правда-ли? Ну, скажите мнѣ откровенно, что вы въ эти минуты чувствовали?..

— Я, право, не помню! отвѣчала Марта, горя малиновымъ румянцемъ...

— Не можетъ быть! Я вамъ не вѣрю! Нѣтъ, скажите, что вы чувствовали?..

— Ахъ ты Господи! Право ничего... я чувствовала царственную руку... Ахъ!..

И Марта схватила перо и впилась въ корректуру. Пріятельницы догадались, бросились къ окну, но на улицѣ никого уже не было, потому-что Дьяконовъ, замѣтивъ въ раскрытое окно Марту, въ два прыжка взбѣжалъ на крылечко, вошелъ въ магазинъ и колокольчикъ зазвенѣлъ такъ, что въ цѣломъ домѣ было слышно... Въ стеклянную дверь было видно, кто вошелъ...

— Марта! Ступайте! Гость въ магазинѣ!

Но Марта будто окаменѣла.

— Что же вы, Марта? Вы заставляете дожидатся такую персону; вѣдь это ваша обязанность...

Но убѣжденія не помогали.

— Я вышла бы за васъ, но я не знаю, гдѣ что у васъ лежитъ въ магазинѣ... Ахъ ты Боже мой! Что вы надѣлали?.. Онъ сюда идетъ!..

Марта, блѣдная, испуганная, вскочила, но поздно. Дьяконовъ вошелъ въ корректурную, и, вытянувшись во всю длину свою, стоялъ неподвижно у стеклянной двери. Четыре дамы также стояли, преклонясь почтительно... Пятая, бѣдная Марта, не удержалась на ногахъ и сѣла...

Продолжительное молчаніе.

У Еввы Цальбе голова заболѣла стоять такъ долго, пригнувшись.

— Позвольте Маеститъ! сказала она съ важностью, сопровождая каждое слово самымъ моднымъ реверансомъ: родственница моя, Марта не исполнила своей обязанности, но мы не ожидали такой чести для нашей фамиліи...

— Фамилія? Это я понимаю. Фамилія — Дьяконовъ, Мартынъ Дьяконовъ.

Общій поклонъ и продолжительное молчаніе.

— Чортъ возьми! Вотъ попался! Ни онѣ меня, ни я ихъ не понимаю. И что это онѣ тутъ дѣлаютъ? Видно учатся. Ба! Да это печатная справка! Такъ и есть! Неужто бабье у нихъ этимъ дѣломъ занимается? И по-латыни! Ура! Наша взяла! Теперь я съ ними, хоть пополамъ съ грѣхомъ, а разговорюсь. — И, обращаясь къ Маріашѣ, хотѣлъ что-то сказать, да запнулся.

— Что же я ей изреку? Надо сразу огорошить. Прямо признаюсь, скажу: *не могу молча горѣти, ты не*

меньше добросерда, якожегорда, но любовь сыскиваетъ пути и способы. Знатно! Валяй, Мартынъ Лукичъ!

И, взявъ Марту за руку безъ церемоніи, съ чувствомъ повторилъ рѣчь свою по Латыни: *Nec celatur ignis, tu, non minus caritativa quam superba Domina, sed amor praestat usus.*

Но, увы! никакого особеннаго эффекта! Только Марта, заслышавъ слово *amor*, вырвала руку и раскраснѣлась, словно пивонія. Это крайне смутило Дьяконова.

— Что онѣ, нѣмыя, что̀-ли, или прикидываются, или въ самомъ дѣлѣ безсловесныя; какъ-же онѣ, послѣ этого, печать правятъ; ужъ такъ-ли я видѣлъ? Нѣтъ! Такъ! И передъ нею Латинская справка, и сколько ошибокъ-то, ошибокъ!!..

Дьяконовъ сѣлъ возлѣ Марты, взялъ перо и давай поправлять корректуру...

— Ну! Теперь, Анна, приготовь мнѣ парикъ и праздничный кафтанъ.—Такъ въ другой комнатѣ мѣрно и важно говорилъ Тессингъ: подвигъ спасенія дочери слишкомъ великъ. Я не могу уважить его инкогнито, я долженъ сложить къ ногамъ Его Величества мою слезную благодарность... Я долженъ... Господи Іисусе!..

Тессингъ, словно статуя, остановился въ дверяхъ. Трубка выпала изъ разверзтаго рта; руки окаменѣли въ восклицательномъ положеніи.

— Вотъ ужъ истинно человѣкъ всемірный! такъ думалъ про себя Тессингъ, съ удивленіемъ глядя на Дьяконова, быстро правившаго корректуру: вчера корабль строилъ, сегодня по-

правляетъ корректуру Тита Ливія и безъ оригинала...

— Вѣроятно, господинъ хозяинъ? сказалъ Дьяконовъ, вставъ и оправляясь...

— Всепресвѣтлѣйшій, Многодержавный Императоръ и повелитель Московіи и другихъ странъ!.. воскликнулъ Тессингъ, бросаясь къ ногамъ Дьяконова: позволь выразить безконечную благодарность за спасеніе единственной дочери.

— Quid facis, Domine?

Тессингъ въ свою очередь не мало смутился... Правда онъ издавалъ Латинскія книги, Римскихъ классиковъ, но самъ зналъ по-латыни, такъ сказать, аптекарскимъ образомъ.

— Меня увѣряли, сказалъ Тессингъ по-латыни: что Государь говоритъ по-голландски.

— Государь говоритъ, а я — нѣтъ...

— Incognito! Надо уважить державную волю. Что же вамъ угодно отъ меня, благородный незнакомецъ?

— Клянусь Юпитеромъ, ничего! Я такъ зашелъ; видѣлъ вывѣску; хотѣлъ посмотрѣть заведеніе...

— Какая скромность! Я почту себя счастливымъ, если заведеніе мое сколько нибудь вамъ понравится. Не угодно ли пожаловать?..

Я скорѣе перевожу мысли Тессинга, чѣмъ слова̀ которыхъ и Дьяконовъ не понималъ сполна̀, потому-что, за недостаткомъ свѣдѣній или памяти, Тессингъ латинизировалъ Голландскія выраженія, что̀ впрочемъ тогда дѣлали даже ученые... Не

менѣе того, Мартынъ Лукичъ уразумѣлъ приглашеніе осмотрѣть типографію и поспѣшилъ имъ воспользоваться, чтобы выйти поскорѣе изъ затруднительнаго и смѣшнаго положенія, въ какое увлекла его красота Марты. Но, слѣдуя за Тессингомъ и проходя мимо Марты, онъ не утерпѣлъ таки, чтобы не сказать ей на ухо: *Crescunt vincula recessu*... т. е. какъ толкуетъ его же переводъ: *чрезъ мое отдаленіе прибавляются узы моя*.

— Что онъ сказалъ вамъ, Марта, на ушко?... пристали собесѣдницы...

— Право не поняла! Опять по-латыни! Онъ вѣрно и не догадывается, что мы Латинскаго языка не знаемъ, и отъ того-то такъ превосходно правимъ корректуру...

IV.

Прошло больше недѣли. Яковъ Моляровъ, товарищъ Дьяконова, зашелъ однажды на Остъ-Индскій дворъ посмотрѣть на бѣдныхъ товарищей, какъ они *по охотѣ*, по словамъ Петра, на корабельномъ дѣлѣ труждаются. Остъ-Индія была ничто иное, какъ цѣлый кварталъ города, въ которомъ главное зданіе и двѣ верфи принадлежали Остъ-Индской Компаніи. Въ Амстердамѣ Петръ съ десятью товарищами учился на этихъ верфяхъ; тутъ онъ и жилъ въ небольшомъ домикѣ; тутъ онъ отдѣлывалъ подставленный ему предупредительными горожанами великолѣпный гальотъ, который въ послѣдствіи городъ и подарилъ Госу-

дарю. Толпы народа не переставали смѣнять одна другую, но любопытство ихъ не было уже такъ назойливо, какъ въ первое время, да и Государь сталъ привыкать къ многолюдству. Личность Его для Амстердамцевъ уже не была тайной; мальчишки даже знали, который изъ Русскихъ — Питеръ-Басъ, Московскій Кайзеръ; теперь уже и Тессингъ и Цальбе не спорили, потому-что оба собственноочно видѣли Царя. Тессингъ былъ сердитъ на свою ошибку, но Марта замѣтно повеселѣла, тѣмъ болѣе, что въ седьмомъ часу утра, ежедневно, когда отецъ завинчивалъ печатальные станки въ типографіи, а гости въ корректурную еще не приходили, она получала почтительное привѣтствіе отъ Дьяконова съ улицы. Сначала она не отвѣчала на привѣтствіе, но вотъ ужъ второй день, не знаю почему, невольно удостоила Мартына самоприличнѣйшимъ реверансомъ. Хотя до механикуса Мельничныхъ Дѣлъ отъ квартиры Дьяконова чрезъ эту улицу было крюку больше версты, но Мартынъ Лукичъ, по комплексіи, нуждался въ сильномъ моціонѣ. Онъ бы и обратно ходилъ тѣмъ же путемъ, но Молярову, да и ему послѣ урока, приходилъ такой страшный апетитъ, что они домой возвращались кратчайшимъ путемъ, вмѣстѣ, и чуть не на крыльяхъ. Не смотря на то, что весь Амстердамъ зналъ Петра въ лице, incognito не снималось. Напротивъ того Амстердамцы, отъ души полюбивъ высокаго гостя, наперерывъ старались угодить державной причудѣ и очень часто притворялись будто совсѣмъ его

не знаютъ. Не только полиція, пасторы даже по воскресеньямъ внушали прихожанамъ, чтобы всемѣрно остерегались чѣмъ-либо нарушить incognito Царственнаго друга Голландской республики. И потому вы не удивитесь, когда скажу, что Петръ Великій въ пятницу, 27 августа, покойно сидѣлъ на берегу моря, на опрокинутой лодкѣ, отдыхая послѣ продолжительной работы и не скрываясь, какъ прежде, отъ любопытныхъ надоѣдалъ. Остъ-Индскій муравейникъ кипѣлъ - себѣ ежедневной заботой. Якимъ Моляровъ подошелъ къ Государю; будто къ равному...

— Здравствуй, Басъ!

— Здравствуй, Якимка! За дѣломъ пришелъ?

— Отъ бездѣлья, на Остъ - Индію поглядѣть! Механикусъ объѣлся, что - ли; два дня уже не учитъ...

— А деньги беретъ?...

— Молодъ! Мы за эти дни ему вычтемъ.

— Спасибо! Кто не бережетъ денежки, тотъ самъ не стόитъ рубля. А гдѣ-же Дьяконъ?...

— Эхъ, Госу....

— Якимка!

— Виноватъ! А ужъ правду сказать, скучнаго ты мнѣ товарища далъ.

— Дьякона?... Ужъ не объѣлся ли и ты?

— Нѣтъ! Былъ-то онъ куда рѣзвой, а теперь совсѣмъ съ похвѣй сбился. Какъ только придетъ отъ механикуса, давай кричать по-голландски. Вокабулой уши пронизалъ; ночью кричитъ...

— Умница Дьяконъ! Такихъ мнѣ и надо. Языкъ

тоже, что ключъ. Замки со многаго завѣтнаго отпираетъ.

— Да ночью-то спать не даетъ. Ни съ того ни съ сего, вскочитъ, да всякую Голландскую чушь и замелетъ...

— На то мельничнаго дѣла мастеръ!

Разговоръ былъ прерванъ весьма страннымъ образомъ. Нѣсколько рабочихъ несли огромное бревно; впереди шелъ главный мастеръ Бопсъ. Увидавъ отдыхающаго Петра, Бопсъ улыбнулся и закричалъ:

— Эй ты, Питеръ, Сандамскій плотникъ! Видишь, какъ тяжело, а ты себѣ лежишь! Отчего бы не помочь?...

— Разумѣется! отвѣчалъ Государь; подошелъ, подхватилъ бревно на плѐча и понесъ вмѣстѣ и наравнѣ съ другими.

— Охота! сказалъ Якимъ Моляровъ и плюнулъ. А Моляровъ былъ еще изъ лучшихъ, разумнѣйшихъ. Чтò же послѣ этого говорили, какъ понимали дѣло другіе спутники Петра Великаго и товарищи его въ корабельныхъ трудахъ. Впрочемъ надо и то сказать: Бопсу за эту шутку досталось. Весь Амстердамъ на него разсердился, да такъ, что онъ принужденъ былъ переселиться на другую верфь.

V.

Былъ часъ пятый утра; Моляровъ проснулся, потому-что Дьяконовъ уже уходилъ со двора и собираясь въ походъ, невзначай уронилъ палку...

— Куда такъ рано?

— На практику!

Т. е. на рынокъ, куда Дьяконовъ, за неимѣніемъ другаго общества, ходилъ ежедневно прислушиваться къ живому языку; самъ пытался вступать въ разговоръ и начиналъ дѣлать главнѣйшіе вопросы добропорядочно. Онъ въ особенности любилъ торговать голландскую рѣпу у одной пожилой торговки, не потому, чтобы рѣпа у нея была лучше другихъ рѣпъ того же рынка, но потому, что торговка болтала безъ умолку, не ограничивалась ловкостью сбыть товаръ лицемъ, но простирала любезность свою до городскихъ сплетней. Дьяконовъ слушалъ ее всегда чрезвычайно внимательно, а это еще болѣе возбуждало ея ораторское увлеченіе....

— Что такъ рано пришелъ, мой орликъ?... воскликнула торговка.

— Тебя слушать! отвѣчалъ Дьяконовъ...

— Умно шутишь! Видно Басъ вашъ подобралъ и подмастерьевъ по себѣ. Славный у васъ этотъ Басъ; что̀-то сегодня запоздалъ; а вотъ всѣ эти дни ни одинъ поваръ не приходилъ на рынокъ раньше его за провизіей. Видно вчера до поздна гуляли. И у тебя, орликъ, что-то глаза красны...

Понимая пятое черезъ десятое, Дьяконовъ однако догадался о чемъ идетъ рѣчь и вздохнулъ глубоко.

— А что? Угадала?...

— Нѣтъ! Вотъ съ тѣхъ поръ, какъ въ Амстердамѣ, ни разу не удалось того...

— Чего того?...

— Не знаю какъ по вашему... а люблю изрѣдка, потому что — *vinum acuit ingenium*: *виномъ разумъ прибавляется*. Постой, постой! Вспомнилъ: De wijn vermeerdet de wjsheid...

— Ну ужъ, пустяки! Скорѣе голову потеряешь, вотъ какъ г. Тессингъ...

— Какой Тессингъ?...

— Послѣ разскажу, а теперь Сандамскій Басъ идетъ!...

Дьяконовъ оглянулся, на площади примѣтно все утихло; покупатели и продавцы торговались шопотомъ, однимъ глазомъ поглядывая на молодаго рослаго матроса, шедшаго ровнымъ и твердымъ шагомъ прямо къ нашей торговкѣ. На немъ былъ красный байковый камзолъ, бѣлыя холстинныя брюки, кожаная лакированная полушляпа; на рукѣ висѣла корневая плетеная корзинка съ крышей. Дьяконовъ перепугался.

— Распечетъ, зачѣмъ безъ дѣла шатаюсь! Видитъ Богъ, распечетъ! Экое бѣдствіе!

И давай перебирать рѣпу.

— Добрый день, кума! сказалъ Петръ, остановясь передъ торговкой.

— Здравствуй, Басъ! Да только право не знаю, у кого это мы съ тобою дѣтей крестили?...

— Видно забыла, а рѣпки пожалуй; только помни уговоръ...

— Стыдно, Басъ! Развѣ я тебя когда обманула?...

— Эхъ, кума! Дѣло торговое, лучше впередъ договориться.

— Видно у васъ люди торговые больно плутуютъ...

— Да, таки есть маленько...

— Это не хорошо...

— Грязненько, нечего сказать, да Богъ милостивъ, выстираются...

— Какова будетъ прачка!...

— Ба! Ты Дьяконъ тутъ что дѣлаешь? По-голландски учишься?...

— Точно такъ, Ваше Вел...

— Цыцъ!

— Виноватъ, Басъ!

— Такъ по-голландски?...

— Точно такъ! Истина есть!...

Государь покачалъ головой.

— Не сумнись! Не вру, понеже не смѣю, а поистинѣ такъ; съ одного боку прихожу живности для пропитанія искупить, а съ другаго боку живому языку прислушиваться...

— Похвально! Слышалъ о твоемъ усердіи...

— А отъ кого-жъ ты слышалъ?

— Моляровъ сказывалъ.

— Вотъ ужъ истинные *отъѣдальщики*! Сейчасъ въ доносъ! Ужъ видно они вдоволь на меня тамъ тебѣ наврали, а у меня въ преднамѣреніи дѣло самое простое, и мнѣ сподручное. Вѣдь я самъ за Кундеусикова справку держалъ; ну, такъ что жъ за бѣда такая, если въ вольное время любопытствіемъ занимаюсь...

Государь улыбнулся.

— Да кто же тебя и винитъ? Ужъ вѣрно не я!

— Будто?

— Я усердіе твое похваляю...

— Такъ еще больше похвалишь, когда все узнаешь...

Государь поставилъ корзинку на земь.

— Ты теперь, Дьяконъ, мое любопытствіе возбуждаешь. Ну-ка, хвались!

—«Изволь, коли тебѣ время!»

—«Если дѣло, такъ всегда время, а если пустяки — посержусь, да и перестану. Ну, проворнѣе!...»

—«Видишь, у насъ на Московскомъ печатномъ дворѣ литера вся, что некованная лошадь, подбилась, а литейщикъ Тальянецъ померъ; перелить нѣкому; да и матрицы старыя; литеры неуклюжія; никакого благообразія; прикладно сказать а такой раскорякой стои́тъ, что, право, глядѣть срамно. Тутъ литеры — точно Голландская рѣпа; всякаго маштабу; иныя ростомъ съ брюкву, а есть такія, что мелчае маку, просто тля; глаза выкатишь, пока разберешь, а благообразіе отмѣнное. Я линейное дѣло маракую, а не берусь; такъ чисто не вычерчу, развѣ съ большой натугой...

Петръ снялъ шляпу и потеръ себя по головѣ...

— Тутъ много печатныхъ мастеровъ, продолжалъ Дьяконовъ, одобренный вниманіемъ Государя. Да всѣ секретность содержатъ; затесался я нечаянно къ одному изъ нихъ; не знаю, отчего, отмѣнно ко мнѣ милостивъ былъ; правда я ему дочку, помнишь какъ большой потѣшный огонь былъ, съ мосту повалились, ... такъ я ее изъ воды

вытащилъ; можетъ быть отъ того разжалобился и всю секретность свою съ дуру и покажи; я его и давай распрашивать; анъ на бѣду онъ по-латыни не гораздъ, а я по-голландски ни бельмеса. Многаго не могъ выспросить. Постой-же, думаю себѣ... Я тебя въ мѣсяцъ накрою...

— А время летитъ, а дѣло нужное! Но и за то большое спасибо, Дьяконъ; я думалъ уже объ этомъ, да за кораблями заваляюсь. Постой! Искупимъ провизіи, а потомъ, этакъ часа три спустя, приходи ко мнѣ въ Остъ-Индію. Ну, кума, давай и мнѣ, и ему рѣпы...

— А развѣ у васъ стоялъ одинъ?

— Разумѣется...

— Богатъ будетъ народъ, гдѣ мастеръ и подмастерье одно ѣдятъ...

VI.

Въ девятомъ часу Дьяконовъ, одѣтый по праздничному, сидѣлъ на крылечкѣ домика въ Остъ-Индіи, гдѣ проживалъ безсмертный мастеръ... Кого тутъ онъ не видѣлъ! И Англійскаго лорда Пемброка, и фокусника, что ножами выбрасывалъ, и механиковъ, и врачей, и офицеровъ, и матросовъ; всѣхъ сортовъ людей не исчислишь. Какъ пришли, такъ и ушли проворно, одинъ только, какъ попалъ въ домикъ, такъ и застрялъ тамъ. Что дѣлать? Старый знакомецъ! Въ Московіи былъ, составилъ знатную карту (1687) Сѣверо-восточной Азіи и Европы; посвятилъ ее Россійскимъ молодымъ Ца-

рямъ; въ 1692 году издалъ описаніе Сѣверо-восточной Тартаріи, а теперь, какъ директоръ Остъ-Индской Компаніи, хлопоталъ объ удобствахъ гостя. То былъ Амстердамскій бургомистръ Николай Витсенъ, и Государь въ Амстердамѣ рѣдко куда ходилъ безъ него. Такъ и теперь, когда аудіенція кончилась, когда Государь человѣкъ десять принялъ въ Русскую службу, а человѣкъ двадцать забраковалъ, вышелъ на крылечко вмѣстѣ съ Витсеномъ, и тутъ только вспомнилъ про Дьяконова...

— Вотъ и путаница, сказалъ Государь: а потому, что на рынкѣ для памяти въ книжку не посмотрѣлъ и не записалъ. Ну, да солнце еще не такъ высоко. Успѣемъ! Что, Витсенъ, можно и ему съ нами?...

— Почему же и нѣтъ?

— Ну, Дьяконъ, такъ я тебя поздравляю; просто чудеса увидишь.

И пошли къ знаменитому анатому Рюйшу. Въ анатомическомъ кабинетѣ никого не было, кромѣ самого волшебника, какъ называлъ Государь Рюйша. Это уже было третіе посѣщеніе; Государь прямо отправился къ любимому препарату. То былъ набальзамированный ребенокъ, чудо и верхъ сосовершенства искусства. Дьяконовъ имѣлъ время осмотрѣть весь кабинетъ съ подробностію, потому-что Государь, словно околдованный, долго стоялъ надъ ребенкомъ; дитя будто спало сномъ сладкимъ и во снѣ такъ прекрасно улыбалось, словно разсказывало, какъ хорошо умереть ребенкомъ. Въ первое посѣщеніе, изъ этой комнаты Петра

едва могли вывести, но теперь, наглядѣвшись, онъ съ обычною живостью обратился къ Рюйшу:

— Продай!...

— Я уже докладывалъ вамъ...

— Чтò хочешь, возьми!...

— Не могу! Я старъ. Во второй разъ не успѣю произвести такой кабинетъ, а онъ-то и есть жизнь моя!..

— Ну, этого одного малыша!...

— Это и мой любимецъ...

— Несносный! и Государь ушелъ такъ скоро, что спутники догнали его уже на улицѣ...

— Послушай, Витсенъ! Какъ хочешь, достань мнѣ этотъ кабинетъ...

— Ручаться не могу, но постараюсь...

— Ну, такъ ступай же сей-часъ къ нему, уговори, уломай, а я приду къ тебѣ за отвѣтомъ къ обѣду. — Дьяконъ, пойдемъ! Гдѣ твой живетъ?...

— Охъ, далече! На Регулярномъ, сирѣчь, сырномъ рынкѣ...

— Вотъ и кстати! Еще рано! По дорогѣ къ кому нужно, зайдемъ. Да что ты, Дьяконъ, словно хвостъ какой, все сзади плетешься? Ступай со мной фронтомъ!...

— Государь!...

— Я-те дамъ: Государь! Никто не долженъ знать, кто изъ насъ Русскихъ чиномъ старше! Слышишь!...

— Слушаю-съ!

— Да полно тебѣ, словно солдатъ на муштрахъ вытягиваться! Мнѣ въ твоемъ наружномъ решпектѣ никакой нужды нѣтъ. И чтò я, кусаюсь,

чтò ли, что ты все отъ меня будто отскочить хочешь? Не подличай, если совѣсть чиста!...

И Дьяконовъ смѣло поровнялся съ Петромъ, и пошли дальше рядомъ...

— Я тебя задержалъ, а твой ученый мельникъ ждетъ не дождется.

— Ого! Не таковскій! Сегодня вторые сутки, а онъ какъ объѣстся, такъ меньше какъ въ три дня оправиться не можетъ. И какой онъ тамъ ученый! Мы съ Моляромъ у него ничего еще для насъ новаго не пріобрѣли. Такая ученость на всякой добропорядочной голландской мельницѣ сама явствуетъ. Вотъ бы намъ туда ходить, куда Встрѣшневъ ходитъ...

— Къ Фанъ-деръ-Гайдену?

— А кто его тамъ кличку знаетъ! Встрѣшневъ хвалится.

— Да то Инжениръ водяныхъ дѣлъ.

— А мы съ мельницами развѣ сухопутные?

— Твоя правда! Такъ постой же! Пойдемъ теперь же! Кстати тутъ близко.

И какъ разъ попали на лекцію. Старикъ Фанъ-деръ-Гайденъ, бѣловолосый, но здоровый, полный и румяный, сидѣлъ въ сторонкѣ, а сынъ его, лѣтъ 30, стоялъ на каѳедрѣ и объяснялъ законы тогдашней механики пятнадцати слушателямъ. Увидавъ гостей, всѣ встали. Петръ махнулъ рукой, и сѣлъ на заднюю скамейку...

— Дьяконъ! Что же ты торчишь, словно шестъ въ огородѣ? Аль забылъ! Садись!...

Нечего дѣлать. Дьяконовъ сѣлъ возлѣ Госу-

даря и со страха, да и по малому еще знанію языка, ничего не понялъ... Лекція была на исходѣ. Всѣ встали, слушатели поклонились сначала Петру, потомъ старому, потомъ молодому профессору и разошлись...

— Дѣдушка! сказалъ Государь, подойдя къ старику. Чтожъ, ѣдемъ въ Москву?...

— Нѣтъ, не ѣдемъ; здѣсь лучше!..

— Да ты Москвы не видалъ!

— И не увижу. Мнѣ и на Амстердамъ не долго смотрѣть остается.

— Такъ отпусти сына!...

— А я-то съ чѣмъ останусь? Ты будь покоенъ. Я тебѣ далъ слово приготовить искусныхъ Инженировъ и сдержу слово; тѣмъ болѣе, что оба твои питомца любознательны и понятливы.

— Такъ на̀, вотъ тебѣ и третьяго! сказалъ Государь, взявъ за руку Дьяконова и выдвигая впередъ. Малый смышленный и къ ученію охочъ...

— Давай такихъ, какъ Встрѣшневъ, сколько угодно...

— А какъ цѣна?

— Та же!

— За троихъ бы можно и уступить малую толику.

— Можно за третьяго десятью червонцами въ годъ меньше...

— Ну, а за четвертаго?

— О-о! Такъ ты мою цѣну до нуля догонишь...

— Нѣтъ, дѣдушка, только еще четвертаго!..

— Еще пятью червонцами меньше.

— Такъ по рукамъ! Слышь Дьяконъ! Ты съ Моляромъ изволь сюда ходить! До свиданія, дѣдушка!

— Вотъ, Дьяконъ! уже на улицѣ сказалъ Государь со вздохомъ, мрачно: какіе у нихъ люди! Доживемъ ли мы съ тобою подобныхъ у насъ на темной Руси?

— Трудно!...

— А почему трудно?.. спросилъ Государь грозно, вспыхнувъ и остановясь по-середь улицы, схватилъ Дьяконова за пуговицу кафтана.

— Съ чего ты это осерчалъ? Не пугай, если хочешь правду слышать. Самый честный языкъ со страха ложь замелетъ...

— Не отвиливай! Отвѣчай, почему трудно?...

— Да по многому. Матерому недорослю труднѣе учиться, чѣмъ ребенку съ-измолоду; а потомъ, какъ еще учить станешь. Если солнце печетъ сверху, а подъ ногами мерзлая земля, тепломъ Божіимъ не согрѣешься. Тожъ и на-выворотъ разумѣть надлежитъ. Надо и снизу и сверху учить, чтобы наука вездѣ проникла; а не то старшіе младшихъ, подлые знатныхъ разумѣть не возмогутъ. И то еще сказать: ты Питеръ, да не Юпитеръ! И для тебя на часахъ есть линея, а чтобы такое дѣйство въ цѣломъ народѣ сполна произвести и догнать до безопасной ступени, съ нея же назадъ не слезешь, то если не безсмертія, всячески надо бы тебѣ пожелать прожить четыре человѣчьихъ вѣка...

Государь призадумался. Помолчавъ не мало, Петръ сказалъ тихо, какъ будто про себя:

— Каждый сдѣлай, что̀ сможетъ и успѣетъ. А впрочемъ, потомковъ можно и завѣтомъ связать.

— И то правда! Только въ гисторіяхъ видно, что̀ воля и безсмертныхъ боговъ Грецкихъ и Римскихъ мѣнялась...

— Послушай, Дьяконъ, сказалъ Государь, вспыхнувъ и остановясь. Не пугай же и ты меня! Воля Бога земли Русской неизмѣнна!...

— Такъ и толковать нечего! Будемъ творить волю Господнюю сами; можетъ быть и дѣти отъ насъ научатся...

— Вотъ умно, такъ умно, Дьяконъ! Будемъ учить соотчичей всему, чему можно. Погляди, раскольники, не безъ успѣха противу святой истины лубьемъ воевали... Да вотъ, примѣрно, и корабельное дѣло. Я многому у Силы такому научился, чего не усмотрѣлъ на верфяхъ здѣшнихъ.

— У Силы, Римскаго диктатора?..

— Нѣтъ, у Силы, корабельнаго маляра...

— Не туда, не туда поворотилъ!.. сказалъ Дьяконовъ и, забывшись, схватилъ за руку Петра, повернувшаго въ переулокъ.

— Нѣтъ, туда! Другой разъ не случится, а теперь два шага до Силы...

Тихо вошли они въ мастерскую художника; на цыпочкахъ прошли между картинами и моделями кораблей, Петръ сѣлъ на стулѣ позади художника. Дьяконовъ сталъ за стуломъ. Художникъ примѣнился къ привычкамъ и причудамъ Петра, потомучто почти каждый день видѣлъ его у себя въ мастерской, на томъ же стулѣ. Продолжая работать,

Сило не обронилъ слова и вовсе не обращалъ на гостей никакого вниманія. Увѣряютъ, что Государь такъ съ нимъ условился и требовалъ, чтобы онъ для него не прерывалъ работы, а отвѣчалъ бы только тогда, если у него что̀ спросятъ. Такъ и теперь. Помолчали, посидѣли, посмотрѣли, встали, и точно также ушли, какъ пришли...

— А что? Похожъ мой гальотъ? спросилъ Государь на улицѣ.

— Не замѣтилъ! Я все на мельницу глазѣлъ. Объяденіе! Просто живая, того гляди вода забрызжетъ; страхъ какъ похожа на ту мельницу, что у Нордголландскаго канала торчитъ. Мастеръ, нечего сказать!

— У всякаго свое на душѣ, замѣтилъ Петръ, улыбаясь.

— Ну, на твоей душѣ и чужаго довольно...

— Что для нашего царства пригодно, ничего чужимъ не считаю.

— Отъ того-то и счетовъ не сведешь: такъ много нужно...

— Охъ правда, тяжкая правда!...

VII.

Вы не жалуете рѣпы? Вы презираете рѣпу? И весьма справедливо, потому что всѣ наши овощи, кромѣ сахарнаго ярославскаго горошка, больно не авантажны. А въ этой мудреной Голландіи и теперь считается болѣе 60 сортовъ одной рѣпы; есть такія маленькія, какъ райскія яблочки. Прелесть, не рѣпа, и для меня имѣетъ еще значеніе исто-

рическое, потому что г. Тессингъ отмѣнно уважалъ этотъ сортъ благородной овощи. Онъ уже давно ходилъ по корректурному салону, и то и дѣло поглядывалъ то на дверь въ кухню, то на супротивную ей, знакомую намъ стеклянную дверь въ книжную лавку. Напрасно Евва Цальбе разливалась въ краснорѣчивыхъ упрекахъ. Тессингъ ее не слушалъ; а она говорила, какъ мнѣ кажется, правду...

— Всякій можетъ имѣть свое мнѣніе, но по моему это не благообразно, не высокоутонченно, даже если осмѣлюсь выразить, нѣсколько грубо съ вашей стороны. Чѣмъ онъ виноватъ, что вамъ вздумалось произвести его въ Императоры? Это ваша собственная выдумка; на себя и пеняйте, а долгъ благородной признательности, высокоутонченной благовоспитанности...

— Что это Марта такъ долго сидитъ на кухнѣ? Ужъ не пригорѣла ли рѣпа! Я начинаю безпокоиться!...

— ...требуетъ съ вашей стороны приличнаго изъявленія вашихъ чувствъ. Сколько времени прошло, а вы еще не были у спасителя вашей дочери, тогда какъ онъ первый оказалъ вамъ такую элегантную учтивость, и съ тѣхъ поръ пропалъ, не является, сердится, и за нимъ полное право...

— Наконецъ! Слышите! Марта идетъ, рѣпу несутъ! Милости просимъ садиться! Извините! Я люблю горячую...

И въ одну миниту Тессингъ сидѣлъ уже за корректурнымъ столомъ, обвязанный, словно парусомъ,

салфеткой. Наливъ чарку джину, онъ уже собирался проглотить первый пріемъ любимаго напитка... Въ одно и тоже мгновеніе дверь изъ кухни отворилась, а въ лавкѣ зазвенѣлъ колокольчикъ. Марта взглянула въ стеклянную дверь, вскрикнула и блюдо само изъ рукъ выскочило. Рѣпа потекла пò полу дымящейся лавой; Тессингъ, какъ былъ, такъ съ чаркой въ рукахъ, обвязанный салфеткой вскочилъ въ ужасѣ, взглянулъ въ лавку и перепугался не меньше Марты. Теперь ужъ нельзя было ошибиться. Въ лавкѣ стоялъ настоящій Московскій Императоръ. Нечего дѣлать; надо было забыть джинъ, рѣпу, все, и выйти къ высокому гостю. И Тессингъ дѣйствительно забылъ все, потому что выскочилъ въ лавку, какъ былъ, подъ длинной салфеткой, точно въ саванѣ.

— Вы обѣдаете? сказалъ Петръ: извини мастеръ! Изъ ума вонъ, что уже полдень, а правду сказать и у меня червякъ въ желудкѣ заходилъ; позволь и намъ пропустить по чарочкѣ...

И не ожидая приглашенія, Государь съ Дьяковымъ, а за ними совершенно смущенный Тессингъ, вошли въ корректурную. Дамы, пуще Тессинга, сконфузились. Марта выскочила впередъ и, присѣвъ, такъ и осталась, стараясь обширными юбками закрыть зрѣлище валявшейся по полу рѣпы...

Государь прямо подошелъ къ графинчику, но чарки не было. Она пребывала крѣпко и недвижно въ оцѣпенѣвшей рукѣ Тессинга. Петръ безъ церемоніи налилъ джину въ стаканъ, выпилъ, от-

ломилъ кусокъ хлѣба, уткнулъ въ солонку и, закусывая, сказалъ:

— Дьяконъ, хочешь?...

Но тому было не до джина. Онъ никакъ не могъ понять, отчего это Марта пребываетъ въ такой эмблематической позѣ? Государь, не обращая на дамъ вниманія, сѣлъ за столъ:

— Садись, мастеръ, кушай, а мы пока тебѣ про нашу нужду доложимъ.

— Маестетъ! едва могъ выговорить Тессингъ. Петръ посмотрѣлъ на него такъ быстро и грозно, что у того колѣнки подогнулись; тутъ только онъ вспомнилъ, что̀ въ прошедшее воскресенье на проповѣди говорилъ пасторъ.

— Извините, благородный гость! сказалъ онъ, оправляясь и садясь за столъ. Неожиданность... незапность... нечаянность... невзначай!...

— Мартынъ! сказалъ Государь, не глядя на Дьяконова. Уговоръ лучше денегъ; ты продаешь меня; торчишь, словно конюхъ...

— Никакъ нѣтъ! Я жду, пока госпожи сіи...

Петръ вскочилъ.

— Твоя правда! Простите нашей дѣловой простотѣ. Садитесь, прошу васъ!...

Усѣлись. Дьяконовъ подлѣ Петра.

— Мастеръ! Я люблю дѣло вести на чистоту. Вотъ мы съ товарищемъ хотимъ на Москвѣ вольный печатный дворъ затѣять.

— Хорошо, умно! сказалъ Дьяконовъ по-русски, весело потирая руки...

— У меня Русскихъ литеръ нѣтъ..

— Знаемъ. Но мы хотимъ, чтобы ты сдѣлалъ новыя...

— Прикинь ему что ни есть похвальное, поощрительное — тихо сказалъ опять по-русски Дьяконовъ.

— Ты, говорятъ, продолжалъ Петръ: въ Амстердамѣ самый первый мастеръ.

— Очень хорошо! Отмѣнно! Это его разжалобитъ.

— Хвалиться не смѣю, но считаю себя непосредственнымъ потомкомъ Людовика III и Даніила Эльзивировъ, отъ которыхъ происхожу по прямой, хотя и женской линіи. Бабушка моя была родною и единственною сестрою Людовика III. Іоаннъ Емануилъ Тессингъ, мужъ ея, а мой дѣдъ родилъ сына Іоанна II, Гавріила Тессинга, а Іоаннъ II родилъ меня, Іоанна III, а я родилъ всего одну, вотъ эту Марту, единственную наслѣдницу имени и достоянія моего. Хотя и отецъ, и дѣдъ мой—были мастерà печатнаго дѣла, но собственнаго заведенія не имѣли, а трудились на пользу и славу наукъ въ типографіи Даніила до 1680 года, т. е. по достопамятный годъ смерти величайшаго изъ Эльзевировъ. Но со вдовой его Анной Беернинкъ поладить не могъ отецъ мой и завелъ собственную типографію, эту самую, которая теперь осчастливлена Вашимъ Высокимъ... я хотѣлъ сказать просто,— Вашимъ посѣщеніемъ, а когда Анна Беернинкъ въ 1691 году отправилась туда, куда ей давно слѣдовало, неблагодарный Амстердамъ, не умѣющій цѣнить заслуги великихъ гражданъ, про-

далъ знаменитѣйшее заведеніе Людовика III и Даніила съ публичнаго торгу. Позвольте утереть невольную слезу!.. Съ публичнаго торгу! И въ чужой городъ, въ Гаагу! Добро-бы кто порядочный купилъ, а то Адріанъ Мётьенсъ, который своего только и издалъ: *Оракулъ, какъ познавать будущее* и ничтожное *Opuscul'um о румянахъ и бѣлилахъ*, всего двѣ, и тѣ богопротивныя книжёнки. Сердце разрывается, когда вспомню, какъ грузили эти великолѣпные, священные для всей Голландіи станки... Позвольте еще поплакать!..

— Тотъ истинный мастеръ, кто дѣло свое слезно любитъ...

— Знатно! Отъ такого леденца онъ самъ растаетъ. Да ты ему въ зубы не гляди. Гораздъ врать. Принимайся за дѣло!

— Такъ вотъ видишь, высокопочтеннѣйшій Іоаннъ III! Намъ съ товарищемъ нужны литеры...

— Позвольте! Не думайте, что у меня отъ Эльзевировскаго достоянія ничего не осталось. Вы ошибаетесь! Я купилъ четыре запасныя рамки и валёкъ, которымъ Даніилъ собственноручно намазывалъ на литеры краску. Вотъ теперь все! И я весь къ услугамъ Вашего... Вашей милости...

— Да я уже тебѣ сказывалъ, намъ нужны новыя русскія литеры...

— Не имѣю.

— Такъ сдѣлай!

— Не умѣю! Никогда не видалъ.

— Да мы покажемъ!

— Скажи ему, что я для модели такъ вычерчу

всю азбуку и все, что нужно, что онъ такой лѣпоты и не видывалъ...

— Вотъ пріятель мой, Мартынъ Дьяконовъ, тебѣ литеры красно вычертитъ...

— О! тогда я себя почту счастливѣйшимъ человѣкомъ, что могъ угодить такому... такой особѣ.

— Ну, это вздоръ! Ни ты меня, ни я тебя не знаю, а всякое дѣло надо на чистоту выкладывать.

— Ты скажи ему: пусть со мной договорится, а я ужъ не дамъ промаха!..

— Главное, ты согласенъ? Ну, я очень радъ. Такъ ты вотъ ужъ съ нимъ со всѣми обстоятельствами покончи, и контрактъ напиши и прочая.. А мы твоему обѣду мѣшать не станемъ, хотя пресоблазнительно рѣпой пахнетъ. Прощай!

Тессингъ и опомниться не успѣлъ. Ушли.

— Слава Богу, слава Богу, какъ я рада! И Марта прыгала отъ радости...

— Чему ты такъ рада? спросилъ Тессингъ, проводивъ Государя и возвращаясь въ корректурную...

Марта оторопѣла...

— Чему? подхватила Цальбе. Дѣло простое! Марта рада, что Московскій Императоръ рѣпы на полу не замѣтилъ...

— Рѣпы! А что же мы будемъ ѣсть?

— Рѣпу! Рѣпу, батюшка! Сегодня для всѣхъ рѣпу варили. Можетъ-быть для васъ тамъ еще осталось!.. Постойте! Я сбѣгаю...

— Нѣтъ! сказалъ грустно Тессингъ. Мнѣ все это что-то не нравится...

— Что вамъ не нравится? спросила Евва Цальбе.

— Не ваше дѣло! Этотъ Эксъ-Кайзеръ приводилъ сюда настоящаго Кайзера не за литерами. Всѣ эти бѣдствія по милости бабьего пола...

— Какія бѣдствія?

— Говорятъ вамъ, не ваше дѣло!

VIII.

На другой день рано утромъ Моляровъ прибѣжалъ, запыхавшись на Остъ-Индскій дворъ. Но Государя уже не было; онъ пошелъ на Посольскій дворъ къ обѣднѣ, потому-что это было воскресенье; изъ десяти товарищей Петра, только трое оставались дома: Гаврило и Александръ Меньшиковы, да Петръ Гутманнъ; первые два по дежурству; Гаврило только-что вернулся съ рынка и принялся стряпать на артель кушанье: то была его очередь; Александръ по той же причинѣ подметалъ комнаты, вытиралъ окна, а Гутманнъ былъ лютеранинъ, и собирался пойти въ кирку попозже...

— Господи Іисусе Христе! Помилосердуйте хоть вы, честные господа! Такъ вопилъ Моляровъ, блѣдный и растрепанный.

— Что случилось? спросилъ Меньшиковъ.

— Дьяконовъ рѣхнулся.

— Что такое?

— Не то одурѣлъ, а совсѣмъ съ ума спятилъ...

— Какимъ образомъ?..

— Какой тамъ образъ! Совершенное безобразіе! т. е. такъ-таки въ обрѣзъ помѣшался...

— Жаль!

— Чего тамъ жаль! Ужъ давно по цѣлымъ ночамъ пѣтухомъ кричитъ, а теперь нѣчего жалѣть, связать надо...

— Дерется?

— Хуже! Прибѣжалъ изъ кабака, что-ли, красный! Глаза такъ и хотятъ выскочить! На меня словно медвѣдь бросился; цѣлуетъ, Іуда этакой! Ей Богу, цѣлуетъ! А самъ душитъ! Я пищу; а онъ вдругъ, будто змѣя его укусила; какъ отскочитъ: А ты не радуешься? Ты сейчасъ въ доносъ пойдёшь! Знаю я тебя, отъѣдальщика этакого; полезешь въ Остъ-Индію наушничать. Я тебѣ языкъ и уши отрѣжу... Да и полезъ въ карманъ за ножемъ; благо окно было отворено, я шмыгъ, да сюда опрометью!.. Помилосердуйте!..

— Эхъ, досадно! Государь весьма полюбилъ Мартына. Будетъ печаловаться... Надо бы нашего медикуса туда послать...

— Какого тамъ вамъ медикуса! Пошлите солдатъ! Его надо прежде увязать, а потомъ уже за медикусомъ посылать. Да и тотъ, что̀ поможетъ, когда разсудокъ изъ дому бѣжалъ...

— Знаешь, Гутманнъ! Намъ съ Гаврилой нельзя отлучиться: мы дежурные; а ты бы, передъ киркой, успѣлъ осмотрѣть Мартына Лукича; Якимкѣ что-то не вѣрится...

— Видишь, какъ важно! Мартына Лукича! Съ Государемъ по городу ходилъ! Въ князья попалъ!! Вотъ разбаловали, онъ съ жиру и взбѣсился...

— Не слушай, Петя! Ступай! А не то Государь на тебя сердиться будетъ...

— Послѣднее убѣжденіе подѣйствовало. Гутманнъ вооружился дубиной, другую трость далъ Молярову и отправились въ походъ, не безъ страха.

— Что это въ самомъ дѣлѣ съ Мартыномъ Лукичемъ случилось?..

А вотъ что, почтенный Гутманнъ! Я тебѣ лучше Молярова разскажу. Вчера цѣлый вечеръ, да и всю ночь, Дьяконовъ, съ помощію циркуля и линейки, Славянскія буквы чертилъ, да на бѣду, съ тѣмъ вмѣстѣ заучивалъ по-голландски избранныя имъ эмблемы. Одно дѣло другому мѣшало, такъ что Славянская азбука начистò едва къ 8 часамъ утра поспѣла. Дьяконовъ свернулъ листъ въ трубку, взялъ книжку съ эмблемами, циркуль, линейку и отправился къ Тессингу... Завѣтное окно было поднято. Марта, разодѣтая по праздничному, сіяла изъ окна полнымъ блескомъ голландской румяной и дородной красоты. Привѣтствіе Дьяконова было принято не только съ самоприличнѣйшимъ реверансомъ, но и съ улыбкой. Дьяконова въ пожаръ бросило; не помня себя отъ радости, онъ взбѣжалъ на крылечко такъ быстро, что только и успѣлъ сказать: *Cedat orator amori, любовь силу имѣетъ и надъ риторомъ, сирѣчь и надъ учеными людьми!* Но, увы! дверь въ магазинъ была заперта. Напрасно Дьяконовъ могучимъ кулакомъ потрясалъ ветхую дверь, такъ что сосѣдямъ показалось будто изъ пушекъ палили...

— Опомнитесь, г. Мартынъ! кричала Марта, перевѣсясь изъ окна: вы видно забыли, сегодня воскресенье... Весь городъ по церквамъ.

— Такъ чтожъ, что по церквамъ? такъ чтожъ, что воскресенье?..

— Никого дома нѣтъ!

— Какъ никого? А вы?

— Я одна...

— Тѣмъ лучше! Чортъ возьми позабылъ по-голландски. *Socium non fert Cupido... Любовь не любитъ товарища...* Отворите!..

Дьяконовъ мѣшалъ всѣ три языка; послѣднее слово Марта поняла...

— Какъ можно!

— Отъ чего же нельзя. *Amantibus* все можно. *Amor cantare cogit. Любовь неволитъ пѣсни пѣть.* Отворите!..

— Право не могу. Приходите завтра!

— Завтра — будутъ свидѣтели, а я имѣю тайность до васъ однихъ... я васъ люблю! Понимаете?!..

— Мнѣ стыдно!..

— Чего стыдиться? Любви? Нѣтъ! Я прямо говорю: *Безъ тебя умру азъ*, *Te non videns moriar*, вспомнилъ, ей Богу вспомнилъ, эмблема *сорокъ первая*: *Sonder u moet ik sterben*!..

— Ахъ, что вы это говорите!

— И умру-таки, вотъ сейчасъ умру, тутъ на мѣстѣ, на улицѣ. *Nec caesus cedam*, *хотя раненъ, не поддамся*. Смотрите! Уязвляю себя и умираю... И съ необыкновеннымъ трагическимъ талантомъ, Мартынъ извлекъ изъ кармана циркуль и саможивописнѣйшимъ образомъ сталъ во вторую позу театральнаго самоубійства. Видно Марта на теат-

рахъ не бывала и не разсмотрѣла оружія; за правду перепугалась и закричала:

— Остановитесь!

— Отворите! завопилъ Дьяконовъ голосомъ отчаянія.

— Отворяю!.. отвѣчала Марта трепещущимъ голосомъ такъ называемой удрученной невинности.

— Ага! воскликнулъ Дьяконовъ по-русски, когда Марта ушла: въ такихъ критичныхъ случаяхъ плутовство дозволительно. *Amoris victoria fit per stratagemata. Любовь побѣдитъ токмо переводомъ.*

Дверь отпахнулась; но Марты не было видно; за нею исчезъ и Дьяконовъ.

Объяснились ли они, на какомъ языкѣ, какъ все это происходило?.. — зачѣмъ лгать, не знаю; но то истина, что въ избыткѣ блаженства, прибѣжавъ домой, Дьяконовъ дѣйствительно смахивалъ на полуумнаго, и то правда, что въ томъ же восторгѣ сталъ обнимать Молярова, но, не замѣтивъ въ немъ сочувствія, вспомнилъ, что Моляровъ любитъ на Остъ-Индскомъ дворѣ болтать лишнее, и, еще подъ вліяніемъ любовнаго паѳоса, хотѣлъ припугнуть его трагически. Но пока Гутманнъ пришелъ въ квартиру Дьяконова, буря восторговъ улеглась и смѣнилась тихимъ блаженствомъ. Гутманнъ нашелъ его отмѣнно веселымъ, любезнымъ, умнымъ, ругнулъ Молярова и пошелъ въ кирку...

— Мартынъ Лукичъ, сказалъ Моляровъ жалобно. За что же ты хотѣлъ меня зарѣзать?

— Потому-что сегодня на рынкѣ не былъ и на жаркое не припасъ баранины.

— У меня жареный гусь есть!..

— Вотъ и кстати! Мѣшай дѣло съ бездѣльемъ, съ ума не сойдешь!

— Вретъ! Съѣхалъ! Да только прикидывается, будто въ своемъ умѣ...

— Гдѣ же гусь? Смерть ѣсть хочется!..

— Ого! Уже начинаетъ забирать! Сейчасъ, Мартынъ Лукичъ, сію минуту! Покушаетъ, авось угомонится.

IX.

30 августа 1697 года, по точнымъ свѣдѣніямъ былъ понедѣльникъ, а у г. Тессинга еще и *синій* (техническій и во всѣхъ типографіяхъ извѣстный терминъ), потому-что вчера было воскресенье и у почтеннѣйшаго потомка Эльзевировъ было много гостей, а отъ этого на другой день, и не только въ понедѣльникъ, у многихъ голова болитъ, что̀ случилось и съ г. Тессингомъ. Болѣла у него голова такъ сильно, что онъ съ постели не могъ подняться.—Колокольчикъ прозвенѣлъ;—Кто тамъ?.. спросилъ больной, но въ комнатѣ никого не было. Прошло минутъ пять, вбѣжала Марта.

— Папа̀! Тотъ дворянинъ, что третьяго дня про типографію для Москвы...

— Это мой кошемаръ! Онъ меня всю ночь душилъ! Охъ! Я не могу встать, принять его; да что ему надо?..

— Какой странный вопросъ? Вѣдь вы дали

Императору слово сдѣлать матрицы для новыхъ Русскихъ литеръ, отлить ихъ...

— Далъ слово,.... говоришь ты? Я что-то не помню. Охъ!

— А мы всѣ помнимъ. Вотъ онъ, г. Мартынъ, и пришелъ...

— Какой тамъ онъ господинъ! Должно быть какой нибудь Царскій фельдшеръ, подмастерье изъ аптеки, такъ по латыни и чешетъ....

— Помилуйте, да онъ Тита Ливія, помните, какъ читалъ..

— Ну, сама посуди, станетъ-ли порядочный дворянинъ Тита Ливія читать? Дворяне во Франціи ничего не читаютъ, а ужъ въ темной Московіи!... Ну, да все равно! Чтожъ ему надо?

— Ахъ, Господи! Литеры принесъ! Чудо какъ вычерчены!

— Станетъ дворянинъ литеры чертить! Такое подлое, черное дѣло. Скажи, пусть завтра придетъ...

— Обидится.

— А чортъ его побери! Важный баринъ! Сказано: завтра! Охъ!

— Позвольте, я за васъ распрошу и вамъ доложу...

— Пожалуй! простоналъ Тессингъ, но, опомнясь, вскрикнулъ: нѣтъ нельзя! Онъ тебѣ, кошемаръ этотъ, такое наскажетъ!.. Онъ, пожалуй, приколдуетъ; у варваровъ чародѣйство въ модѣ...

Но запрещеніе послѣдовало поздно. Марта его уже не слышала, а слушала Голландско-Римское

объясненіе литеръ и любви. Напрасно Тессингъ, волнуемый подозрѣніями, всталъ съ постели, одѣлся, и на цыпочкахъ крался къ двери въ корректурную. Коварное любопытство жестоко было наказано. Марта, чрезмѣрно чѣмъ-то взволнованная, съ излишнею живостью отворила дверь и носъ Іоанна III чрезъ четверть часа рѣшительно удвоился въ объемѣ. Въ полномъ смыслѣ вышелъ синій понедѣльникъ и обратился на голову Дьяконову, потому-что всю вину и этого печальнаго случая Тессингъ взвалилъ на Мартына.

— Такъ и есть! сказалъ Тессингъ, ощупывая носъ. Я угадалъ. Нагрубилъ, дерзкій варваръ! Нагрубилъ, Скифъ неотесанный!...

— Какъ можно! Самое деликатное дворянское обхожденіе....

— Отъ котораго носъ мой обратился въ расквашенную рѣпу...

— Я спѣшила къ больному; я не знала... Безъ вины виновата...

— Не ты, а этотъ кошемаръ! Цѣлую ночь онъ не даромъ душилъ меня...

Послѣ этого и не удивительно, что и на другой день, 31 августа, Тессингъ принялъ гостя неблагосклонно. Но Мартынъ на пріемъ его не обращалъ особеннаго вниманія; ежедневно являлся съ новымъ проектомъ то одной, то другой буквы; ежедневно самоутонченнѣйшимъ образомъ передавалъ Мартѣ по одной эмблемѣ, превосходно вычерченной, со всѣми подписями, въ томъ числѣ и Русскою, собственнаго, можно сказать, изобрѣте-

нія, (какъ напримѣръ: *Amantibus una voluntas*, — *любезнымъ доведется держать равно восхотѣнія*; *Non Rosas, sine spinis*, — *нѣсть рожанаго цвѣту безъ тернія; se dilatando firmant*, — *коль вящше тянется, толь крѣпче станетъ*, и т. д-). Знаніе Голландскаго языка у Дьяконова, точно вода весною, съ каждымъ днемъ прибывало. Тессингъ сталъ привыкать къ нему, тѣмъ болѣе что ученикъ не только въ будни, но и по воскресеньямъ превосходилъ въ трудахъ учителя. Не подумайте, чтобы оттого страдало дѣло. Еще передъ отъѣздомъ Государя, Дьяконовъ представлялъ Петру вмѣстѣ съ Тессингомъ превосходный *азъ* новаго рисунка, а по возвращеніи Государя изъ Англіи, въ концѣ апрѣля 1698 года, Дьяконовъ опять вмѣстѣ съ Тессингомъ презентовали Петру 48-й псаломъ, отпечатанный на розовомъ атласѣ и три листа эмблемъ съ рисунками и подписями на Русскомъ и другихъ языкахъ. Государь былъ весьма доволенъ...

— Сіи эмблемы есть весьма остроумное дѣло, сказалъ Петръ.

— И многополезное! Помнишь ли, ты изволилъ сказывать, что раскольники лубьемъ войну ведутъ. Вотъ я и придумалъ изъ этихъ эмблемъ противу нихъ противодѣйство поставить; оно вельми взрачно, а между тѣмъ тутъ есть нѣкая часть философства, и многое изъ разныхъ наукъ.

— А сколько можно совокупить такихъ эмблемъ?...

— Всѣхъ по регистру осемь сотъ и сорокъ.

Петръ потеръ себя по головѣ.

— Чай больно дорого будетъ стоить?

— Таки не мало!

— Ну, да для просвѣщенія народа ничего жалѣть не надлежитъ, понеже оно Государству паче чѣмъ жидовскіе проценты приноситъ. Того для, ... Дьяконъ,.... всю!...

— Какъ всю?

— Всю перевести, отрисовать, гравировать и отпечатать *). Можешь?..

— Могу!

— Ну, такъ спасибо, и съ Богомъ!

— А деньги!

— Прежде счетъ подай! Сторгуемся!

— Да что я даромъ, что ли, въ Голландіи пребываю? Я не торгуюсь!...

— Ну, такъ не счетъ, а смету. Надо же мнѣ знать, какова будетъ издержка; только не мѣшкай, понеже въ половинѣ мая посольство, и я съ нимъ, отъѣзжаемъ!...

— Вотъ тебѣ разъ! А я хотѣлъ еще одну мысль тебѣ закомуниковать...

— Такъ объявляй теперь!...

— При немъ нельзя!...

— Да развѣ онъ по-русски научился?..

— Ахъ ты, Господи! Изъ ума вонъ! Вѣдь твоя

*) Что и было въ послѣдствіи исполнено. Первая книга, отпечатанная въ Голландіи съ помѣщеніемъ и Русскаго текста была именно эта эмблематика. Но почему она отпечатана была у Ветстеніуса, это особый библіографическій вопросъ, о которомъ на досугѣ поговоримъ особо.

правда. Дочь уже кое-что смѣкаетъ, а онъ и литерамъ нашимъ клички заучить не можетъ. Такъ вотъ что: мы съ своими типографіями не скоро справимся; пока заведемъ, пока людей пріищемъ, десятокъ, другой лѣтъ пройдетъ; такъ пока что будетъ, можно бы Голландскими руками каштаны таскать...

— Какъ такъ? — И Государь присѣлъ.

— Можно пожалуй одному дать,... какъ бы сказать, чтобы онъ не понялъ....

— Понимаю... и одобряю! Съ тѣмъ чтобы книги, ландкарты и всякія полезныя изображенія тискалъ и къ намъ одинъ возилъ.

— Именно, и продавалъ бы по вольной цѣнѣ, а тому обязательству и съ нашей и съ его стороны — срокъ положить.

— Поди сюда! Я тебя въ лобъ поцѣлую! Весьма апробую! Займись же этимъ дѣломъ; почитаю, съ сосѣда слѣдуетъ начать, понеже по этой части уже услуги оказалъ...

— Вотъ видишь, тутъ есть крючекъ. Сосѣдъ хорошъ, да надо его въ ежевыхъ рукавицахъ держать. Да что передъ тобою таится! У него есть дочка. Мы съ ней сердца совокупили; одинъ онъ намъ помѣха. Такъ ужъ позволь мнѣ его зануздать, аки надлежитъ.

— Мнѣ все равно, ты мнѣ только дѣло поставь.

— Поставлю по всей истинѣ и чистотѣ...

— Ну, такъ до свиданья!...

— За что это тебя Его Величество поцѣловать изволилъ? спросилъ Тессингъ уже на дворѣ.

— За выдумку!

— За какую выдумку?..

— Сказать-скажу, да въ свое время. А теперь извини! Мнѣ надо толкнуться къ Ветстеніусу и Цальбе и къ другимъ книгопечатальщикамъ....

— Зачѣмъ?

— Скажу, скажу, да послѣ, а теперь извини!..

Еще въ предѣлахъ Остъ-Индіи имъ пришлось итти мимо небольшаго домика, въ которомъ жилъ Савва Уваровъ, дворянинъ, приписанный, *также по охотѣ,* къ ботовому дѣлу. Тотъ увидавъ Дьяконова, чуть изъ окна не выскочилъ.

— Мартынъ Лукичъ! Отъ души поздравляю!

— Съ чѣмъ это, Савва Кирилычь!

— Да вотъ я на почтовомъ дворѣ былъ; повѣщеніе было, деньги тетка прислала. Спрашиваю: нѣтъ-ли еще чего къ нашимъ? Только Мартыну Дьяконову пустая грамотка. Все равно! Подай! Давно его не видѣлъ; самъ занесу; вотъ-те и грамотка!...

— Да съ чѣмъ же тутъ поздравлять?

— Прочти, узнаешь! А я знаю, потому-что и ко мнѣ пишутъ.

— Это почеркъ моего добраго Кундеусикова. Виноватъ! Давно не писалъ; ну, да прежде надо дѣла утвердить. Спасибо, прощай!

— А чтожъ ты грамотку...

— Послѣ прочту... Тороплюсь къ Ветстеніусу, Цальбе...

Тессингъ схватилъ его за фалды кафтана.

— Послушайте, г. Мартынъ, да это право не по-дружески.

— Да ты мнѣ что за другъ такой? *In vino veritas*, а ты какъ лизнешь небережно, сейчасъ ругать меня начинаешь. Я ужъ нѣсколько разъ поколотить тебя за то собирался; да есть помѣха.

— Ну, право, я съ тобою вздорю, только по воскресеньямъ, а то всегда служу вѣрно...

— Да я тебѣ и плачу исправно, такъ нечѣмъ хвастать...

— Ну, да сдѣлай же мнѣ милость, не ходи сегодня!..

— Нельзя, Государь разсердится! Дѣло важное! Не пойду сегодня, придется ждать до вторника. Завтра воскресенье, да въ прибавку 1-е мая, безъ кутежа не обойдется; значитъ въ понедѣльникъ всѣ будемъ въ пасахъ.

— Послушай, г. Мартынъ! Вѣдь я тебя прошу сдѣлать мнѣ дружеское одолженіе, отложи до вторника!...

— Ну, пожалуй, изволь! Только право не пойму: зачѣмъ?... Ну, да сказалъ, слова назадъ не возьму... А теперь прощай, пойду домой грамотку читать...

— Да ты развѣ письма своего у меня прочесть не можешь?

— Никакъ не могу....

— Да развѣ я по-русски знаю?..

— Должно быть смѣкать начинаешь, если меня не пускаешь къ Ветстеніусу...

— Нѣтъ! Ей Богу, я такъ! Капризъ! Вотъ захотѣлось до смерти, чтобы субботу съ тобой докончить...

— Странно! Ну да нечего дѣлать, пойдемъ! — Кажется, стратагематъ мой совсѣмъ подѣйствовалъ, думалъ Дьяконовъ, улыбаясь: боится выпустить меня изъ рукъ! — Ну, братъ, да и ты изъ моихъ сѣтей не выскользнешь, и произойдетъ эмблема въ лицахъ: *трудная ловля, гдѣ ловецъ ловленъ, — laboriosa venatio ubi venator est captus*! А ты, верткій Голландскій угорь, — *captus*! Капутъ тебѣ! Не увернешься!..

— Вотъ полагайся на женщинъ! воскликнулъ Тессингъ, уже на своей улицѣ, указывая на раскрытую дверь магазина.

— А что?

— Да развѣ не видишь? Дверь въ магазинъ настежъ. Я право не пойму, что съ моей Мартой сдѣлалось?..

— Право, не знаю...

— Да и никто не знаетъ! Страшная разсѣянность!

Вошли въ магазинъ, Тессингъ направилъ стопы прямо къ стекляной двери; Марта перепугалась; хотѣла что-то спрятать, но поздно; Тессингъ накрылъ рукою цѣлую кипу бумагъ....

— Что это?...

— Эмблемы....

— Какія у чорта эмблемы!..

— Да это мои эмблемы, сказалъ Дьяконовъ, покраснѣвъ, однако же довольно твердо...

— Да зачѣмъ же онѣ у Марты...

— Я отдалъ ихъ на сохраненіе.

— Да что она тебѣ, казначейша, что-ли?

— Фу, къ чорту! Чтожъ ты меня стращать что-ли сталъ?! Ну, казначейша! Дома отъ Молярова ничего не упрячешь, вотъ я и отдалъ ей въ депозитъ. Вотъ и вся не долга!

— Ахъ ты, Господи! И все амурныя?

— Веселѣе!

— Да не мнѣ!

— Стану я о тебѣ заботиться...

— И какая куча!

— 273! Каждый день по одной!

— Каждый день! 273 грѣха!

— Что ты за вздоръ тамъ мелешь! Если тебѣ не нравится, что я твоей дочери депозитъ такой далъ, такъ подавай ихъ сюда — и прощай!..

— Но согласись, г. Мартынъ! Прилично-ли дѣвушкѣ, ребенку?...

— Въ двадцать лѣтъ у иныхъ полдюжины своихъ ребятъ бываетъ... Ну, да если тебя муха укусила, съ тобой не сладишь; давай эмблемы, кстати до нихъ теперь и очередь дошла, и прощай!

— Постой, прежде пообѣдаемъ!

— Пожалуй! Разсердился я на тебя; ѣсть захотѣлось.

— И со мной тоже! Ну, что же ты стоишь, какъ вкопанная! Слышала: обѣдать! Пошла! А раздѣлаюсь я съ тобою послѣ.

— А я съ тобой прежде!...

— Какъ ты со мной! Ты тутъ что?

— Старше тебя! Понимаешь!

— Дворянствомъ чванишься, что-ли? А самъ голъ, какъ соколъ....

— Соколъ у вороны ѣсть не попроситъ, а буде голодъ докучитъ, самоё ворону пожретъ! Понялъ?...

Въ сердцахъ, Дьяконовъ сѣлъ на стулъ къ окну, вынулъ письмо, прочелъ, вскочилъ, подпрыгнулъ и сказалъ весело Тессингу:

— Теперь я на тебя рѣшительно плюю. Понялъ!

— Неужели это онъ изъ письма такую дерзость вычиталъ? Надо притвориться и все выспросить, а ужъ потомъ, безъ церемоніи, въ шею.... Ну, полно, г. Мартынъ! Съ голоду повздорили. Выпьемъ лучше джину!...

— Не мѣшаетъ. Выпьемъ!

За обѣдомъ какъ-то все уладилось; пошло гладко. Дьяконовъ прикинулся, будто лишнее выпилъ; а тамъ проболтался, зачѣмъ хотѣлъ итти къ Ветстеніусу.

— Вѣдь этакой привиллегіумъ не шутка, говорилъ онъ съ важностью: Государь все мнѣ предоставилъ. Если кому на семь лѣтъ дамъ, — богатъ будетъ; а если на десять—просто въ Крезы попадетъ. Разумѣется, Государь тутъ и обо мнѣ подумалъ, потому-что выдумка, сирѣчь инвенція, моя; такъ чьи кондиціи будутъ выгоднѣе *для меня*, тотъ и бери привиллегіумъ.

— А какія же твои кондиціи?...

— Э, молодъ! Когда конкурсъ объявлю, тогда и узнаешь! Ты же индѣйскій пѣтухъ! Сейчасъ

забормочешь: «нельзя»; ну, а Ветстеніусъ и Цальбе.... тѣ....

— Позвольте вамъ доложить, г. Мартынъ, вѣдь это нечестно.

— Это почему!

— Развѣ не я первый Россійскія литеры въ Амстердамѣ затѣялъ?

— Пожалуй я тебѣ первому и скажу, да только ты индѣйскій пѣтухъ....

— Право не знаю, чѣмъ я подалъ поводъ....

— Ну, изволь, только помни, не болмотать. Первая и главная кондиція, *sine qua non!* У Ветстеніуса, у Цальбе и у тебя есть по дочкѣ. Я только такихъ конкурентовъ и выбираю, у которыхъ дочки есть; кому Государь, по моему докладу, контрактъ подпишетъ, тотъ подавай мнѣ свою дочку....

— Какъ подавай?...

— За меня замужъ!...

— Марта! Выдь вонъ!...

— О, нѣтъ! Требуется свидѣтель и самый важный!... Что, Тессингъ? Прикусилъ языкъ; впередъ зналъ....

— Но дочь моя другому обѣщана....

— Э, такъ и толковать съ тобой нечего! Прощай! Впередъ зналъ, что съ тобой концовъ не свести....

— Да нельзя ли эту кондицію измѣнить?

— *Sine qua non!* Ветстеніусъ, я увѣренъ, упрямиться не будетъ.

— Не думаю. Онъ тоже родное дѣтище за голыша выдать не захочетъ....

— Самъ ты голышъ! Я могу типографію и съ тобою вмѣстѣ купить. На, читай! — И Дьяконовъ бросилъ на столъ полученное имъ письмо.

— По-русски?

— Ну, такъ пусть Марта прочтетъ!

— Марта! Да когда же она успѣла?...

— Въ 273 дня по-халдейски выучишься. Читай, Марта, громко! Покажи ему цыферь.... 200 дворовъ и 12,000 рублей, сирѣчь талеровъ! Читай, пожалуйста....

— Да какъ она по-русски выучилась?

— *Amor eloquentiam parit, любовь велерѣчіе промышляетъ.* Нѣтъ, глупо! Это сюда не совсѣмъ приходится. Ну, да все равно. И отсюда явствуетъ, какою силою Марта Русскую граммоту познала. Да читай же, Марточка, пожалуйста!

Марта взяла письмо, и робко стала складывать: «Лю-без-ный-сынъ».

— Плохо еще выговариваетъ, но исправно читаетъ, и пятое черезъ десятое уже разумѣетъ. Читай, читай дальше! Пусть и онъ знаетъ, какъ достойный Кундеусиковъ у злыхъ дядей моихъ собственность мою родовую закономъ и Государевымъ судомъ оттягалъ.... Читай, сдѣлай милость, читай!

— Довольно, очень довольно! (Эту кондицію они кажется сами порѣшили. Лучше дальше не распрашивать). Ну, а другія кондиціи?...

— А на эту ты согласенъ?...

— По неволѣ!

— Ну, такъ бей по рукѣ! Марта, разними! Да не жмурься! Не думай надуть! Я не поддамся!...

— Ну, а другія кондиціи?

— Завтра вмѣстѣ напишемъ, а сегодня на радости выпить хочется. Марта, подай моей мальвазіи....

— У Марты — твоя мальвазія!

— По неволѣ, какъ ты же говоришь! По воскресеньямъ ты гостей такою Голландскою отвратною брагою подчиваешь, что право пить ее никакихъ силъ не хватаетъ, а пить хочется; вотъ я въ тайности свою мальвазію и завелъ, а Мартѣ отдалъ въ депозитъ....

— Чортъ побери, какъ онъ разные депозиты любитъ....

— Ну, чтò, выпьемъ мальвазіи?

— По неволѣ, когда есть въ депозитѣ своя домашняя. Нечего дѣлать. Вели подать!...

X.

На другой день Тессингъ произвелъ по дому строжайшее слѣдствіе, которымъ остался вполнѣ доволенъ.

— Значитъ, все это пустяки! говорилъ онъ, весело расхаживая по комнатѣ: французская идиллія! Игра на эмблемахъ и словахъ! Никакихъ другихъ послѣдствій не оказалось. Пусть только г. Кайзеръ подпишетъ, а тамъ жениху можно и дверь указать. Конечно, Марта плакать будетъ, да слезы въ эти годы, чтò роса лѣтомъ. Солнце встанетъ, ни росинки, ни слезинки.... Главное надо

случаемъ воспользоваться и заключить контрактъ повыгоднѣе. Въ этомъ дѣлѣ Питеръ Мартына слушается....

Приходъ Дьяконова прервалъ пріятныя размышленія Тессинга. Вооружились бумагою, перьями, стали писать; но кондиціи Тессинга до того были нахальны, что Дьяконовъ рѣшительно приходилъ въ отчаяніе. Тутъ подошли гости, потомъ, по случаю 1 мая, прогулка, то, другое,— дѣла не кончили. Каждый день Мартынъ приходилъ за контрактомъ; каждый день Тессингъ, по заключеніи вчера предварительныхъ статей, включалъ при перепискѣ какую нибудь новую загвоздку, на которую Дьяконовъ не могъ согласиться. 14 мая Дьяконовъ прибѣжалъ къ Тессингу очень рано....

— Ты слышалъ! Я прямо изъ Остъ-Индіи! Государь распекъ меня по твоей милости. Завтра уѣзжаетъ! Бери контрактъ! Пойдемъ!

— Пойдемъ!

— Покажи-ка прежде кондиціи...

— Вчерашнія....

— Все таки покажи! Не къ кому, къ Государю идемъ! Твоя Голландская душонка этого не понимаетъ. Такъ и есть! Опять! Неужели ты считаешь меня такимъ пошлымъ дуракомъ и отечеству измѣнникомъ, что я, изъ любви къ Мартѣ, пропущу что ни есть вредное для Государства. Вонъ этотъ пунктъ! Съ корнемъ вонъ! Перепиши по честности, какъ вчера окончательно постановили. А я только къ Фанъ-деръ-Гайдену сбѣгаю и прибѣгу за тобой.

Какъ бы не такъ. Когда Дьяконовъ воротился, ни Тессинга, ни Марты не было дома; и никто не зналъ, куда ушли. Мартынъ Лукичъ былъ въ отчаяніи; три раза въ разное время приходилъ онъ къ Тессингу: ноги заболѣли; а Тессингъ съ Мартой не возвращались. Нечего дѣлать: на другой день, еще вся типографія спала сномъ крѣпкимъ, когда Мартынъ началъ приступъ съ улицы... Чуть дверей не сломалъ.

— Ну чтожъ контрактъ?

— Готовъ!

— Ну, такъ пойдемъ же!

— Пойдемъ!

— Да вѣдь намъ съ тобой прелиминарно подписать надлежитъ...

— Всенепремѣнно! — Тессингъ! Ну право изъ рукъ вонъ! вѣдь контрактъ пѣгій....

— Какъ пѣгій?

— Кофеемъ облитъ!

— Какимъ образомъ?

— Да не плутуй! У тебя въ карманѣ другой есть! Нѣтъ, такъ нельзя! Садись на глазахъ моихъ и переписывай! Я за каждой литерой буду имѣть наблюденіе.

Тессингъ, видя невозможность дальнѣйшаго изворота, повиновался, но пока онъ переписывалъ, пока подписали оба, пока Тессингъ одѣлся, прошло не мало времени... Когда они пришли въ Остъ-Индію, тамъ уже никого не было; народъ бѣжалъ опрометью къ пристанямъ, гдѣ Россій-

ское Посольство садилось на яхты, но Петра и тамъ не было.

— Гдѣ Государь? забывъ инкогнито, кричалъ Дьяконовъ, бѣгая по пристани и не выпуская изъ рукъ Тессинга.

— Государь уѣхалъ, отвѣчали ему: съ полъчаса мѣста въ Почтовой коляскѣ...

— Уѣхалъ! Слышишь? Уѣхалъ! Ну, что я съ тобой теперь сдѣлаю? Погружу въ море, что ли?

— Можно послать по почтѣ!

— По почтѣ! Нѣтъ, погоди; я тебя самого заставлю прогуляться.

И въ бѣшенствѣ потащилъ Тессинга на почтовый дворъ.

XI.

Нимвегенъ и теперь порядочный городъ, а тогда всѣ крѣпостные верки были еще цѣлы; къ Нимвегену питали и потому еще уваженіе, что тутъ недавно былъ заключенъ выгодный миръ съ безпокойнымъ Людовикомъ XIV. Въ 20 миляхъ отъ Амстердама, на пути въ Германію, Нимвегенъ безпрестанно встрѣчалъ и провожалъ гостей. Слухъ о выѣздѣ посольства изъ Амстердама надѣлалъ много хлопотъ городскому начальству; прибывшій въ почтовой каретѣ Петръ, никѣмъ не знаемый, подтвердилъ извѣстіе, что Посольство дѣйствительно выѣхало изъ Амстердама 15 мая, но какъ оно ѣдетъ водою, то вѣ-

роятно будутъ въ Нимвегенъ не раньше завтрашняго 17 числа.

— А я между тѣмъ осмотрю городъ, такъ думалъ Петръ: приведу въ порядокъ мои меморіи, напишу письма Ромадановскому, Прозоровскому и другимъ, отдохну...

И точно! Рано утромъ 17 мая все было кончено.

— Ну, теперь пойду на Вааль, на всрѣчу нашимъ; должны скоро быть...

Но въ дверяхъ наткнулся на Дьяконова, который въ одной рукѣ держалъ свертокъ съ контрактомъ, въ другой Тессинга.

— Ты откуда?

— Да вотъ, по его милости, чуть было тебя не упустили. Я его съ кондиціями сюда притащилъ...

— И умно сдѣлалъ! Тутъ покойнѣе! Давай кондиціи.

Государь взялъ свертокъ, прочелъ внимательно разъ, потомъ во второй разъ, и сказалъ по русски Дьяконову:

— Очень умно, Мартынъ! Спасибо! Конечно привиллегіумъ на 15 лѣтъ показался мнѣ больно длиннымъ, но ты искусно помѣстилъ, что въ эти пятнадцать лѣтъ онъ воленъ продавать только свои книги, а до чужихъ привиллегіумъ не касается. Остроумно, хотя и незамѣтно. Весьма апробую, и отсюда же о вашихъ кондиціяхъ напишу указы въ Архангельскъ и Московскіе приказы. Подай перо!

И Государь на верху контракта надписалъ: апробовано, 17 мая 1698 года. Piter.

— Богъ помочь, Тессингъ! сказалъ Государь

подавая ему контрактъ: трудись! Въ убыткѣ не будешь!

— Употреблю всѣ старанія, бормоталъ Тессингъ, медленно подвигаясь для принятія контракта, но Дьяконовъ предупредилъ его; проворно подошелъ къ Государю, преклонясь, взялъ контрактъ, сложилъ въ-четверо и спряталъ въ карманъ...

— Господинъ Мартынъ! воскликнулъ Тессингъ, вытянувшись: я полагаю, контрактъ принадлежитъ мнѣ?

— Разумѣется, сказалъ Государь.

— Совершенная истина! Но у насъ есть прелиминарная и сепаратная кондиція на счетъ его дочки, такъ пусть контрактъ до исполненія условія полежитъ аманатомъ въ моемъ карманѣ.

Государь улыбнулся. Въ это время раздались пушечные выстрѣлы. Государь схватилъ шляпу и трость.

— Ага! Вотъ и наши! Прощайте! Жаль Дьяконъ, что на свадьбѣ твоей попировать не удастся! Дай Богъ счастія!..

И Государь ушелъ.

— Что, надулъ? спросилъ Дьяконовъ.

— Я никогда и не думалъ!

— Вѣрю, вѣрю! Ну, а когда же свадьба?

— Какъ прикажешь!

— Какой толковый, пока талисманъ въ карманѣ!

XII.

Дьяконовъ женился на Мартѣ; это достовѣрно... Но тутъ и кончаются всѣ мои историческіе по этой части матеріалы; какія извѣстія имѣлъ, всѣ разсказалъ, и почтеннѣйшимъ читательницамъ и читателямъ отъ души презентую.

подавая ему контрактъ: трудись! Въ убыткѣ не будешь!

— Употреблю всѣ старанія, бормоталъ Тессингъ, медленно подвигаясь для принятія контракта, но Дьяконовъ предупредилъ его; проворно подошелъ къ Государю, преклонясь, взялъ контрактъ, сложилъ въ-четверо и спряталъ въ карманъ...

— Господинъ Мартынъ! воскликнулъ Тессингъ, вытянувшись: я полагаю, контрактъ принадлежитъ мнѣ?

— Разумѣется, сказалъ Государь.

— Совершенная истина! Но у насъ есть прелиминарная и сепаратная кондиція на счетъ его дочки, такъ пусть контрактъ до исполненія условія полежитъ аманатомъ въ моемъ карманѣ.

Государь улыбнулся. Въ это время раздались пушечные выстрѣлы. Государь схватилъ шляпу и трость.

— Ага! Вотъ и наши! Прощайте! Жаль Дьяконъ, что на свадьбѣ твоей попировать не удастся! Дай Богъ счастія!,.

И Государь ушелъ.

— Что, надулъ? спросилъ Дьяконовъ.

— Я никогда и не думалъ!

— Вѣрю, вѣрю! Ну, а когда же свадьба?

— Какъ прикажешь!

— Какой толковый, пока талисманъ въъ карманѣ!

НЕУДАЧНЫЙ МАСКАРАДЪ.

БЫЛЬ

Е. ВЕРДЕРЕВСКАГО.

НЕУДАЧНЫЙ МАСКАРАДЪ.

Быль.

—

I.

Ничто не ново подъ луною, —
Что было, — есть и будетъ вѣкъ:
И прежде — хитрою женою
Бывалъ обманутъ человѣкъ....
И прежде яблоко обмана
Безпечно кушали мужья;
И прежде, — но возьмемъ Адама:
Мы всѣ — Адама сыновья!...
Семь тысячь лѣтъ плутуетъ Ева,
И съ заповѣданнаго древа
Семь тысячь лѣтъ украдкой рветъ
Извѣстный всѣмъ запретный плодъ!...

II.

О, содрагайся добродѣтель!
Пою, какъ въ вѣкъ нашъ продувной
Былъ одураченъ благодѣтель
Своимъ питомцемъ и женой;
Пою не анекдотъ столичный, —
Въ столицахъ это заурядъ!

Извѣстно: тамъ народъ двуличный,
Вся жизнь тамъ — вѣчный маскарадъ!..
Пою, какъ въ мірѣ скирдъ и пашенъ,
Какъ, въ мірѣ сельской простоты,
Палъ жертвою любовныхъ шашенъ
Мужъ, чуждый всякой слѣпоты!...

III.

Женѣ молоденькой не диво
Морочить мужа-старика,
(И, право, даже справедливо
Подъ часъ дурачить дурака!)
Но мужъ, котораго героемъ
Поэмы нашей мы возмемъ, —
Былъ не таковъ. Ни гемороемъ,
Ни слишкомъ сдавленнымъ умомъ,
Ни сѣдиной, ни глухотою
Онъ вовсе не былъ одержимъ: —
Умомъ и жизни полнотою
Не всякій состязался-бъ съ нимъ!

IV.

Въ своемъ имѣньи подгородномъ
Владѣлъ онъ пятью-стами душъ,
Кичился станомъ благороднымъ,
Былъ добрый баринъ, добрый мужъ,
Столомъ и знатною роднёю
Гремѣлъ среди окрестныхъ странъ,
И даже совѣстнымъ судьею
Служилъ по выбору дворянъ.
Благотворилъ онъ, не жалѣя,
Въ женѣ — свой видѣлъ идеалъ,
И счастью своему злодѣя
Ни въ комъ не чаялъ, не гадалъ.

V.

Съ нимъ пятый годъ жила любовно
Жена — краса окольныхъ мѣстъ.
Была когда-то Софья Львовна
Изъ самыхъ миленькихъ невѣстъ.
Умѣла взбить свой локонъ русый,
Пропѣть Варламова романсъ,
Вести французскія турусы,
И съ шикомъ танцовала вальсъ.
Годами двадцатью моложе
Была супруга своего,
Но разсуждала такъ: — Ну что-же? —
Я другомъ буду для него!...

VI.

Нашъ женскій полъ благовоспитанъ,
Житейскимъ благамъ знаетъ вѣсъ,
И съ малолѣтства весь пропитанъ
Волшебнымъ словомъ: «интересъ...»
Романовъ бредни онъ оставилъ,
«По страсти» замужъ не спѣшитъ,
Любить—мѣщанкамъ предоставилъ,
И мужъ-бѣднякъ — его смѣшитъ.
Живой примѣръ такого мнѣнья
Звучалъ въ устахъ Madame Sophie:
«Мнѣ нуженъ вѣсъ и положенье, —
«А прочее все вздоръ и fi!»

VII.

Не то, чтобъ вовсе были вздоромъ
Для современныхъ нашихъ дамъ:
Усы, глаза съ молящимъ взоромъ,
Пожатье ручекъ, ну и тамъ —
Все, что бываетъ, есть и было:

Всё это очень, очень мило,
Но не иначе, какъ тогда,
Когда мы можемъ безъ труда
Шалить подъ мужнину дремоту
И мужемъ прыкрывать грѣхи:
Vivat замужство по разсчёту,
И пожилые женихи!...

VIII.

И точно: въ вѣкъ, когда воспѣта
«Эманципація рабынь»,
Знакомы намъ, какъ *альфа*, *бета*,
Продѣлки модныхъ героинь;
Мы всѣ постигли безподобно,
Что чрезвычайно-какъ удобно
Съ любовью дружбу сочетать:
Подруга — мужу, дѣтямъ — мать,
А вамъ, Октавы и Тренморы *),
Свиданья, слезы, вздохи, взоры...,
Прости, прости мнѣ милый полъ:
Къ тебѣ правдивъ я, но не золъ!...

IX.

Въ дому счастливаго супруга,
Судьи (героя этихъ строфъ),
Былъ принятъ чѣмъ-то въ родѣ друга
Питомецъ, — Петя Васильковъ.
Онъ росъ безъ племени и рода
На горькомъ хлѣбѣ сироты;
За то дала ему природа
Наружность рѣдкой красоты,
Покорный нравъ, простую душу,

---

*) Герои двухъ романовъ Жоржъ-Санда.

И пламень юношескихъ силъ;
И всякій, кто лишь зналъ Петрушу, —
Въ немъ свойства добрыя любилъ.

X.

Во время нашего разсказа
Считалъ Петруша двадцать лѣтъ,
Имѣлъ два огненные глаза,
Былъ прямъ, и статенъ какъ атлетъ;
Судьи хозяйственнымъ заботамъ
Неутомимо помогалъ;
А Софьѣ Львовнѣ былъ fac-totum:
Съ ней ѣздилъ, книги ей читалъ,
Кормилъ, ласкалъ ея болонокъ,
И часто съ кучами картонокъ
Скакалъ верхомъ, какъ паладинъ,
Въ губернскій модный магазинъ.

XI.

И, деревенскимъ кавалеромъ
Madame Sophie развлечена,
Звала его: ami, и Pierre'омъ,
И не скучала съ нимъ она.
Напротивъ: ей пришла идея
Къ себѣ медвѣдя приручить,
Образовать въ немъ чичисбея,
И волокитству научить.
Бывало, устремитъ лукаво
На Пьера томный взглядъ она, —
А онъ весь вспыхнетъ, точно лава,
Краснѣе алаго сукна.

XII.

Да! Блѣдность щекъ, клеймо привычки. —
Позднѣйшихъ возрастовъ удѣлъ!

Какъ рекрутъ въ первой бранной стычкѣ,—
Петруша съ женщиной робѣлъ.
Но, не нарушимъ справедливость,
Почтимъ румянецъ похвалой:
Какъ много силъ таитъ стыдливость
Подъ этой краскою живой!
А тѣ, какъ страшно близоруки,
Кто видитъ въ блѣдномъ цвѣтѣ щекъ
Какой-то слѣдъ душевной муки,
Чувствъ исключительныхъ залогъ!...

XIII.

Но Софьѣ Львовнѣ не противно
Подъ часъ бывало посмотрѣть.
Какъ передъ ней краснѣлъ наивно
Ея обузданный медвѣдь....
Она не рѣдко развлекала
Себя опасной съ нимъ игрой:
То по щекѣ его трепала
Своею крошечной рукой,
То на колѣна становила,
То вдругъ коварно говорила:
«Петруша, вамъ который годъ?...
«Вы—или мальчикъ, или ледъ!...»

XIV.

Гдѣ кошкѣ-смѣхъ,—тамъ мышкѣ-муки....
Петруша это испыталъ....
Пока имъ тѣшились отъ скуки,
Пока онъ робко трепеталъ, —
Пока послушно поддавался
Затѣямъ хитрой красоты, —
Въ немъ невидимкой разгарался
Огонь томительной мечты....
Что было съ нимъ, онъ самъ не вѣдалъ.

Худѣлъ, не спалъ и не обѣдалъ,
Гадалъ: за чѣмъ горитъ въ немъ кровь?
И не отгадывалъ: — любовь.

XV.

А чтожъ она? Чтожъ Софья Львовна?
Ужели, въ злой своей игрѣ,
Она осталась хладнокровна?
Ужели въ цвѣтѣ лѣтъ, въ порѣ
Всѣхъ женскихъ силъ, страстей, желаній,
Петрушу страстью распаливъ,
Не поняла его страданій,
Иль поняла, не раздѣливъ?
Все это скоро мы разскажемъ,
И любопытнымъ мы покажемъ
Разсказа нашего мораль:
Какъ часто кошкѣ мышку жаль.

XVI.

Однажды.... это было лѣтомъ,
Послѣобѣденной порой....
Раставшиеь съ тягостнымъ корсетомъ,
Въ кисейной блузочкѣ одной,
Она лежала на кушеткѣ,
Куря душистый пахитосъ;
Тонуло личико кокетки
Въ волнахъ распущенныхъ волосъ;
Разулась шелковая ножка,
Ища прохлады вѣтерка,
А вѣтерокъ, струясь въ окошко,
Ласкалъ красавицу слегка....

XVII.

Въ саду, въ тѣни густой сирени
Перекликались соловьи;

Madame Sophie, предавшись лѣни,
Казалось жаждала любви.
Предъ ней вздыхатель нашъ уѣздный,
Горя отъ зноя и тоски,
Глядѣлъ въ альбомъ златообрѣзный,
И съ чувствомъ вслухъ читалъ стихи:
Едва-ли кто нибудь ихъ слушалъ....
Но вотъ вопросъ: гдѣ-жъ былъ судья?
Судья нашъ только-что откушалъ,
И спалъ, какъ спятъ одни мужья.

XVIII.

Madame Sophie, наскучивъ чтеньемъ,
Къ Петрушѣ обратила взоръ,
Взоръ полный нѣжнымъ выраженьемъ,
И завязала разговоръ:
— Какъ раскраснѣлся ты! — Отъ зноя-съ. —
— Нѣтъ, ты усталъ!—О, нѣтъ-съ я вдвое-съ
Еще готовъ для васъ читать. —
— Не лучше-ль, другъ мой, перестать?
Садись сюда, вотъ такъ, поближе....
Какой ты робкій! Ну, скажи-же,
Зачѣмъ ты вѣчно, какъ медвѣдь,
Боишься на меня глядѣть?

XIX.

— Нисколько-съ! — Ты со мной скучаешь? —
— Я-съ?! Съ вами не разстался-бъ я, —
Но.... но....— Ты, вѣрно самъ не знаешь
Чѣмъ мысль смущается твоя!...
Но ты себя напрасно губишь,
Петруша, знаю я.... ты любишь:
Ну что-жъ, люби *меня*, люби, —

Я небоюсь твоей любви!...
Съ послѣднимъ словомъ этой рѣчи,
Она взяла его за плечи,
И, нѣжно юношу склоня,
Твердила: — Что-жъ! люби меня!... —

XX.

А онъ?... Онъ просто чуть не плачетъ:
И радъ, — и страхъ его беретъ.
— Madame Sophie, что это значитъ?...
Къ чему все это приведетъ?
Что если выйдетъ вдругъ наружу
Любовь преступная моя?
Что̀, если скажете вы мужу?
Тогда погибъ на вѣки я!...
— Петруша, ты совсѣмъ ребенокъ!
Пойми-же, милый медвѣженокъ:
Я не шутить съ тобой хочу,
И докажу, что не шучу!

XXI.

Послушай, если ты мужчина,
А не дитя, — то, сбросивъ страхъ,
Когда втораго половина
Пробьетъ на башенныхъ часахъ, —
Приди ко мнѣ.... къ алькову прямо....
Смотри-же, не забудь.... я жду, —
Да не молчи-же такъ упрямо, —
Скажи, придешь-ли?...—Да-съ, приду!...
Тутъ Софья Львовна тихо встала,
Петрушу въ лобъ поцѣловала,
Подумала: Est-il naif!...
И въ садъ пошла, въ аллею ивъ....

XXII.

Здѣсь я, разсказчикъ, сильно трушу
И, какъ Петруша, я скорблю,
Что какъ-нибудь мораль нарушу
И гордость женщинъ оскорблю!...
Боюсь, что дамскій кругъ освищетъ
Мои правдивые стихи,
И гордо скажетъ: Пусть онъ сыщетъ
Межъ *нами* — эдакихъ Sophie!...
Боюсь суда и приговора, —
Но, какъ безногому — костыль, —
Такъ мнѣ пусть будетъ въ томъ опора,
Что я разсказываю быль....

XXIII.

Да-съ, быль!... И если очень строго
На міръ посмотримъ мы въ лорнетъ,
Моихъ «Sophie» — мы встрѣтимъ много, —
И въ томъ бѣды ей-Богу нѣтъ!...
Посмотримъ ближе: праздность, лѣто,
Мечты, бездѣтность, сонный мужъ,
Романовъ чтенье, скука, глушь,
Красивый юноша.... все это
Едва-ль не въ правѣ разрѣшить
Героямъ сельскаго романа
Вкусить любовнаго дурмана,
И втихомолку погрѣшить!...

XXIV.

Мы слабы!... Но пора къ героямъ:
Петруша осѣдлалъ коня,
И въ поле.... Онъ, какъ передъ боемъ,
Кипѣлъ, ретиваго гоня;
Размыкать думалъ онъ волненье,
Мечты движеньемъ превозмочь,

Угомонить воображенье, —
Скакалъ, и думалъ: Скоро ль ночь?!...
О лѣтней ночи покрывало!
Къ тебѣ, повѣдай, въ комъ изъ насъ
Душа мольбы не возсылала
Приблизить тайной встрѣчи часъ?

XXV.

Кого, какъ пылкаго Петрушу,
Не осѣняло счастьемъ ты?
Кому не наполняло душу
Предвкусьемъ сбывшейся мечты?
Кому ты неба не сулило?
Кто подъ тобой не пировалъ?
На пиръ любви твои свѣтила
Кто во свидѣтели не звалъ?!...
Смеркалось.... Ѣхалъ шагъ за шагомъ
Петруша въ сумракѣ домой,
И весь къ обѣтованнымъ благамъ
Стремился пылкою душой.

XXVI.

Сады, лѣса, луга и пашни
Черны.... Стемнѣлъ и неба сводъ, —
И на часахъ церковной башни
Неспящій молотъ полночь бьетъ.
Петруша мой нетерпѣливый
Давно въ саду, — между вѣтвей, —
И рядомъ съ нимъ, какъ онъ—счастливый —
Поетъ надъ розой соловей....
Луна на небо не всходила,
Она Петрушѣ не нужна:
Его звѣзда, его свѣтило —
Огонь знакомаго окна!...

XXVII.

Бьетъ часъ; въ окнѣ свѣчи нестало:
Условный знакъ!... Теперь пора....
О, какъ въ немъ все затрепетало!...
Идетъ онъ тихо вдоль двора;
Вотъ онъ въ сѣняхъ; вотъ въ корридорѣ:—
Вотъ дверь на-лѣво: это къ *ней!*
Надежды трепетъ, страхъ и горе
Заговорили въ немъ сильнѣй:
— Что, если кто нибудь замѣтитъ?
Что, если мужъ меня здѣсь встрѣтитъ?
Что, если въ спальнѣ также онъ?... —
Бѣда и страхъ со всѣхъ сторонъ!...

XXVIII.

Шатнулась дверь, за дверью — мрачный
Покой. Безмолвно все вокругъ,
Лишь-только на постели брачной
Храпитъ отчаянно—супругъ.
— Онъ здѣсь! Дрожатъ мои колѣни! —
Петруша мыслитъ: — я умру! —
Вдругъ видитъ онъ, какъ, легче тѣни,
Sophie — скользнула по ковру:
— Ты здѣсь?... Сюда, за этотъ пологъ, —
Не бойся: онъ широкъ и дологъ, —
Ты имъ прикрыться можешь весь, —
Вотъ такъ!...Теперь, постой-же здѣсь!...—

XXIX.

Сказавши, — прыгъ подъ одѣяло, —
Легла и стала хохотать!
Потомъ супруга растолкала:
Мой другъ, проснись, какъ можно спать!..
Проснись, послушай, вотъ умора!
И мужъ, съ просонья, какъ дуракъ,

Кричитъ: — Ужъ нѣтъ ли въ домѣ вора? —
И прячетъ голову въ колпакъ.
— Какіе воры! Ахъ, потѣха!
Проснись-же я умру отъ смѣха!
J'ai oublié de te le dire, —
Ecoute! c'est à mourir de rire!...

XXX.

Представьте мужа изумленье!
Она хохочетъ, смотритъ онъ:
— Да что съ тобой за приключенье?
Какой тебѣ приснился сонъ? —
— Не сонъ, а правда; я хотѣла
Еще вчера вамъ разсказать
Проказы вашего пострѣла!
Вѣдь онъ... И снова хохотать...
— Представьте: онъ-то, вашъ Петруша,
Вашъ нарѣченный-то сынокъ, —
Влюбился, всякій стыдъ наруша!...
— Въ кого? — Въ меня!... — Ахъ онъ щенокъ!

XXXI.

Да я ему обрѣжу уши!
Не даромъ билъ онъ здѣсь баклуши!
Каковъ! Давно-бы мнѣ пора
Прогнать повѣсу со двора!...
Все это нашъ Петруша слышитъ
Стоитъ въ углу, и еле дышетъ;
Отъ ужаса холодный потъ
Съ его лица ручьями льетъ.
А Софья Львовна продолжаетъ:
— Мнѣ мысль чудесная пришла:
Меня Петруша ожидаетъ
Въ саду, у стараго дупла, —

XXXII.

Тамъ, знаешь, гдѣ оранжереи,
Гдѣ есть дерновая скамья....
— Какъ? Онъ простеръ свои затѣи?...
— Ну, да, но такъ хотѣла я;
Я возбудила въ немъ признанье,
Онъ говорилъ мнѣ о любви,
И мы условили свиданье
Сегодня, ночью, у скамьи....
— Но для чего? Зачѣмъ все это?
— А вотъ зачѣмъ: чтобъ въ ваши лѣта
Дурачить васъ никто не могъ;
Затѣмъ, чтобъ не носить вамъ рогъ. —

XXXIII.

— Но какъ? — Mon cher, и пустяковъ-то
Не можешь разомъ ты смекнуть!
Вотъ мой чепецъ, а вотъ и кофта:
Надѣнь все это какъ нибудь;
Накинь на плечи кацевейку
И на дерновую скамейку
Ступай, усядься, и сиди,
Да не засни, а подожди;
Ну, понялъ?... — А, теперь понятно!
Чепецъ и кофту! Вотъ пріятно!
Mais c'est charmant! Бѣгу, лечу,
Повѣсу славно проучу. —

XXXIV.

И вмигъ супругъ переодѣтый
Черезъ окно спустился въ садъ.
Онъ размышлялъ: Въ мои-ли лѣта
Такой нелѣпый маскарадъ! ..
Но пусть теперь онъ, размышляя,
Въ саду разряженный сидитъ;

Пусть комаровъ голодныхъ стая
Его безжалостно язвитъ,
Пусть отъ росы и нетерпѣнья
Онъ весь дрожитъ до онѣмѣнья!...
Перенесемся мы домой,
Туда, гдѣ спрятанъ мой герой....

XXXV.

Madame Sophie — опять хохочетъ,
Но не одна: Петруша съ ней;
Она его утѣшить хочетъ,
Толкуетъ цѣль своихъ затѣй.
На небо выплыла луна,
На сельской башнѣ два пробило,
Sophie о мужѣ не забыла:
Очнулась первая она,

XXXVI.

И шепчетъ тихо чародѣйка:
— Теперь скорѣе въ садъ ступай,
Туда, ты знаешь, гдѣ скамейка,
И къ мужу смѣло приступай;
Не узнавай его нарочно,
И говори: О стыдъ и срамъ!
О какъ на свѣтѣ все порочно!
Сударыня, не стыдно-ль вамъ?
А нашъ добрѣйшій благодѣтель
Такъ вѣритъ въ вашу добродѣтель!
Я испытать хотѣлъ лишь васъ....
А вы? Вы поддались тотчасъ!

XXXVII.

Потомъ-на легкость дамъ посѣтуй,
Потомъ домой итти совѣтуй, —

Все это нужно для того,
Чтобъ успокоить намъ его!...
Летитъ Петруша окрыленный,
Онъ сталъ и смѣтливъ и хитеръ,
И монологъ свой затверженный
Прочелъ, какъ опытный актеръ.
Какіе-жъ были разультаты?
Судья пришелъ въ свои палаты,
Раздѣлся, и сказалъ женѣ:
— «Ma chère, скажи спасибо мнѣ! —

XXXVIII.

— А что? — Да то, что я избавилъ
Тебя отъ страшнаго стыда:
Тебя-бы юноша заставилъ
Прослушать проповѣдь!... Да, да!
А я ему преблагодаренъ,
Онъ малый честный и прямой!...
И, съ этой мыслью, добрый баринъ
Нырнулъ въ подушки головой...
Madame Sophie лежитъ смиренно,
И мыслитъ: выдумка хитра!...
Потомъ заснула, — и степенно
Супруги спали до утра!...

XXXIX.

Съ тѣхъ поръ упятерилъ довѣрье
Къ Петрушѣ добрый семьянинъ;
Въ его дому, (гласитъ повѣрье),
Онъ не питомецъ сталъ, — а сынъ.
Имѣя опытъ многолѣтній,
Судья обманутъ рѣдко былъ;
Когда жъ его касались сплетни
О миломъ сынѣ, — онъ твердилъ:
Нѣтъ, это вздоръ, онъ—мальчикъ честный,
Его поступки мнѣ извѣстны,

Къ нему одинъ я справедливъ:
Онъ благодаренъ и правдивъ! —

XL.

Но какъ же стала Софья Львовна
Съ тѣхъ поръ съ Петрушей поживать?
Была-ль по прежнему. любовна?
Любила-ль вмѣстѣ съ нимъ читать?
Смѣялась-ли, когда краснѣлъ онъ?
Не отучила-ли краснѣть?
Иль, можетъ быть, ей надоѣлъ онъ, —
И нуженъ новый ей медвѣдь?..
Молва различно толковала,
А мы слыхали отъ людей,
Что ей, съ тѣхъ поръ, судьба послала
Троихъ премиленькихъ дѣтей.

СЕМЕЙНАЯ ДРАМА,

ПОВѢСТЬ

Р. М. ЗОТОВА.

СЕМЕЙНАЯ ДРАМА.

I.

Всемірная исторія не что иное, какъ собраніе политическихъ драмъ. Времена и дѣйствующія лица измѣняются, но самыя событія—почти одни и тѣже. Радости и страданія человѣчества всегда одинаковы. Иначе и быть не можетъ. Земная наша жизнь—есть испытаніе, очистительное горнило, приготовленіе къ лучшей и вѣчной жизни. Страданія очищаютъ душу, радость даетъ намъ неполное понятіе о будущемъ блаженствѣ. Мы скорбимъ надъ печальными сценами человѣчества, удивляемся постоянству событій, основанныхъ на однихъ и тѣхъ же началахъ, забывая, что все *общее* составлено изъ *частныхъ*, и что всемірныя явленія основаны на частныхъ причинахъ. Въ самомъ дѣлѣ, стóитъ со скрижалей исторіи перейти на домашнюю жизнь каждаго семейства,— и тутъ въ маломъ размѣрѣ найдемъ мы всѣ тѣже борьбы страстей, желанія, честолюбія, самолюбія, любви. Ни пружины, ни послѣдствія этихъ

семейныхъ драмъ не замѣтны въ общемъ ходѣ вседневныхъ событій — и рѣдко являются на показъ. Человѣкъ домашній и общественный совершенно два различныя существа. Если первый угрюмъ, печаленъ, несчастливъ, — то выйдя за порогъ, онъ тотчасъ же прикрываетъ себя личиною веселой улыбки самодовольствія и счастія. Онъ никакъ не хочетъ, чтобъ свѣтъ зналъ о его домашнихъ неудачахъ и страданіяхъ. Но если вникнуть въ эту семейную драму, то часто въ ней гораздо болѣе потрясающихъ сценъ, нежели въ неистовыхъ переворотахъ исторіи. Ихъ никто не видитъ, не знаетъ, не записываетъ, — а въ самомъ дѣлѣ, истинную драму только тутъ и можно найти. Чтобъ узнать человѣка, надобно видѣть его въ домашнемъ быту: въ обществѣ онъ очень часто носитъ маску.

Есть авторы, которые затрудняются въ пріисканіи сюжетовъ своихъ романовъ и повѣстей. Напрасно! — Никакихъ усилій изобрѣтательности тутъ не нужно. Стоитъ только заглянуть въ любой семейный бытъ — и повѣсть самая вѣрная, поучительная и близкая сердцу — готова. Конечно, тутъ иногда вмѣстѣ съ драмою выйдетъ и водевиль—забавный, пошлый, карикатурный,—но все таки занимательный и наставительный.

Случайно слышали мы разсказъ объ одномъ эпизодѣ домашней жизни, случившемся лѣтъ за 50 тому назадъ — и записали его, какъ сюжетъ для драмы, или для повѣсти. Составленіе первой — обнаруживало бы много претензій съ нашей

стороны, а потому мы рѣшились на вторую, и передаемъ разсказъ, просто и безъ вымышленныхъ украшеній, какъ его слышали.

Въ концѣ прошедшаго столѣтія жилъ въ Москвѣ первостатейный купецъ, по фамиліи (разумѣется вымышленной) Серболинъ. Честно и трудолюбиво велъ онъ коммерческія свои дѣла. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, оставшись послѣ отца единственнымъ наслѣдникомъ значительнаго имѣнія, онъ не пустился гулять и кутить, какъ дѣлали въ то время нѣкоторые купеческіе сынки, незнающіе цѣны ни деньгамъ, ни времени, ни своей молодости, ни даже честному имени. Съ разсудительностію и добросовѣстностію, которыхъ былъ ежедневно свидѣтелемъ въ дѣлахъ отца, продолжалъ онъ вести его дѣло.

Отчего въ самомъ дѣлѣ происходили прежде непріятныя и часто отвратительныя явленія купеческихъ сынковъ, бросающихся въ водоворотъ трактирной жизни? Не отчего инаго, какъ отъ дурнаго воспитанія. Чѣмъ строже и суровѣе поступали съ ними отцы въ молодости, тѣмъ разгульнѣе дѣлались молодые люди,. вырвавшись на свободу, — хоть тайкомъ. Эти отцы воображали, что строгость составляетъ лучшаго наставника для юношества. Жестокая ошибка! Чѣмъ болѣе подавляли они вспышки молодости, тѣмъ сильнѣе дѣлался потомъ взрывъ страстей у сынковъ ихъ.

Чѣмъ болѣе ограничивали ихъ на каждомъ шагу, тѣмъ просторнѣе хотѣлось имъ пожить потомъ на волѣ. Чѣмъ стѣснительнѣе останавливали ихъ на каждомъ шагу, тѣмъ болѣе чувствовали они свое униженіе, — и при первой минутѣ старались вознаградить себя за всѣ лишенія буйствомъ и кутежомъ. Тогда какъ добрые, умные и прихотливые отцы, съ малолѣтства пріучаютъ дѣтей жить точно также, какъ и сами они живутъ, дѣлая ихъ участниками во всѣхъ своихъ удовольствіяхъ, дѣлахъ и бѣсѣдахъ. Возвышая и облагороживая юность, они предупреждаютъ этимъ всѣ взрывы страстей и спасаютъ дѣтей своихъ отъ погибели.

Такъ поступалъ и отецъ Серболина. Онъ воспитывалъ себѣ въ сынѣ не прикащика и безотвѣтнаго слугу, а друга и преемника. Оттого-то, хотя кончина старика и случилась ранѣе нежели зрѣлый возрастъ могъ служить руководителемъ его сыну, однакоже благодѣтельный образъ воспитанія оказалъ прекрасное дѣйствіе. Опечаленный потерею добраго отца, молодой Серболинъ сохранилъ все уваженіе къ памяти его и къ самому себѣ. Онъ дѣятельно принялся за дѣла, механизмъ которыхъ былъ ему уже извѣстенъ—и въ короткое время снискалъ довѣренность и любовь всего купеческаго сословія. Напрасно купчики—гуляки подзывали его въ загородныя свои прогулки, представляли, что теперь ужъ ему некого бояться и можно немножко покутить; онъ постоянно отказывался отъ этихъ приглашеній, увѣряя

своихъ сверстниковъ, что и при жизни отца онъ пользовался тоюже свободою, какъ и теперь, но что всегда почиталъ трактирную жизнь неприличною и постыдною для каждаго порядочнаго человѣка.

Такимъ образомъ продолжалъ Серболинъ жить и дѣйствовать. Немудрено, что онъ вскорѣ разбогатѣлъ. Богатство, — слѣдствіе дѣятельности. Иногда эта дѣятельность слѣдуетъ путемъ чести и правоты, а иногда не заботится о средствахъ, долгахъ, только о цѣли. Въ первомъ случаѣ богатство всегда почти прочно и ни для кого не завидно. Во второмъ, всѣ пожимаютъ плечами, но по привычкѣ поклоняются золотому тельцу.

Ра умѣется Серболинъ имѣлъ обширный кругъ знакомства, — но больше всѣхъ другихъ любилъ старика — купца Веселова и молодаго прикащика своего Иванова. Въ семействѣ перваго онъ былъ принятъ какъ родной; полюбилъ дочь Веселова, — и вскорѣ вся Москва узнала, что была уже домашняя помолвка. Чтожъ касается до прикащика Иванова, это былъ молодой человѣкъ самый дѣятельный, расторопный, умный и вкрадчивый. Года въ два, онъ до того умѣлъ овладѣть довѣренностію Серболина, что тотъ безъ контроля ввѣрилъ ему самыя значительныя сдѣлки и обороты, и всякій разъ видѣлъ, что довѣренность его не употреблена во зло. Ивановъ былъ бѣдный сирота. Воспитанный въ петербургскомъ коммерческомъ училищѣ, онъ получилъ очень хорошее образованіе, — и это придавало ему много вѣса

Чѣмъ болѣе ограничивали ихъ на каждомъ шагу, тѣмъ просторнѣе хотѣлось имъ пожить потомъ на волѣ. Чѣмъ стѣснительнѣе останавливали ихъ на каждомъ шагу, тѣмъ болѣе чувствовали они свое униженіе, — и при первой минутѣ старались вознаградить себя за всѣ лишенія буйствомъ и кутежомъ. Тогда какъ добрые, умные и прихотливые отцы, съ малолѣтства пріучаютъ дѣтей жить точно также, какъ и сами они живутъ, дѣлая ихъ участниками во всѣхъ своихъ удовольствіяхъ, дѣлахъ и бѣсѣдахъ. Возвышая и облагороживая юность, они предупреждаютъ этимъ всѣ взрывы страстей и спасаютъ дѣтей своихъ отъ погибели.

Такъ поступалъ и отецъ Серболина. Онъ воспитывалъ себѣ въ сынѣ не прикащика и безотвѣтнаго слугу, а друга и преемника. Оттого-то, хотя кончина старика и случилась ранѣе нежели зрѣлый возрастъ могъ служить руководителемъ его сыну, однакоже благодѣтельный образъ воспитанія оказалъ прекрасное дѣйствіе. Опечаленный потерею добраго отца, молодой Серболинъ сохранилъ все уваженіе къ памяти его и къ самому себѣ. Онъ дѣятельно принялся за дѣла, механизмъ которыхъ былъ ему уже извѣстенъ—и въ короткое время снискалъ довѣренность и любовь всего купеческаго сословія. Напрасно купчики—гуляки подзывали его въ загородныя свои прогулки, представляли, что теперь ужъ ему некого бояться и можно немножко покутить; онъ постоянно отказывался отъ этихъ приглашеній, увѣряя

сти, всегда потомъ оправдывавшіяся событіями, — но Серболинъ вообще не любилъ этихъ быстрыхъ оборотовъ фортуны, этихъ удвоеній капитала, основанныхъ на нѣкоторой монополіи. Онъ даже готовъ былъ отказаться отъ операціи,—но Ивановъ такъ краснорѣчиво убѣждалъ его, представляя, что вмѣсто его, другіе воспользуются этимъ обстоятельствомъ и съ гораздо меньшею совѣстливостію; что классъ покупщиковъ будетъ тогда еще болѣе притѣсненъ и что наконецъ Ивановъ, какъ соучастникъ въ торговлѣ, не желалъ бы упустить подобнаго случая къ полученію барыша. Однимъ словомъ, онъ уговорилъ Серболина, — и тотъ, со всегдашнею своею довѣрчивостію къ испытанной честности своего прикащика, ввѣрилъ ему огромный капиталъ и отправилъ его въ Петербургъ, для заключенія торговыхъ условій съ англійскими домами.

На другой же день Ивановъ уѣхалъ, а Серболинъ продолжалъ приготовляться къ своей свадьбѣ съ дочерью Веселова. Этотъ союзъ обѣщалъ ему счастіе въ жизни, — и онъ, съ нетерпѣніемъ влюбленнаго, торопился распоряженіями къ этому дню. Правда, что и посреди этихъ минутъ радостнаго ожиданія, безпокоило его изрѣдка продолжительное молчаніе Иванова, — но какъ дальнѣйшія частныя свѣдѣнія подтверждали только то извѣстіе, которое сообщилъ ему прежде всѣхъ корреспондентъ Иванова, — то онъ и полагалъ, что чрезвычайныя заботы по предпринятой опе-

раціи, помѣшали прикащику увѣдомлять его о ходѣ дѣлъ.

Вдругъ въ одинъ вечеръ, когда онъ собирался идти, по обыкновенію къ Веселову, принесли ему письмо съ почты. Почеркъ адреса былъ незнакомъ ему; онъ распечаталъ письмо и по всегдашней привычкѣ дѣловыхъ людей, взглянулъ прежде всего на его подпись. Письмо было безъ подписи. Съ удивленіемъ началъ онъ читать слѣдующее: «Милостивый государь, Иванъ Ивановичъ! Вы «недавно дали порученіе въ важной коммерческой «операціи прикащику своему Иванову и ввѣрили «ему значительный капиталъ. Этотъ человѣкъ — «величайшій бездѣльникъ и давно уже составилъ «планъ, чтобъ обобрать Васъ. Посредствомъ корре-«спондента, съ которымъ онъ обѣщался подѣлиться, «доставлялъ онъ вамъ многія полезныя свѣдѣнія, «чтобы легче нанести вамъ послѣдній ударъ. — «И послѣднее извѣстіе было вѣрно,—но выманивъ «у Васъ огромный капиталъ, онъ воспользовался «имъ для собственной своей выгоды — и точно «также обманулъ корреспондента. Теперь Ивановъ «поселился въ Петербургѣ—и будетъ, благодаря «вашей легковѣрности, однимъ изъ богатѣйшихъ «здѣшнихъ купцовъ. Преданный вамъ человѣкъ «спѣшитъ сообщить вамъ объ этомъ плутовствѣ. «Нѣтъ ли у васъ ясныхъ и законныхъ докумен-«товъ въ томъ, что вы ему выдали свой капиталъ? «Въ такомъ случаѣ пріѣзжайте сюда поскорѣе,— «и мы постараемся изобличить бездѣльника. Если «же, какъ я и полагаю, у васъ нѣтъ никакихъ

«документовъ, чтобъ судебнымъ образомъ пре-
«слѣдовать его, всякая попытка къ этому только «раззоритъ васъ. Ивановъ уже распустилъ здѣсь «слухъ, что вы на дняхъ объявите себя несо-«стоятельнымъ и что онъ поэтому отказался быть «участникомъ въ вашей торговлѣ, а будетъ впе-«редъ производить ее самъ на свое имя.»

Опустивъ голову, долго смотрѣлъ Серболинъ на роковое письмо, и не вѣрилъ ни глазамъ своимъ, ни содержанію письма. Вдругъ принесли другое. Это уже онъ тотчасъ узналъ по рукѣ адреса. Оно было отъ Иванова. Съ поспѣшностію сорвалъ онъ печать и прочелъ слѣдующее:

«Милостивый государь, Иванъ Ивановичъ! «Вамъ извѣстно, что при отъѣздѣ моемъ въ «Петербургъ, дѣла ваши были въ самомъ раз-«строенномъ состояніи. — Полученныя мною вно-«слѣдствіе свѣдѣнія изъ Москвы обнаружили, «что вы въ мое отсутствіе не только не поправили «ихъ, но еще болѣе запутали. А потому, я имѣю «честь увѣдомить васъ, что принужденъ совер-«шенно отдѣлиться отъ васъ по торговлѣ, — и уже «напечаталъ въ вѣдомостяхъ, чтобъ на имя мое «никакого кредита вамъ не было дѣлаемо. За «симъ имѣю честь быть и проч. Михайло Ива-«новъ.»

Сколько первое письмо, поразя Серболина самымъ неожиданнымъ образомъ, произвело надъ нимъ самое печальное впечатлѣніе, — столько второе, своею видимою наглостію, возвратило ему полное присутствіе духа. Дѣло было ясное и кон-

ченное: онъ былъ раззоренъ.—Догадываясь, что первое письмо было отъ обманутаго плута корреспондента, котораго Ивановъ тоже обсчиталъ, Серболинъ видѣлъ однако, что онъ потеряетъ по пустому и время, и трудъ, и деньги, если будетъ судебнымъ порядкомъ обвинять Иванова въ похищеніи денегъ, потому-что, разумѣется, не имѣлъ никакихъ ясныхъ и законныхъ доказательствъ при отдачѣ значительнаго капитала. Оставалось покориться судьбѣ.

Вмѣсто того, чтобъ идти къ Веселову, онъ тотчасъ же занялся приведеніемъ дѣлъ своихъ къ окончательному расчету; написалъ письма ко всѣмъ своимъ кредиторамъ и пригласилъ ихъ на утро къ себѣ. Оказалось по балансу, что заплативъ всѣ свои долги. онъ едва сохранитъ такой капиталъ, который бы былъ достаточенъ на заведеніе мелочной лавки. Что было дѣлать! Обвинять было некого въ своей оплошности и излишней довѣрчивости, — и онъ тотчасъ же рѣшился остаться бѣднякомъ, но честнымъ человѣкомъ. Ни на минуту не подумалъ онъ объявить себя несостоятельнымъ, отложивъ въ сторону какой нибудь капиталъ, и заставить заимодавцевъ своихъ взять по 40 или 50 за сто. Онъ не хотѣлъ никакой уступки, которыхъ такъ часто добиваются въ подобныхъ случаяхъ расчетливые банкруты. Трудолюбіемъ и честностію надѣялся онъ снова поправить свое состояніе; честное же имя ничѣмъ не возвращается.

Отправивъ всѣ письма, онъ утомленный бро-

сился въ кресла—и залился слезами. Не богатства было ему жаль, не погибшей вѣры въ человѣчество: ему пришло также на мысль, что если первостатейный купецъ имѣлъ право свататься на дочери богача Веселова, то раззоренный торгашъ долженъ навсегда покинуть мысль о подобномъ бракѣ. Онъ очень хорошо чувствовалъ, что не денегъ искалъ въ союзѣ съ Веселовымъ, — а одной сердечной любви, одного семейнаго счастія. Это-то счастіе было теперь потеряно для него безвозвратно, — и потеря эта заставила его заплакать.

Можно вообразить себѣ, что онъ во всю ночь не спалъ. Готовясь къ самой печальной и трудной будущности, онъ съ твердостію готовъ былъ встрѣтить всѣ удары рока,—и хладнокровно расчитывалъ, какъ и чѣмъ онъ будетъ жить и торговать. Въ этихъ мечтахъ застало его утро. Со всегдашнею своею набожностію помолился онъ Богу, привелъ всѣ бумаги въ окончательный порядокъ—и ждалъ прибытія своихъ кредиторовъ.

Они съ точностію коммерческихъ людей явились на приглашеніе,— и Серболинъ сказалъ имъ слѣдующее:

«Господа! нѣкоторыя обстоятельства, не отъ «моей вины происшедшія, принуждаютъ меня пре«кратить торговлю, которую я до сихъ поръ про«изводилъ. Первая обязанность всякаго русскаго «купца состоитъ въ томъ, чтобъ сохранить чест«ное имя. Я вовсе не намѣренъ объявлять себя «несостоятельнымъ. Вотъ мои книги и счеты.

«Излишняя довѣрчивость къ человѣку, котораго «я полагалъ самымъ честнымъ и усерднымъ то«варищемъ, лишила меня внезапно двухъ третей «всего моего имущества, остальной трети доста«точно, чтобы заплатить всѣ мои долги; не угод«но ли вамъ ихъ получить!»

Веселовъ былъ въ числѣ собравшихся. Онъ съ задумчивымъ видомъ погладилъ свою окладистую бороду — и сказалъ Серболину:

— «Хоть по русской поговоркѣ: *всякъ Еремей про себя разумѣй,* никому изъ насъ и не слѣдуетъ мѣшаться въ твои дѣла, любезный Иванъ Ивановичъ, но какъ всѣ мы тебя съ малолѣтства знаемъ за добраго и честнаго купца, который не моталъ, не бросалъ денегъ на вѣтеръ,—такъ позволь полюбопытствовать о причинѣ такого неожиданнаго несчастія. Ты сказалъ, что потерялъ двѣ трети своего капитала отъ излишней довѣренности къ человѣку, котораго считалъ честнымъ и усерднымъ. Дѣло ясное, что вся бѣда пришла отъ твоего прикащика Иванова. Ты его взялъ изъ ничего и вывелъ въ люди, обогатилъ, сдѣлалъ своимъ товарищемъ по торговлѣ; слѣдственно, всякой его поступокъ противъ тебя — явное злодѣйство. Только тотъ, кто не боится Бога, можетъ посягнуть на такую неблагодарность. Разскажи же намъ, пожалуста, что̀ случилось?»

Вмѣсто отвѣта, Серболинъ прочелъ собравшимся оба письма, полученныя имъ наканунѣ. Начались возгласы, сужденія, совѣты, — но кончилось тѣмъ, что самъ Веселовъ, сколько ни гладилъ свою

бороду, не могъ изъ нее выгладить ничего другаго, какъ-то же, на что рѣшился Серболинъ, а именно: чтобъ покориться своей участи и не затѣвать тяжебнаго дѣла, котараго нельзя было выиграть. Всѣ принялись потомъ за книги и счеты, и съ удовольствіемъ увидѣли совершенный порядокъ, знаніе дѣла и добросовѣстность Серболина.

На минуту остановилъ всѣхъ еще разъ Веселовъ—и предложилъ Серболину всеобщій кредитъ для продолженія торговли въ томъ же видѣ и размѣрѣ какъ до сихъ поръ было,—но Серболинъ поблагодарилъ его и всѣхъ заимодавцевъ, доказавъ имъ однако цыфрами, что ему надобно будетъ больше платить процентовъ, нежели онъ могъ по торговлѣ пріобрѣсть барышей, не имѣя своихъ капиталовъ,—и потому онъ повторилъ рѣшительное свое намѣреніе все заплатить и сдѣлаться мелочнымъ торговцемъ 3-й гильдіи.

— Торговать на тысячу рублей, или на сто тысячъ, все равно—сказалъ онъ имъ, лишь бы вести дѣла честно и добросовѣстно. Трудясь, надѣюсь я получить столько, чтобъ могъ жить,—а торговать на чужія деньги—стыдно и невыгодно.

Всѣ одобрили его слова, взяли свои деньги, раскланялись—и разошлись. Послѣдній остался Веселовъ. Когда всѣ вышли, онъ нѣсколько минутъ молча ходилъ по комнатѣ, поглаживая по обыкновенію свою бороду. По задумчивому лицу его видно было, что въ головѣ его бродитъ какая-то важная мысль, для облеченія которой въ форму обыкновенныхъ словъ, онъ пріискивалъ фразы и

обороты. Серболинъ чувствовалъ въ чемъ дѣло— и горькая улыбка, нерѣдко мелькавшая на губахъ его, заранѣе служила отвѣтомъ тому, чего онъ теперь ожидалъ отъ Веселова.

— «Послушай-ко, дружище, Иванъ Ивановичъ,— сказалъ наконецъ старикъ, остановясь передъ нимъ и пристально глядя ему въ лице.—Ты кончилъ свои дѣла, какъ купецъ, и какъ добрый и честный человѣкъ, —.никто не укоритъ тебя ни въ чемъ. Всякому можешь ты смѣло смотрѣть въ глаза. И если я до сихъ поръ тебя любилъ, то теперь душевно уважаю. Но дѣло кончено, — и о торговлѣ мимо! Поговоримъ о другомъ; у меня съ тобою есть и другія дѣла кромѣ коммерческихъ,—и ты чувствуешь, что *при твоихъ теперешнихъ обстоятельствахъ*....

— Знаю, добрый и почтеннѣйшій Григорій Ивановичъ,—прервалъ Серболинъ,— и еслибъ вы сами не вздумали упоминать объ этомъ дѣлѣ, ужъ конечно, я бы во всю жизнь не сказалъ вамъ о немъ ни слова. Очень хорошо знаю и чувствую, что раззорившійся купецъ, который сдѣлается мелочнымъ торговцемъ, не можетъ уже быть вашимъ зятемъ. Богъ видитъ мое сердце. Когда я вчера получилъ роковыя письма—и рѣшился покориться своей судьбѣ какъ честный человѣкъ,—я ни разу не вздохнулъ о потерянномъ имѣніи: Богъ далъ, Богъ взялъ, да благословенно будетъ его святое имя! Но, когда потомъ я размыслилъ, что вмѣстѣ съ этимъ теряю и руку Марьи Григорьевны, то, признаюсь въ своемъ малодушіи, — заплакалъ. Только

усердная молитва поддержала меня, я покорился и въ этомъ волѣ Божіей. Очень сожалѣю, что вы начали этотъ тягостный для обоихъ насъ разговоръ. Да и о чемъ тутъ говорить: дѣло ясное и конченное. Неужели вы думаете, что я бы рѣшился просить у васъ теперь руки Марьи Григорьевны? Нѣтъ, божусь вамъ, что если бы вы и могли согласиться на подобную невозможную свадьбу, то я самъ ни за что въ свѣтѣ не принялъ бы этой милости; я понимаю свое положеніе, — а у васъ не будетъ недостатка въ зятьяхъ.

Онъ замолчалъ и закрылъ глаза рукою, чтобъ скрыть невольно текущія слезы. Нѣсколько минутъ смотрѣлъ на него Веселовъ и что-то въ родѣ улыбки показалось на лицѣ его.

— Который тебѣ годъ Иванъ Ивановичъ? — спросилъ онъ вдругъ Серболина.

Съ изумленіемъ посмотрѣлъ тотъ на Веселова: до того вопросъ казался ему страннымъ и неумѣстнымъ.

— Мнѣ? который годъ? повторилъ онъ машинально, — двадцать шестой. Но къ чему этотъ вопросъ?

— Къ тому, любезный дружище, — что мнѣ уже за пятьдесятъ, — отвѣчалъ онъ, — и что молодому человѣку не слѣдуетъ прерывать слова старика. Ты знаешь русскую пословицу: яйца курицу не учатъ. Въ денежныя твои дѣла я не мѣшаюсь, но въ семейныхъ, — и въ моихъ собственныхъ, позволь ужъ мнѣ распоряжаться самому. Ты меня остановилъ на словѣ, — что *при теперешнихъ тво-*

ихъ обстоятельствахъ ты чувствуешь сколько тебѣ нужно утѣшеніе и поддержка въ домашней жизни. А какъ у русскаго купца—только *одно* слово, которое онъ свято обязанъ исполнять, чтобъ ему не было *стыдно*,—то ужъ, воля твоя, какъ хочешь, а я не позволю тебѣ, какъ честному человѣку, измѣнить своему обѣщанію. Бракъ не денежная сдѣлка,—а таинство православной церкви; слѣдственно ни богатство, ни бѣдность нейдутъ тутъ ни въ какіе расчеты, а одна святость даннаго слова. Я помолвилъ за тебя дочь мою Машу—и, какъ отецъ и христіанинъ, — требую, чтобъ ты сдержалъ данное тобою обѣщаніе вступить съ нею въ законный бракъ.

— Это невозможно,—съ отчаяніемъ вскричалъ Серболинъ. Ради Бога, Григорій Ивановичъ, неубивайте меня своею добротою и великодушіемъ Что скажутъ люди объ этой свадьбѣ? Что я—изъ за денегъ вкрался въ вашу любовь и довѣренность; что нарочно припряталъ свои деньги, чтобъ жить и торговать на вашъ счетъ. Нѣтъ! я буду униженъ въ собственныхъ своихъ глазахъ. Я ни кому не буду въ состояніи смотрѣть прямо въ глаза. Всѣ станутъ на меня пальцами показывать. Вмѣсто счастья, которое я бы долженъ былъ найти въ этомъ бракѣ, я буду мучиться мыслію, что всѣ меня презираютъ. Нѣтъ, ради Бога, Григорій Ивановичъ, не требуйте отъ меня этого.

Веселовъ покачалъ головою и спокойно отвѣчалъ:

— Еслибъ ты не провелъ со мною цѣлаго утра

въ коммерческихъ расчетахъ — и я не видѣлъ бы въ нихъ, что ты, какъ умный человѣкъ и добрый христіанинъ, встрѣтилъ случившееся съ тобою несчастіе, то, право, по теперешнимъ твоимъ словамъ подумалъ бы, что ты въ горячкѣ. Мнѣніе всѣхъ добрыхъ и честныхъ людей, конечно, самая дорогая въ свѣтѣ вещь, а осибливо для купца, — но какой же порядочный человѣкъ, знающій какъ все дѣло было, обвинитъ тебя за то, что ты, послѣ незаслуженнаго и неожиданнаго несчастія женился на той дѣвушкѣ, которой обѣщалъ свою руку передъ Богомъ и людьми, когда еще былъ богатъ? Обвинятъ, упрекнутъ одни дураки и безсовѣстные люди, — а мы живемъ не для того, чтобъ думать объ ихъ похвалѣ. — Прежде всего — совѣсть и заповѣди Божіи, — а людская рѣчь, что̀ твой флюгеръ: куда вѣтеръ подуетъ, туда и повернется! Глупо было бы съ твоей стороны, дружище, бросать на вѣтеръ свое счастіе, изъ пустыхъ толковъ праздныхъ людей. Притомъ же, я хлопочу даже больше всего не о тебѣ, а самъ о себѣ и о своей дочери. Честное имя ея для меня всего дороже. Она была твоею обрученною невѣстою, видѣлась съ тобою всякой день; свадьба ваша была уже назначена, — и ты вдругъ хочешь отказаться. Да знаешь ли какое это поруганіе для дѣвушки? Гдѣ она себѣ найдетъ послѣ этого жениха? Какой порядочный человѣкъ возьметъ ее теперь, когда наканунѣ свадьбы первый женихъ отказался отъ нея? Ты сейчасъ толковалъ о людскихъ рѣчахъ. Вспомни же, что̀ будутъ говорить и объ

моей Машѣ. Для мужчины, который поступаетъ честно и твердо, городскія сплетни ничего не значутъ, но для дѣвушки всякое пятно неизгладимо. Даже самая клевета не должна касаться до ея имени. А ты хочешь свою невѣсту и мою дочь отдать на осмѣяніе и поруганіе толпы. Боже сохрани! Тебѣ будетъ стыдно предъ людьми и грѣшно передъ Богомъ.

Что было отвѣчать Серболину на эту логику? Онъ хорошо чувствовалъ, что всякой другой не посовѣстился бы сказать совсѣмъ другое на мѣстѣ Веселова, и что доводы его только умный предлогъ, чтобъ опять обогатить его,—но нельзя же было и отказаться послѣ убѣдительныхъ словъ этого добраго человѣка. Еще одно, послѣднее усиліе сдѣлалъ онъ — и сказалъ ему:

— Вижу и понимаю всю вашу доброту, Григорій Ивановичъ, — чувствую, что не могу противиться — и какъ недавно въ несчастіи, такъ теперь въ величайшемъ счастіи моей жизни, долженъ покориться Божьей волѣ. Но, послушайте. Вы говорите теперь, какъ великодушный человѣкъ и добрѣйшій изъ отцовъ. Но увѣрены ли вы что сердце и чувства Марьи Григорьевны нисколько не измѣнятся, когда она узнаетъ о моей бѣдности? Ваша дочь, конечно, должна быть также благородна и великодушна. Но она дѣвушка, —и только одна можетъ рѣшить это дѣло. Объявите ей сперва обо всемъ и дайте мнѣ честное слово не уговаривать ни словомъ, ни знакомъ. Пусть она подумаетъ, разочтетъ,—и—сама будетъ судьею во

воемъ. Вы мнѣ въ точности передадите ея отвѣтъ, и если въ немъ вы увидите хоть маленькій намекъ на мою бѣдность; если въ будущемъ я могу думать, что когда нибудь она попрекнетъ меня своимъ богатствомъ, то ужъ никакія силы въ мірѣ не заставятъ меня согласиться на этотъ бракъ. Хотите ли вы исполнить мою просьбу, Григорій Ивановичъ?

— Изволь, дружище, — отвѣчалъ Весоловъ, поглаживая бороду. Мы и это для тебя сдѣлаемъ. Только смотри, если и эта отговорка не удастся, такъ ужъ отъ меня не отдѣлаешься. Я, братъ, не позволю обидѣть своей Маши.

Сказавъ это, Веселовъ ушелъ, оставя Серболина въ глубокомъ размышленіи. Онъ чувствовалъ, что всѣ слова старика не что иное, какъ хитрость, чтобъ заставить его принять руку Маши, а съ нею богатство и счастіе; — но, не смотря на всю свою гордость, онъ не смѣлъ отказаться—и увѣренъ былъ, что послѣднее испытаніе, придуманное имъ, окончится тоже въ его пользу, и что сердце невѣсты его нисколько не измѣнится отъ несчастія, въ которое онъ впалъ.

Дѣйствительно, въ тотъ же день въ вечеру, когда Серболинъ въ сотый разъ пересчитывалъ будущій балансъ своей мелочной торговли, пріѣхалъ къ нему Веселовъ съ дочерью.

— Здравствуй, будущій зятюшка!—сказалъ онъ войдя. — Хоть на Руси и не водится, чтобы отцы привозили дочерей своихъ въ гости къ холостымъ людямъ, но наши дѣла съ тобою такого рода, что

составляютъ исключеніе изъ правила. Притомъ же не я, а сама Маша хотѣла навѣстить тебя. Когда я ей разсказалъ все дѣло, она на тебя до того разсердилась, что не хотѣла даже до завтра отложить, чтобъ порядкомъ тебя побранить. Сердце женское ужъ такъ создано. Готовься же къ головомытью, — мое дѣло сторона.

Серболинъ взглянулъ на Машу. Та стояла, раскраснѣвшись, и подняла на него влажныя свои глаза. Нѣсколько минутъ молчали оба. Наконецъ Серболинъ тихо спросилъ у дѣвушки:

— За что же это, Марья Григорьевна, вы на меня такъ разсердились?

Еслибъ Серболинъ простоялъ передъ нею безмолвно цѣлый часъ, то вѣроятно и Маша не рѣшилась бы прервать молчанія, — но теперь при первомъ звукѣ его словъ, вспыхнула въ ней вся любовь, все негодованіе.

— Какъ же не сердиться, Иванъ Ивановичъ? — отвѣчала она дрожащимъ отъ волненія голосомъ. Съ чего вы взяли отказываться отъ меня за то, что стали бѣднѣе? Развѣ, когда вы сватались, я спрашивала много ли у васъ денегъ? Это право обидно....

Слезы помѣшали ей даже говорить, и она, вмѣсто продолженія рѣчи, протянула ему руку. Серболинъ съ жаромъ схватилъ ее и осыпалъ поцѣлуями, тихо приговаривая при каждомъ поцѣлуѣ: виноватъ!

И у старика Веселова навернулись на глазахъ слезы.

— Что, братъ Иванъ Ивановичъ? — сказалъ онъ Серболину. — Тутъ, не бось: виноватъ! не то, что со мною давича разхарахорился. Давай же по рукамъ, да и въ баню, — какъ говорятъ на Руси.

Серболинъ бросился въ объятія Веселова.

— Знаю, Григоій Ивановичъ, — сказалъ онъ, — что я вамъ одному всѣмъ обязанъ, и вся жизнь моя докажетъ вамъ, какъ я умѣю чувствовать и понимать ваше добро.

— Ну! занесъ опять дичь! — вскричалъ Веселовъ. — Кажется, ты видишь, что мое дѣло тутъ сторона. Все одна Маша, — и ей разумѣется ты докажешь своею любовью, что умѣешь цѣнить привязанность доброй жены, какою надѣюсь она будетъ. — Ну, да полно краснобайничать. Поговоримъ-ко лучше о дѣлѣ. Надо съ толку сбить твоихъ непріятелей. Сегодня ты расчелся со всѣми своими кредиторами — и лишился почти всего своего имѣнія. Завтра ты долженъ продолжать свою торговлю по прежнему, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Нѣтъ, Григорій Ивановичь! — съ твердостію отвѣчалъ Серболинъ. Я могъ уступить любви — и принять руку Марьи Григорьевны, какъ единственное счастіе въ жизни. Благодарю за это Бога и васъ. Знаю теперь, что вы дадите своей дочери столько приданаго, что я могъ бы съ нимъ продолжать по прежнему свою торговлю, какъ велъ ее до сихъ поръ. Но это было бы съ моей стороны величайшее малодушіе. Всѣ знаютъ, что я раззорился — и что слѣдственно бу-

ду торговать на женины деньги. Сколько ни люблю я Марью Григорьевну, сколько ни уважаю васъ, — но мнѣ бы хотѣлось быть мужемъ вашей дочери, а не прикащикомъ ея. Капиталъ ея будетъ для меня священною и неприкосновенною вещью. Процентами съ него будемъ мы жить, чтобъ не заставить Марью Григорьевну почувствовать перехода изъ богатаго дома къ раззорившемуся мужу; но торговать позвольте мнѣ на собственный мой капиталъ. Авось, съ трудолюбіемъ и честностію, я добьюсь опять до чего нибудь порядочнаго.

— Эхъ, братъ Иванъ Ивановичъ, — сказалъ Веселовъ, — повѣрь мнѣ, что гордость большой порокъ. И всѣ мы, прежде нежели сдѣлались купцами, были прикащиками. Ты не хочешь торговать на женинъ капиталъ, — и дѣлаешь очень дурно. Ты знаешь притчу о талантѣ, зарытомъ въ землѣ. Ты точно также хочешь поступать и съ капиталомъ Маши. Вмѣсто того, чтобъ трудолюбіемъ и честностію стараться удвоить его, ты зароешь его—и будешь питаться крупицами. Нѣтъ, братъ! воля твоя, а это дѣло не чисто. Человѣкъ долженъ работать не для одной своей гордости, а для семейства. У тебя будетъ жена, будутъ дѣти: ты для нихъ обязанъ трудиться. Съ своимъ остальнымъ капиталомъ можешь ты дѣлать что хочешь, но капиталъ жены и дѣтей своихъ долженъ ты непремѣнно пустить въ оборотъ, — и если ужъ у тебя такое щекотливое самолюбіе, то пожалуй веди *этимъ деньгамъ* особый счетъ, — но ты будешь

плохой отецъ и дурной купецъ, если оставишь безъ употребленія капиталъ своей жены.

Простые и ясные доводы Веселова опять поколебали твердость Серболина. Маша, видя что онъ колеблется, подошла къ нему, взяла его за руку и нѣжнымъ голосомъ сказала:

— Иванъ Ивановичъ! Послушайтесь папеньку. Я не знаю вашихъ торговыхъ дѣлъ, но знаю, что онъ васъ отъ всей души любитъ и желаетъ вамъ добра. Изъ любви ко мнѣ забудьте вашу гордость. Я за это еще больше буду васъ любить.

Что было дѣлать бѣдному Серболину? Онъ поцѣловалъ руку Маши, опустилъ голову, и принужденъ былъ на все согласиться. До поздней ночи просидѣли они, — проводя время то въ расчетахъ цыфръ, то въ нѣжностяхъ влюбленныхъ.

На другой день, говорливая Москва, не успѣвъ еще хорошенько разславить слухъ о прекращеніи торговли Серболина, узнала съ удивленіемъ, что домъ этотъ продолжаетъ свою коммерцію въ товариществѣ съ домомъ Веселова. Всѣ торговцы бросились удостовѣриться въ этомъ, — и получили полное подтвержденіе.

Вскорѣ отпразднована была свадьба Серболина съ Машею — и торговля его начала процвѣтать по прежнему. Но кого однажды посѣтитъ несчастіе, тотъ долженъ безпрестанно ожидать новаго. Кажется, что судьба, выбравъ себѣ предметъ для гоненія, не хочетъ разстаться съ нимъ — и продолжаетъ удвоивать удары для поученія другихъ.

Серболину нужно было по торговымъ дѣламъ съѣздить въ Петербургъ. Въ наше время эта поѣздка почитается прогулкою, столько удобствъ доставили шоссе, дилижансы, почтовыя кареты но въ ту эпоху, когда происходило разсказываемое нами происшествіе, это путешествіе было вовсе не такъ занимательно. До Новгорода—дорога была устлана крупнымъ булыжникомъ, отъ котораго страдали бока и экипажи; отъ Новгорода было нѣсколько станцій настлано бревешками, которые поднимались какъ клавиши и производили самое мучительное ощущеніе своею нестерпимою тряскою. Далѣе шли Валдайскіе горы, которые были тогда въ первобытномъ состояніи и угрожали паденіемъ съ косогоровъ при малѣйшей оплошности ямщика. Еще далѣе шли пески на нѣсколько станцій отъ Твери, по которымъ, какъ нарочно, были станціи въ 36 верстъ, — и лошади, всегда задумавшись, проѣзжали ихъ по цѣлымъ суткамъ. Наконецъ, отъ Клина до Москвы дорога состояла изъ чистой глины. Въ дождливое время путешественники тащились по ней медленнѣе, чѣмъ по Тверскимъ пескамъ, а въ засуху глина превращались въ остроконечныя кочки, по которымъ ѣзда была безпокойнѣе, нежели по Бронницкимъ бревешкамъ. Притомъ же тогда частный человѣкъ рѣдко рѣшался ѣздить на почтовыхъ. Смотрители станцій почитали своею гостепріимною обязанностію задерживать проѣзжаго по крайней мѣрѣ на нѣсколько часовъ, — а если *онъ былъ* не торовать, — и на сутки. Лошади всегда

были въ разгонѣ, — а очередь для полученія ихъ никогда не наступала. Однимъ словомъ, кто бывало изъ Москвы пріѣдетъ въ Петербургъ недѣли въ полторы, тотъ хвастался своею удачною поѣздкою передъ всѣми.

Когда Серболинъ рѣшился совершить эту поѣздку, жена его была уже на восьмомъ мѣсяцѣ беременности, — но однакоже онъ никакъ не могъ ее уговорить остаться въ Москвѣ. Разлучиться съ мужемъ на самое короткое время, казалось тогда для жены дѣломъ чудовищнымъ. Теперь образованность исправила этотъ недостатокъ. Теперь жены больше думаютъ о томъ, какъ бы доставить мужу отдѣльное отъ нихъ препровожденіе времени. Послѣ нѣсколькихъ отговорокъ, Серболинъ принужденъ былъ везти съ собою Машу, — и можно себѣ вообразить, что̀ претерпѣла эта бѣдная женщина по осенней дорогѣ! На силу дотащились они въ 13-й день — и поселились по пріѣздѣ въ сѣверную столицу въ одномъ трактирѣ, которые въ то время тоже не отличались ни удобствомъ, ни чистоплотностію.

Путешествіе это было чрезвычайно вредно для здоровья Маши. Со дня пріѣзда стала она хворать, и съ большою опасностію разрѣшилась отъ бремени дочерью, которую тоже назвали Маріею. Она была не въ состояніи сама кормить ребенка, — а это было источникомъ величайшаго для нея огорченія, потому что тогда всѣ матери почитали самою священною обязанностію кормить своихъ дѣтей. Все это еще болѣе усилило ея болѣзнь, —

и бѣдная страдалица вскорѣ скончалась на рукахъ своего неутѣшнаго мужа.

Серболинъ перенесъ этотъ ударъ судьбы, какъ христіанинъ: онъ плакалъ и молился. Горесть его была искренна и глубока. Всю безпредѣльную любовь свою, которую питалъ къ матери, перенесъ онъ теперь на единственную дочь, — и когда торговыя дѣла его, по которымъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ были кончены, — онъ все таки не рѣшился возвратиться въ Москву, чтобы не подвергать младенца утомительному путешествію, и остался въ Петербургѣ.

О своемъ несчастіи и о рѣшимости своей остаться въ Петербургѣ, увѣдомилъ онъ тестя своего Веселова. Это извѣстіе было для него гибельно. Старикъ былъ болѣнъ, когда получилъ его. Роковая вѣсть усилила болѣзнь. Маша была единственною его дочерью. Онъ ее любилъ безъ ума, и только потому любилъ Серболина, что видѣлъ какъ она была счастлива за нимъ. — Черезъ нѣсколько дней скончался осиротѣлый старикъ, — завѣщавъ все свое имѣніе внучкѣ, подъ непосредственною опекою отца.

Это новое несчастіе заставило Серболина оставить дочь свою на рукахъ кормилицы, чтобы самому отправиться въ Москву для приведенія дѣлъ своихъ по наслѣдству и торговлѣ въ окончательный порядокъ. Послѣ чего, онъ рѣшительно переселился на житье въ Петербургъ, чтобъ чаще навѣщать гробъ покойницы и безпрестанно заниматься своею дочерью.

II.

Въ старину говаривалось: скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. На этомъ основаніи намѣрены и мы перескочить черезъ нѣсколько лѣтъ нашего разсказа, чтобъ не утомить читателя незанимательными подробностями.

Серболинъ жилъ въ Петербургѣ со времени кончины жены своей, — и, какъ купецъ, котораго имя было почетно въ Москвѣ, онъ и въ сѣверной столицѣ пріобрѣлъ вскорѣ всеобщую довѣренность. Живя и производя дѣла въ одномъ кругу, онъ по необходимости встрѣчался иногда съ Ивановымъ, — но ни одинъ взглядъ не обнаруживалъ, чтобы Серболинъ когда нибудь зналъ этого человѣка. Дѣльные и честные купцы, съ которыми Серболинъ познакомился въ Петербургѣ, спрашивали у него иногда о прежнихъ его сношеніяхъ съ Ивановымъ, но онъ всякой разъ, махнувъ рукою, просилъ не распрашивать объ этомъ дѣлѣ.

— Еслибъ у меня были *законныя* доказательства его поступковъ со мною, — отвѣчалъ онъ, — то вы по рѣшенію суда узнали бы о моихъ прежнихъ сношеніяхъ и о причинахъ нашего разрыва; но какъ ихъ нѣтъ у меня, то я не унижусь, обвиняя бездоказательно другое лице. Я хочу лучше забыть все прошедшее. Насъ разсудитъ нѣкогда другой, не земной судъ, гдѣ не нужны будутъ документы. До тѣхъ поръ я буду молчать.

Ивановъ однакоже не очень былъ спокоенъ.

Дурная совѣсть всегда боязлива. Онъ воображалъ себѣ, что Серболинъ нарочно поселился въ Петербургѣ, чтобъ вредить ему, — и безпрестанно въ первое время говорилъ всѣмъ знакомымъ: послушайте, что̀ онъ вамъ обо мнѣ наскажетъ! какъ будетъ ругать меня! какія сплетни выведетъ на меня!

Всѣ удивились, что Серболинъ и не думалъ говорить что-нибудь дурное объ Ивановѣ. — Это молчаніе больше повредило бездѣльнику, чѣмъ самая злая брань бывшаго его хозяина. Ивановъ считалъ и это хитростію, — но прошло нѣсколько лѣтъ, — и постоянное великодушіе Серболина заставило его задуматься. Въ первый разъ почувствовалъ онъ въ душѣ своей угрызеніе совѣсти. Еслибъ Серболинъ началъ съ нимъ судиться, бранить его повсюду, то Ивановъ съ ожесточеніемъ защищался бы и въ свою очередь много бы повредилъ Серболину, но твердое, холодное молчаніе обиженнаго и обманутаго имъ человѣка поколебало его. Онъ развѣдалъ подробнѣе о причинахъ, побудившихъ Серболина оставить Москву, — и узналъ, что причиною этому были одни семейныя несчастія, а вовсе не желаніе мстить ему.

Ивановъ разбогатѣлъ своею дѣятельностію, женился на богатой купеческой дочери, увеличилъ еще болѣе капиталъ свой и пустился въ большіе обороты. У него родился сынъ, котораго онъ воспитывалъ у себя дома со всевозможнымъ тщаніемъ. Но и онъ черезъ нѣсколько лѣтъ счастливаго супружества овдовѣлъ.

Потеря жены была первымъ указаніемъ судьбы, какъ непрочно счастіе людей, а особливо такихъ какъ Ивановъ, у которыхъ расчетъ съ совѣстію не очень вѣренъ. Онъ хотѣлъ заглушить свою печаль блистательными успѣхами въ торговлѣ, — и какъ тогда надъ Европою тяготѣла знаменитая континентальная система, то Ивановъ и пустился въ добываніе колоніальныхъ товаровъ черезъ нейтральные флаги. Сначала дѣйствительно, успѣхи его и барыши были колосальны, но какъ эта торговля имѣла и свои подводные камни, то наконецъ грузы его стали попадать то въ руки каперамъ, то таможенной стражѣ, а капиталы его,— то долгое время оставались безъ употребленія, то, по невозможности выбрать всегда вѣрныхъ агентовъ, попадались иногда въ руки такимъ же недобросовѣстнымъ людямъ, какимъ онъ самъ былъ съ Серболинымъ.

Однажды вдругъ получилъ онъ извѣстіе, что два корабля его разбились, а торговый англійскій домъ, которому онъ ввѣрилъ огромный капиталъ, обанкрутился. Первымъ его движеніемъ было скр ть эту бѣду на петербургской биржѣ, но ее тотчасъ же узнали—и всѣ кредиторы приступили къ Иванову, чтобъ онъ привелъ свои дѣла въ ясность. Онъ принужденъ былъ собрать ихъ — и хотя представилъ имъ множество цыфръ и насказалъ много громкихъ фразъ, но къ нему никогда не имѣли большой довѣренности, и всѣ потребовали уплаты. Онъ не въ состояніи былъ удовлетворить ихъ, и принужденъ былъ объявить

себя несостоятельнымъ. Продолжая дѣйствовать въ прежнемъ духѣ своей недобросовѣстной системы, онъ старался отложить на сторону значительный капиталъ, — но кредиторы знали съ кѣмъ имѣютъ дѣло, и слѣдили за каждымъ его шагомъ. Плутовство это открылось, и онъ принужденъ былъ отдать на конкурсъ *все*.

Если честный человѣкъ пораженъ несчастіемъ, неожиданнымъ и незаслуженнымъ, то онъ никогда не приходитъ въ отчаяніе. Съ чистою совѣстью встрѣчаетъ онъ бѣду и переноситъ ее, какъ христіанинъ. Но тотъ, который нажилъ богатство непозволительными средствами, съ ужасомъ видитъ, что непредвидимый случай лишаетъ его всего имѣнія, накопленнаго происками и обманами. Странное дѣло! Первые, какъ бы ожидаютъ всегда переворотовъ счастія, — вторые же, напротивъ, какъ будто увѣрены, что судьба должна во всю жизнь потворствовать ихъ недобросовѣстности.

Ивановъ предался совершенному отчаянію. Только въ эту минуту понялъ онъ, что̀ значитъ доброе имя и честная жизнь. Всякой другой, пользуясь довѣренностію своего сословія, нашелъ бы еще средство, продолжать кое-какъ торговлю; посредствомъ кредита товарищей, но Иванову никто не хотѣлъ вѣрить, — и онъ вдругъ изъ богача сдѣлался нищимъ. Со слезами на глазахъ посмотрѣлъ онъ на сына своего, котораго воспиталъ въ роскоши и баловствѣ. Богатая его одежда, мебель, комнаты — все упрекало его въ томъ, что онъ не

умѣлъ откладывать,— по русской поговоркѣ,— *денежки на черный день*. Сыну его было уже восемь лѣтъ. Онъ болталъ по-французски, по-нѣмецки,— и отличался своенравіемъ ребенка, котораго желанія были всегда выполняемы.

Матери и отцы, балующіе дѣтей своихъ и думающіе доказать имъ любовь свою исполненіемъ ихъ малѣйшаго дѣтскаго желанія, — всѣми возможными примѣрами убѣждаются, что дѣлаютъ дѣтямъ своимъ неисправимое зло, пріучая ихъ видѣть исполненіе ихъ воли. Придетъ время, — и на каждомъ шагу встрѣтятъ они преграды этому исполненію. Каждое слово, каждое движеніе послужитъ остановкою и камнемъ преткновенія въ жизни. Кто не привыкъ къ успѣхамъ, тотъ не огорчается препятствіями, не приходитъ въ отчаяніе отъ несчастій; но кто съ малолѣтства привыкъ видѣть, что всѣ его слушаются, тотъ при малѣйшемъ сопротивленіи, — или будетъ выходить изъ себя, или упадетъ духомъ, сдѣлавшись неспособнымъ къ дѣятельной жизни.

Ивановъ совершенно предался унынію. Онъ чувствовалъ всю вину свою. Онъ не только раззорился, потерявъ свое неправедно пріобрѣтенное имѣніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ раззорилъ и своего сына, который, по наслѣдству отъ матери, долженъ былъ получить значительный капиталъ. Онъ, разумѣется, и съ этимъ капиталомъ поступалъ какъ со своимъ собственнымъ, — и теперь сдѣлалъ сына своего нищимъ, обманувъ его, какъ и прочихъ кредиторовъ, съ тою разницею, что

тѣ, по конкурсу, получили около 40% со своихъ капиталовъ, а сынъ его всего лишился. Это было ужасно! Зачерствѣлая его совѣсть пробудилась, ледяная кора на сердцѣ его растаяла. Онъ началъ плакать и молиться, — но и это было напрасно.

Наконецъ, онъ впалъ въ тяжкую неизлечимую болѣзнь, и видѣнія разстроенной его фантазіи представляли ему ежеминутно два лица: сына и Серболина. Это были два карающіе призрака, мучившіе его безпрестанно.

Знакомые Серболина тотчасъ же сообщили ему извѣстіе о раззореніи Иванова, — но онъ встрѣтилъ его равнодушно и молчаливо. Всѣ ожидали, что онъ обнаружитъ знаки сердечнаго удовольствія, но Серболинъ былъ слишкимъ благороденъ, для подобнаго чувства.

— Я ошибся, — сказалъ онъ разскащикамъ. — Я думалъ, что судьба насъ разсудитъ тамъ! Вышло, что наказаніе суждено ему и здѣсь.

Можно вообразить себѣ удивленіе Серболина, когда онъ однажды получилъ письмо отъ Иванова. Рука была ему слишкомъ хорошо знакома. Письмо было слѣдующаго содержанія.

«Вы вѣрно знаете, что наказаніе Божеское постигло меня, Иванъ Ивановичъ! — Вы конечно, «удивитесь, что я рѣшаюсь писать къ вамъ, котораго я такъ безбожно оскорбилъ, обманулъ, ограбилъ. Но я стою у могилы, — и справедливая ваша ненависть ко мнѣ не пойдетъ далѣе предѣловъ «гроба. *Тамъ* меня будутъ судить строже, — и наказаніе мое будетъ праведно. Здѣсь судъ мой кон-

«ченъ. Я умираю — и въ этотъ великій и торже-
«ственный часъ обращаюсь къ вамъ. У меня есть
«сынъ. Онъ остается круглымъ сиротою. Онъ ни-
«щій! Отецъ его началъ съ того, что обманулъ луч-
«шаго своего благодѣтеля, кончилъ тѣмъ, что раз-
«зорилъ собственнаго своего сына—и пустилъ его
«по-міру. И теперь этотъ отецъ обращается къ
«тому, кого прежде всѣхъ обманулъ, — *къ вамъ!*
«Когда я былъ богатъ, домъ мой былъ наполненъ
«людьми, называвшимися моими друзьями. Теперь,
«когда я нищій — и лежу на смертномъ одрѣ, —
«всѣ меня бросили, — и даже рука наемника не
«хочетъ подать мнѣ глотка воды, зная, что я не
«въ состояніи заплатить за это. — Если вы, какъ
«истинный христіанинъ, рѣшитесь навѣстить
«меня и закрыть глаза умирающему злодѣю, то
«я въ вѣчность понесу съ собою благодарность
«за вашу доброту; если же отвергните голосъ ка-
«ющагося грѣшника, то умоляю васъ, именемъ
«незабвенной вашей супруги, взирающей на васъ
«съ небесъ, именемъ Спасителя, простившаго вра-
«говъ своихъ и на крестѣ, — за всѣ гнусные по-
«ступки отца, будьте вторымъ отцомъ несчастному
«его сыну. Этотъ ребенокъ ни въ чемъ не вино-
«ватъ передъ вами. Сотворите ему милостыню во
«имя Христа, — и бросьте горсть земли на гробъ
«злополучнаго его отца».

Печально опустилъ голову Серболинъ, когда прочелъ это письмо. Слезы невольно навернулись на его глазахъ. Онъ задумался,—но не отъ нерѣшимости. Онъ ни на минуту не колебался въ испол-

ненія сладостнаго христіанскаго долга. Онъ только обдумалъ, чѣмъ и какъ скорѣй помочь Иванову, тотчасъ же отправился къ нему, и засталъ его въ совершенномъ изнеможеніи.

Молча протянулъ онъ ему руку. Ивановъ узналъ его, набожно перекрестился сперва, потомъ схватилъ руку Серболина, — и прежде, нежели тотъ успѣлъ угадать и предупредить его намѣреніе, онъ съ жаромъ поцѣловалъ ее, заливаясь слезами.

— Ради Бога, Михаилъ Ивановичъ, перестаньте! —сказалъ Серболинъ. Скажите скорѣе, что̀ я долженъ сдѣлать, чтобъ помочь вамъ?

— Мнѣ земная помощь уже не нужна,—а вотъ вамъ сирота. Будьте его отцомъ и благодѣтелемъ.

Тутъ онъ указалъ на мальчика, съ безпечностію качавшагося на стулѣ, подлѣ смертнаго одра своего отца.

— Миша!—прибавилъ Ивановъ, схватя ребенка за руку. Вотъ тебѣ вмѣсто меня отецъ и покровитель. Ты не понимаешь теперь своего положенія, ни будущихъ обязанностей; но слова умирающаго отца вѣрно останутся у тебя въ памяти. Отецъ твой такъ много виноватъ передъ этимъ человѣкомъ, что всей жизни твоей будетъ мало, чтобъ усердною службою и преданностію къ нему заплатить тяжкій долгъ отца. Милый сынъ мой! будь честенъ и богобоязненъ. Пуще всего помни, что если ты обманешь *этого* человѣка, то проклятіе мое постигнетъ тебя и съ того свѣта....

— Перестаньте, Михайло Ивановичъ, — прервалъ его Серболинъ. Какъ можно ребенку говорить

рить подобныя вещи! Подумаемте лучше о вашемъ здоровьи. Я послалъ уже за лучшими докторами. Они вѣрно помогутъ вамъ; а послѣ поговоримъ съ вами, какъ поправить и торговыя ваши дѣла.— О сынѣ не безпокойтесь. Даю вамъ честное слово, что онъ найдетъ во мнѣ всегда друга и защитника...

Съ разсѣянностію и любопытствомъ посмотрѣлъ Миша на незнакомое ему лицо Серболина—и продолжалъ болтать ногами. Онъ никакъ не понималъ въ чемъ дѣло.

Явились и доктора, осмотрѣли больнаго, составили консиліумъ, — и присудили, что если нѣтъ уже средствъ спасти больнаго, то надобно поддержать до нельзя его существованіе и облегчить предсмертныя минуты. Дѣйствительно, усилія искуства успокоили Иванова и даже польстили ему мгновенно возможностью выздоровленія. Онъ успѣлъ передать Серболину всѣ свои дѣла и участь сына; онъ началъ даже говорить о поѣздкѣ въ Англію, чтобъ получить съ обанкрутившагося дома хоть что нибудь; но это была послѣдняя вспышка искуственной жизни: настоящая — была уже истощена и истрачена. Черезъ нѣсколько дней онъ, какъ лампада, лишенная масла, мгновенно угасъ, успѣвъ только осѣнить сына своего знаменіемъ креста. Тихъ и спокоенъ былъ конецъ его, потому что онъ видѣлъ судьбу сына своего обезпеченною.

Какъ будто бы ближайшій родственникъ, Серболинъ похоронилъ Иванова самымъ приличнымъ

образомъ; созвалъ всѣхъ на погребеніе, угощалъ по заведенному обычаю, — и принялъ управленіе его домомъ. Никто не мѣшалъ ему. Всѣ съ чувствомъ уваженія видѣли этотъ христіанскій подвигъ Серболина, — и когда по истеченіи 6-ти недѣль, онъ публиковалъ о вызовѣ остальныхъ кредиторовъ,—никто не явился, всѣ знали, что получили бы уплату изъ собственныхъ денегъ Серболина. Это снизхожденіе позволило ему составить изъ продажи мебели, гардероба, вещей и посуды покойника небольшой капиталъ, который онъ положилъ въ ломбардъ на имя Миши до совершеннолѣтія его. Самаго же сына перевезъ къ себѣ на короткое время, а потомъ отдалъ на свой счетъ въ Коммерческое училище. Всѣ хвалили поступокъ Серболина, но никто не удивился ему, — потому что у насъ на Руси много примѣровъ патріархальныхъ добродѣтелей.

III.

Здѣсь опять необходимъ интервалъ нѣсколькихъ лѣтъ въ нашемъ разсказѣ. Онъ прошелъ безъ особенныхъ произшествій для дѣйствующихъ лицъ повѣсти. Серболинъ занимался торговлею и годъ-отъ-году богатѣлъ, но еще болѣе занимался онъ воспитаніемъ своей дочери Маши, которая, по всегдашнимъ законамъ природы, изъ дѣвочки сдѣлалась дѣвушкою, а потомъ дѣвицею. Разумѣется, отецъ не отдавалъ ее въ пансіоны. Раз-

статься съ Машею — не могло ему придти въ голову. Учебное образованіе могъ онъ ей дать дома, а душевнымъ воспитаніемъ хотѣлъ безпрестанно самъ заниматься, — и главнымъ наставникомъ ея въ этомъ отношеніи были — отцовская любовь и воспоминаніе о матери.

На четырнадцати-лѣтнемъ возрастѣ, Маша Серболина начала уже славиться въ своемъ кругу умомъ и красотою. Всѣ предвидѣли, что это будетъ богатѣйшая невѣста купеческаго сословія — и старались по возможности сблизиться съ нею. Средства къ тому были очень легки. Серболинъ радушно принималъ каждаго, не углубляясь въ причины, по которымъ тотъ или другой искали его знакомства. Онъ даже очень любилъ, чтобъ у него сходилось много гостей — и гости охотно пользовались его обѣдами и вечерними бесѣдами, хваля первые за искуство повара, а на вторыхъ скучая иногда, потому что у Серболина никогда не было картъ, даже для такъ называемыхъ коммерческихъ игръ.

Но, кромѣ дочери, повара и вечеровъ — былъ еще магнитъ, который привлекалъ толпы посѣтителей въ домѣ Серболина. Эта была Анна Ивановна, гувернантка Маши.

Надобно намъ нѣсколько познакомиться и съ этимъ лицомъ, потому что оно займетъ въ нашемъ разсказѣ не послѣднее мѣсто. Анна Ивановна, дочь тоже одной иностранной гувернантки, жившей въ знатномъ домѣ (тогда еще была мода и даже необходимое условіе, чтобъ въ каждомъ

зажиточномъ домѣ были гувернеры и гувернантки непремѣнно изъ иностранцевъ. Нынче, слава Богу, эта болѣзненная привычка чрезвычайно ослабѣла). Домашній чиновникъ, ежедневно бывавшій по должности въ этомъ домѣ, приглянулся ей, и какъ тотъ, у кого она была гувернанткою, предложилъ чиновнику жениться на ней, обѣщая дать ей 20,000 рублей приданаго, а ему особенное свое покровительство, то, разумѣется, вскорѣ дѣвица Фальибль переименовалась въ г-жу Сѣвергину,—и переѣхала на квартиру своего мужа.

Оказалось однакоже, что г. Сѣвергинъ нѣсколько ошибся въ своихъ расчетахъ въ этой брачной спекуляціи. Онъ надѣялся, что на приданое жены купитъ себѣ кое-какую деревеньку, которая бы обезпечила будущую его старость; но бывшая гувернантка очень ясно доказала ему, что приданое принадлежитъ ей одной и нужно ей на собственныя ея расходы. Онъ же долженъ по законамъ кормить ее и одѣвать на свое иждивеніе. Это обстоятельство произвело небольшое охлажденіе между молодыми супругами въ домашней жизни.

Вскорѣ присоединились и другіе непріятности. Бывшая дѣвица Фальибль не только часто забывала, что мужъ глава дома, но даже не всегда помнила, что приличіе требуетъ не разъѣзжать по гостямъ безъ мужа. Это чрезвычайно огорчило г. Сѣвергина, но когда онъ сталъ объясняться по этому предмету со своею женою, она наивно объявила ему, что знакома она съ такими людьми и домами, которые, принимая ее какъ иностранку,

никакъ не захотятъ имѣть гостемъ мелкаго чиновника.

На второй годъ брака ихъ, родилась у нихъ дочь Анна, — и г-жа Сѣвергина наняла для нея кормилицу, а въ послѣдстіи надзирательницу изъ бѣдныхъ своихъ соотечественницъ, и полагая, что сдѣлала все, что нужно для нѣжной матери, — продолжала по прежнему разъѣзжать по гостямъ. Сѣвергинъ, съ сердечнымъ сокрушеніемъ видѣлъ, что приданое жены его разлетается какъ дымъ на шляпки, чепчики, капоты, кареты и театры, и что отъ брака своего съ бывшею гувернанткою, онъ не только ничего не пріобрѣлъ, но еще увеличилъ свои расходы очень значительно. Сначала, конечно, получилъ онъ хорошее мѣсто отъ того вельможи, у котораго она была гувернанткою, но потомъ не было и помина о какомъ нибудь пособіи, или дальнѣйшемъ содѣйствіи на поприщѣ службы. Напротивъ, по мѣрѣ того, какъ г-жа Сѣвергина становилась дороднѣе и старѣе, покровительство со всѣхъ сторонъ уменьшалось и доходы также. Малолѣтная дочь его Анна, тоже росла и требовала присмотра и образованія, — а мать, бывшая образовательницею другихъ, никакъ не полагала, чтобъ обязана была исправлять эту должность и у собственной своей дочери.

По торговымъ дѣламъ Серболина, имѣлъ онъ въ это время какую-то надобность до вельможи, у котораго служилъ Сѣвергинъ. Со всегдашнею своею готовностію служить богатымъ людямъ, Сѣвергинъ взялся хлопотать по дѣлу Серболина,

а тотъ, зная русскую поговорку, что: *рука руку моетъ*, — и что *сухая ложка ротъ деретъ* — былъ очень благодаренъ Сѣвергину за его дѣятельность и усердіе. Съ этой минуты эти люди познакомились, то-есть Сѣвергинъ имѣлъ право приходить обѣдать къ Ивану Ивановичу когда ему вздумается, а иногда и просить у него *взаймы бѣленькую*. Съ тонкою расчетливостію пользовался онъ и тѣмъ и другимъ, то-есть, не надоѣдая Серболину ни частыми просьбами, ни безпрестаннымъ присутствіемъ.

Но утѣшеніе, доставляемое Сѣвергину знакомствомъ и пособіями Серболина, не могли уравновѣсить непріятностей его супружеской жизни. Жена его старѣла, дурнѣла и мало по малу, вмѣсто того, чтобы разъѣзжать по гостямъ, куда уже не принимали ее, оставалась по цѣлымъ днямъ и недѣлямъ дома. Но тутъ только бѣдный Севергинъ узналъ, что онъ до сихъ поръ несправедливо жаловался на судьбу свою, упрекая жену во всегдашнемъ отсутствіи изъ дому. Съ тѣхъ поръ, какъ она стала сидѣть дома, — жизнь его сдѣлалась въ тысячу разъ несноснѣе. Супруга его возвращалась бывало утомленною, но довольною, была всегда снисходительна и любезна къ мужу. Теперь же онъ на каждомъ шагу, съ каждымъ словомъ встрѣчалъ брань, а иногда и неучтивыя тѣлодвиженія. Лишась мало по малу всѣхъ обществъ, гдѣ по неволѣ была всегда любезною, она не имѣла надобности въ этомъ притворствѣ передъ мужемъ и начала мучить его своею сварливостію. А какъ дочь

ея Анета, только почти по слухамъ знавшая, что у нее есть мать, старалась быть всегда посредницею между ею и отцемъ, держа разумѣется сторону послѣдняго, то мать и ее надѣляла тою же бранью и толчками, какъ и мужа.

Къ довершенію несчастій, г-жа Сѣвергина открыла, что противъ всякой скуки и неудовольствій есть одно спеціальное и универсальное лекарство, и начала имъ пользоваться, со всѣмъ пристрастіемъ женщины, которая скучаетъ. Это средство, по словамъ одного греческаго поэта, — превращающее людей сперва въ козловъ, а потомъ въ хрюкающихъ животныхъ, — сдѣлалось прибѣжищемъ и утѣшеніемъ г-жи Сѣвергиной. Новая эта страсть превратила домашнюю жизнь бѣднаго мужа въ совершенный адъ.

Поэтому въ то время, какъ жена оставалась дома, мужъ искалъ убѣжища внѣ дома. Прежде всего обратился онъ къ Серболину и откровенно описалъ ему свое положеніе. Тотъ выслушалъ его жалобы, покачалъ головою, и прежде всего велѣлъ привести къ себѣ молодую дочь Сѣвергину, чтобъ спасти ее отъ примѣровъ и обхожденія матери. Анетѣ было тогда 15 лѣтъ, а Машѣ 14. Хотя послѣдняя была, разумѣется, болѣе образована первой, но у Анеты былъ съ малолѣтства чистый французскій выговоръ, полученный отъ матери, а это давало тогда большое преимущество въ петербургскомъ обществѣ. Серболинъ принялъ охотно къ себѣ эту дѣвушку въ компаньонки къ Машѣ, и вскорѣ обѣ дѣвушки подружились между собою.

самымъ тѣснымъ образомъ. Конечно, Маша болѣе всего на свѣтѣ любила своего отца, но все таки у нея недоставало до сихъ поръ подруги. У всякой дѣвушки есть всегда тысячи бездѣлицъ, которыя ей пріятно передать другой дѣвушкѣ, но о которыхъ она не станетъ говорить самому нѣжному отцу.

Въ это время Миша Ивановъ оканчивалъ курсъ своего воспитанія. По праздникамъ Серболинъ бралъ его всегда къ себѣ домой, и покуда дочь его была дитятею, допускалъ ее проводить время въ дѣтскихъ играхъ съ Мишею. Тотъ, какъ дитя, привязался къ этой дѣвушкѣ и охотно исполнялъ малѣйшія ея желанія. Всѣ эти игры продолжались до 14-ти лѣтняго возраста Маши. Иванову минуло уже тогда 17, и не смотря на всю невинность юношескаго его воспитанія, онъ самъ начиналъ уже чувствовать, что присутствіе и ласки Маши смущаютъ его и волнуютъ. Рѣже и рѣже сталъ онъ являться по праздникамъ въ домъ своего благодѣтеля, а какъ Серболинъ зналъ, по знакомству своему съ начальниками коммерческаго училища, что Ивановъ, проводитъ это время за книгами, готовясь къ выпускному экзамену, то и не принуждалъ его ходить чаще.

А какъ въ это время поступила въ домъ Серболина Анета Сѣвергина, то Ивановъ, чувствуя что это новое лицо навсегда уже отдѣляетъ его отъ близкаго собесѣдничества съ Машею, пересталъ и совсѣмъ являться къ Серболину. Только

послѣ выпуска изъ училища, гдѣ онъ на экзаменѣ былъ *первымъ* ученикомъ, и гдѣ присутствовалъ Серболинъ, взялъ его къ себѣ, представилъ всѣмъ гостямъ, обнималъ его и благодарилъ за то, что попеченія о немъ не остались безплодными, а пали на такую прекрасную и благодарную почву. Всѣ гости выпили за обѣдомъ за торжество перваго кандидата коммерціи, и Миша впервые почувствовалъ все удовольствіе быть добрымъ и прилежнымъ юношею.

Чтобъ вполнѣ ощушать всю пріятность торжества своего, Мишѣ не доставало на этомъ обѣдѣ одного свидѣтеля. Маша Серболина была въ гостяхъ съ Анетою у дочери какого-то купца, бывшей въ тотъ день имянинницею. Это отсутствіе подруги дѣтскихъ лѣтъ его повергло Мишу въ невыразимую грусть, въ которой онъ не могъ дать себѣ отчета. Нѣкоторые молодые люди, бывшіе тутъ, разсказали ему послѣ обѣда объ Анетѣ Сѣвергиной, и описали ее самыми блистательными красками, но нисколько не возбудили любопытства Иванова. На всѣ поэтическіе ихъ описанія красоты и ловкости этой полу-француженки, онъ съ хладнокровіемъ и пренебреженіемъ отвѣчалъ: «а мнѣ что за дѣло?» Всѣ съ досадою и удивленіемъ смотрѣли на этого холоднаго юношу, — и никто не догадывался, что въ груди его была въ это время сильная страсть, которой онъ самъ не понималъ.

Ввечеру позвалъ его Серболинъ въ свой кабинетъ и спросилъ: какіе онъ имѣетъ планы и же-

ланія на счетъ будущей своей жизни? Хочетъ ли онъ начать тотчасъ же торговать — на свой капиталъ, лежащій въ ломбардѣ и съ пособіемъ кредита Серболина, или намѣренъ вступить къ кому-либо въ контору для ближайшаго изученія коммерціи, или наконецъ хочетъ жить у него въ домѣ и получать занятіе по его дѣламъ?

При послѣднемъ предложеніи, сердце сильно забилось въ груди Миши. Еслибъ онъ видѣлъ въ этотъ день дочь Серболина, то вѣроятно отвѣчалъ бы, что почтетъ себя счастливымъ, посвятивъ труды и усердіе своему благодѣтелю; но случайное отсутствіе дало его идеямъ совершенно другое направленіе. Онъ тотчасъ же отвѣчалъ, что прежде всего желалъ бы поработать въ конторѣ какого нибудь иностраннаго банкира, чтобъ пріобрѣсти всѣ практическія свѣденія въ заграничной торговлѣ и сдѣлаться болѣе способнымъ и полезнымъ для службы своему благодѣтелю.

— Въ такомъ случаѣ, дѣло твое улажено, — отвѣчалъ Серболинъ. Англійскій банкиръ Говардъ, котораго ты видѣлъ у меня сегодня за обѣдомъ, сказалъ мнѣ, что охотно взялъ бы тебя бухгалтеромъ, если ты согласишься поступить къ нему — и хоть я, признаюсь, было думалъ, что ты захочешь остаться у меня, но обѣщалъ сказать тебѣ о его предложеніи. Въ нѣкоторомъ отношеніи, я даже одобряю твой выборъ. Сердечно желая тебѣ добра, я бы очень радъ былъ, еслибъ ты у меня остался прикащикомъ, но для будущей твоей жизни гораздо будетъ лучше, если ты сперва хорошень-

ко ознакомишься съ производствомъ дѣлъ иностранныхъ коммерческихъ домовъ. У тебя есть небольшой капиталъ. Не трогай его до твоего совершеннолѣтія. Тогда онъ составитъ порядочную сумму для начала каждаго рода торговли, а я тебѣ помогу всегда и во всемъ.

Слезы благодарности навернулись на глазахъ Миши, — и съ живѣйшимь чувствомъ поцѣловалъ онъ руку Серболина, которую ему тотъ дружески протянулъ. Теперь кажется страннымъ и неприличнымъ, если даже сынъ поцѣлуетъ руку отца, но тогда, — и въ особенности въ простомъ сословіи, не стыдились цѣловать руку благодѣтелю.

Серболинъ съ жаромъ обнялъ юношу, набожно перекрестилъ его, блалословилъ на вступленіе въ дѣятельную сферу жизненнаго поприща, приказалъ ему завтра же по утру явиться къ Говарду и начать свои занятія.

— При всякомъ свободномъ днѣ и часѣ, — прибавилъ Серболинъ, — а особливо при каждой надобности въ помощи, или совѣтѣ, приходи ко мнѣ, другъ Михайло. У меня всегда для тебя открытъ мой домъ, мои дружескія объятія и мой кошелекъ.

Они разошлись, — а на другой день Ивановъ уже переѣхалъ къ Говарду въ званіи бухгалтера и съ жалованьемъ 1,500 руб.: тогда это значило еще много.

Въ первое воскресенье, когда онъ былъ свободенъ отъ занятій по конторѣ, пришелъ онъ обѣдать къ Серболину. Тотъ его принялъ съ отверстыми объятіями и распросилъ обо всемъ.

— Очень радъ, — сказалъ онъ, выслушавъ его разсказъ, — что ты доволенъ своею должностію. Хорошее твое ученье и знанье иностранныхъ языковъ будетъ для тебя очень полезно.

Когда позвали всѣхъ къ обѣду, сердце Иванова сильно затрепетало. Онъ зналъ, что Маша выйдетъ къ столу со своими подругами и гостьями, и по безотчетному чувству сѣлъ нарочно на другомъ концѣ, чтобъ не быть замѣченнымъ, — но она тотчасъ же его увидѣла и сказала отцу:

— Ахъ, Боже мой мой! Тамъ сидитъ Михайло Михайловичъ. Что это значитъ, папа, что онъ не простился со мною, когда переѣхалъ къ Говарду, и сегодня, когда пришелъ къ намъ, не поздоровался со мною. Ужъ не сердитъ ли онъ на меня?

— Не думаю, душенька, отвѣчалъ Серболинъ. Вамъ кажется не зачѣмъ ссориться. А впрочемъ спроси его сама.

Тутъ, безъ церемоній подозвалъ онъ къ себѣ Иванова и передалъ ему слова дочери. Тотъ покраснѣлъ до ушей — и, подойдя къ Машѣ, поцѣловалъ ея руку.

— Еслибъ я не была такъ рада видѣть васъ, Михайло Михайловичъ, — сказала она, то должна бы была сердиться на васъ и даже побранить васъ. Вы и не вспомнили обо мнѣ при своемъ переѣздѣ, а сегодня даже и не замѣтили меня.

— Я бы могъ отвѣчать вамъ, Марья Ивановна, — сказалъ Ивановъ, что вы несправедливы, и

жестоки, но хочу лучше перенести вашъ упрекъ, радуясь, что вы обо мнѣ вспомнили.

— Вотъ прекрасно! да развѣ я могу забыть васъ?... однакоже, ступайте на свое мѣсто. Мы поговоримъ послѣ обѣда, а теперь извините, что папа вызвалъ васъ сюда.

Онъ съ трепещущимъ сердцемъ воротился на свое мѣсто. Подлѣ него сидѣлъ одинъ изъ всегдашнихъ посѣтителей дома Серболина, привлекаемый туда красотою Анеты Сѣвергиной. Первымъ дѣломъ его было шепнуть Иванову, «экой счастливецъ! Какъ близко былъ подлѣ нее! Что? какова?»

Съ изумленіемъ посмотрѣлъ онъ на знакомца и не зналъ сердиться ему или смѣяться.

— О комъ вы говорите?

— Объ *ней*, о душкѣ Аннѣ Ивановнѣ Сѣвергиной.

— Да развѣ вы не видѣли, что я говорилъ съ Марьей Ивановной?

— Ну, конечно. Да Анна-то Ивановна подлѣ нее сидѣла и смотрѣла на васъ съ такимъ вниманіемъ, что у меня сердце закипѣло съ досады.

— Э! Богъ съ вами! что мнѣ до нее? я и не видалъ ее.

— Какъ не видали? Да вѣдь я вамъ говорю, что вы подлѣ нее стояли.

— Чтожъ это доказываетъ? Развѣ можно говорить съ одной, а смотрѣть на другую? это даже неучтиво. Повторяю вамъ, что я не видалъ вашей Анны Ивановны, да и не хочу ее видѣть.

— Значитъ вы влюблены въ другую. Не краснѣйте! это не мое дѣло. Если мы не соперники, такъ можете мнѣ ввѣриться во всемъ, — и я буду нѣмъ какъ рыба.

— Ошибаетесь, я не влюбленъ — и мнѣ нѣчего ввѣрять. А что касается до вашей Анны Ивановны, даю вамъ слово, что никогда не буду вашимъ соперникомъ.

— Не бейтесь объ закладъ. Какъ слѣпому нельзя судить о солнцѣ, такъ и вамъ, не видавъ Севергиной, нельзя увѣрять въ своемъ равнодушіи. Сперва вглядитесь хорошенько, и послѣ скажите мнѣ, что объ ней думаете....

— Благодарю за порученіе. Мы далеко сидимъ; я близорукъ, и плохой судья женской красоты.

— Жаль, Михайло Михайловичъ, — а она какъ нарочно безпрестанно сюда выглядываетъ, перешептываясь о чемъ-то съ хозяйскою дочерью.

Ивановъ, чтобъ скрыть ярко выступившую краску, наклонился къ тарелкѣ и принялся терзать какое-то крыло цыпленка, какъ будто не слыша словъ сосѣда.

— Теперь рѣшительно вижу, что вы не влюблены, продолжалъ докучливый разкащикъ. — Съ вами говорятъ о хорошенькихъ, а вы уписываете цыпленка. Аппетитъ вашъ совершенно меня успокоилъ.

Разговоръ кончился, начался другой и съ другими. Ивановъ ни разу не смѣлъ посмотрѣть въ ту сторону, гдѣ сидѣла Маша, но думалъ объ ней безпрестанно, а это было едва ли не опаснѣе. Ея

слова, ласковый видъ, дружескіе упреки, курчавая головка носилась передъ нимъ—и наполняла сердце его счастіемъ.

Наконецъ обѣдъ кончился. Всѣ воротились въ гостинную, и Ивановъ опять нарочно началъ говорить съ какимъ-то старикомъ о вексельномъ курсѣ на Лондонъ и Амстердамъ, о новѣйшихъ происшествіяхъ политическихъ, о банкрутствахъ нѣкоторыхъ значительныхъ домовъ.

Вдругъ голосъ Серболина прервалъ разговоръ.

— Поди, братецъ Михайло Михайловичъ, къ дочери. Она все думаетъ, что ты на нее сердишься, урезонь ее. Эти дѣвушки никакъ не могутъ понять, что молодой человѣкъ можетъ въ ихъ присутствіи о чемъ нибудь серьозномъ думать и говорить. Я видѣлъ, что ты занялся длиннымъ разговоромъ съ Григорьемъ Алексѣевичемъ, и толковалъ ей, что для тебя это нужнѣе, чѣмъ пустая болтовня въ ихъ обществѣ, но она послала меня привести тебя къ ней. Что будешь дѣлать? Если уже я послушался, такъ приходится и тебѣ сдѣлать тоже. Пойдемъ.

Онъ взялъ его подъ руку и подвелъ къ толпѣ дамъ и дѣвицъ.

— Вотъ тебѣ и Михайло Михайловичъ, — сказалъ онъ, не замучай его. Онъ бывало и ребенкомъ переносилъ всѣ твои шалости и капризы. Можетъ быть и теперь такъ же будетъ терпѣливъ, но ты ужъ не ребенокъ.

Сказавъ это, онъ ушелъ, а раскраснѣвшійся Миша стоялъ безъ словъ, потупя взоры.

— Какой папà смѣшной, — сказала наконецъ Маша полу-дрожащимъ голосомъ. Напоминаетъ намъ, что мы не дѣти, какъ будто мы и безъ него не знаемъ этого. Конечно, мы не будемъ играть въ лошадки, или въ прятки, но найдемъ заняться чѣмъ-нибудь другимъ. Садитесь же къ намъ, да разскажите: гдѣ вы? что вы? Я все еще не вѣрю, чтобъ вы оставили нашъ домъ, я безъ васъ всякой день скучаю. Еслибъ не милая Анна Ивановна, то мнѣ бы съ досады на васъ не разъ приходилось плакать.

— Вы очень добры, Марья Ивановна, проговорилъ Миша въ смущеніи, но если мнѣ всегда будетъ, такъ пріятно вспоминать ваши дѣтскія лѣта, то вмѣстѣ съ тѣмъ я буду чувствовать, что это былъ одинъ сонъ. Вашъ ласковый пріемъ трогаетъ меня до слезъ, — но....

Онъ остановился и не зналъ что сказать дальше Сердце его было такъ полно, но слова отказывались передавать мысли.

— *Но*... что же?—подхватила Маша. Неужели въ самомъ дѣлѣ разговоры о курсѣ и политикѣ вамъ лучше нравятся теперь, нежели наша прежняя, дѣтская дружеская болтовня.

— О нѣтъ! Я и теперь былъ бы самымъ счастливымъ человѣкомъ, еслибъ могъ всякій день хоть нѣсколько минутъ пользоваться прежнимъ удовольствіемъ, — но....

Увы! онъ опять не зналъ, что сказать, и опустилъ голову, перебирая въ умѣ своемъ фразы, которыя бы можно было сказать, но которыя ни-

какъ не выливались у него. Вдругъ другой, чужой, женскій и пріятный голосъ прервалъ безсвязную нить его размышленій.

— Вы все тѣ же дѣти,—сказалъ этотъ голосъ,— и Иванъ Ивановичъ ошибся, увѣряя васъ въ противномъ.

Съ удивленіемъ поднялъ Миша глаза, чтобъ взглянуть на говорившее существо — и взглядъ его встрѣтилъ очаровательное лице, осѣненное густыми, черными локонами волосъ. Какой-то оттѣнокъ юга дышалъ на смуглыхъ и слегка опушенныхъ щекахъ. А глаза! подобныхъ глазъ Миша не видалъ и на картинахъ Тиціана. Они невольно очаровывали и волновали. Блескъ ихъ былъ таковъ, что Миша принужденъ былъ опустить свои взоры. Сердце его отчего-то болѣзненно стѣснилось и онъ безотчетно спѣшилъ взглянуть на Машу, какъ бы ища спасенія въ ея взглядахъ. Дѣйствительно, та смотрѣла на него такъ кротко, улыбалась такъ мило, что болѣзненное его чувство тотчасъ же изгладилось.

— Слышите ли, Михайло Михайловичъ, — сказала она,—что̀ говоритъ моя милая Анна Ивановна. Насмѣшка это съ ея стороны, или просто брань? Защищайтесь за себя и за меня. Мнѣ съ нею никогда не сговорить. А вы человѣкъ ученый, — и легко съ нею справитесь.

— Нѣтъ, Марья Ивановна,—отвѣчалъ Миша, нѣсколько оправившись отъ волненія. Съ дѣвицами я не берусь спорить, онѣ всегда правы. Въ особенности, имѣя честь видѣть Анну Ивановну

въ первый разъ, я съ перваго взгляда ея почувствовалъ, что всѣ силлогизмы безсильны противъ нея.

— Почему же, Михайло Михайловичъ? — спросила съ нѣкоторою ироніею Сѣвергина. Развѣ я вамъ кажусь такою неуступчивою?

— Нѣтъ! Но — при вашемъ взглядѣ замираетъ каждое доказательство....

— Прекрасно! И дѣловыя люди говорятъ любезности, — прервала она. Только мнѣ кажется, что вы ошиблись въ адресѣ вашего посланія, но все равно! Всякая дѣвушка охотно принимаетъ комплименты, хотя бы они сказаны были ей ошибкою....

— Можете ли вы думать?... сказалъ Миша въ сильномъ смущеніи.

— Можете ль *вы* думать, — отвѣчала она вполголоса, что живя съ милой Марьей Ивановной цѣлой годъ, я не знаю всѣхъ ея тайнъ? Замолчите, пожалуста; не оправдывайтесь. Признаюсь, я съ большимъ любопытствомъ желала васъ видѣть, и могу теперь отъ всей души пожать руку моей милой Марьи Ивановны. — Ну, а теперь разсказывайте намъ безъ фразъ, почему вы не простились съ нею и сегодня не здоровались.

— Потому что счастливое мое дѣтство кончилось, — отвѣчалъ Миша со вздохомъ, я уже теперь не товарищъ младенческихъ игръ прелестнаго ребенка, а бѣдный молодой человѣкъ, одолженный воспитаніемъ и существованіемъ милостямъ Ивана Ивановича. Теперь, между мною и

Марьей Ивановной — цѣлый міръ невозможностей. Удаленіе мое отъ нея будетъ ей доказывать все мое уваженіе къ ней и благодарность къ ея родителю.

— Я вамъ сказала, Михайло Михайловичъ, — продолжала Сѣвергина,— чтобъ вы говорили безъ фразъ....

— Эти фразы, Анна Ивановна, искренны и вѣрны. Онѣ прямо идутъ отъ сердца....

Огненный взглядъ Сѣвергиной заставилъ Мишу потупить глаза и не договорить своей тирады.

— Эти чувства дѣлаютъ вамъ честь, Михайло Михайловичъ,—но признаюсь на мѣстѣ *иныхъ людей* я бы желала слушать что нибудь пріятнѣе. Я сама еще не понимаю всѣхъ отношеній свѣта, но мнѣ кажется, что отъ словъ вашихъ вѣетъ холодомъ.

— Когда *вы*, — отвѣчалъ Миша, будете имѣть людей, столь же преданныхъ, какъ я преданъ Марьѣ Ивановнѣ, то я увѣренъ, что они для каждаго вашего взгляда сдѣлаютъ все невозможное, несбыточное. Но я, именно тѣмъ-то и хочу доказать Марьѣ Ивановнѣ всю силу и искренность моихъ чувствъ, что укажу ей моимъ поведеніемъ на безмѣрное разстояніе, которое насъ раздѣляетъ, и на долгъ самой священной благодарности, которою я обязанъ ея родителю.

— Вы удивительный молодой человѣкъ, — сказала Сѣвергина съ нѣкоторою ироніею. Вы, говорятъ, очень учены и превосходно образованы, но мнѣ кажется, что васъ надобно преобразо-

вать, и еслибъ я имѣла случай чаще видѣть васъ, то, будучи самою неопытною дѣвушкою, взялась бы однакоже за это, чтобъ доказать милой Марьѣ Ивановнѣ всю мою къ ней любовь и дружбу. Теперь, конечно, я не буду съ вами спорить, но увѣряю, что когда вы останетесь одни и будете мечтать объ этой минутѣ, а вѣдь это непремѣнно случится, то будете раскаяваться въ вашихъ словахъ, и сожалѣть, что не воспользовались этимъ случаемъ, чтобъ сказать что нибудь болѣе сердечное, увлекающее, задушевное. — Всѣ мы еще дѣти, но кажется понимаемъ въ чемъ дѣло. Условія общества будутъ на насъ и безъ того часто налагать свои холодные законы приличія. Мы будемъ, вздыхая, исполнять ихъ, но мечтая наединѣ вѣрно будемъ думать иначе; повѣрьте, и вы раздумаете, и вы скажете, что сердечное чувство выше холоднаго долга. До тѣхъ поръ, прощайте. Мы уже заговорились. Другъ мой, совѣтую вамъ приходить сюда какъ можно чаще, и быть по прежнему тѣмъ, что Французы называютъ: *l'enfant de la maison*. Въ разговорѣ съ нами старайтесь забыть, что вы бѣдный молодой человѣкъ, облагодѣтельствованный Иваномъ Ивановичемъ, а продолжайте почитать себя по прежнему товарищемъ дѣтскихъ игръ Марьи Ивановны. Будущаго никто изъ насъ не знаетъ. Но гораздо лучше приготовлять его себѣ съ теплою сердечною довѣренностію, нежели отталкивать холодными силлогизмами. Проститесь теперь съ Марьей Ивановной.... Кажется на насъ уже по-

сматриваютъ.... Сохраните всѣ формы свѣтскаго приличія. Но въ будущее воскресенье надѣюсь, что вы придете раньше и прямо на нашу половину.

Тутъ, не давъ ни Мишѣ, ни смущенной подругѣ своей минуты, чтобъ сказать хоть одно слово, или обмѣняться взглядами, Сѣвергина взяла Машу подъ руку, быстро повернула его и повела къ прочимъ гостьямъ, лукаво смотрѣвшимъ на этотъ продолжительный разговоръ.

Во весь вечеръ, Ивановъ не имѣлъ уже случая говорить съ Машею. Она хозяйничала и угощала. Когда онъ уходилъ, то явился съ обыкновеннымъ поклономъ (тогда еще гости прощались съ хозяевами) къ Марьѣ Ивановнѣ и Аннѣ Ивановнѣ. Первая ласвово подала ему руку, которую онъ поцѣловалъ; вторая посмотрѣла на него съ такою проницательностію, что онъ смутился. Но когда ушелъ, и наединѣ сталъ мечтать обо всемъ, что̀ видѣлъ и слышалъ, то чувствовалъ какое-то необыкновенное стѣсненіе въ груди при мысли о словахъ Сѣвергиной. Они невольно волновали кровь его, смущали воображеніе. Правила его были тверды, чисты, священны, но насмѣшливый взглядъ дѣвушки и софизмы ея обливали сердце его какимъ-то ядомъ самолюбія и несбыточныхъ желаній. Сколько разсудокъ ни останавливалъ его въ порывахъ этихъ мечтаній, обольщенное сердце все твердило о возможности счастія; такъ легко вѣрится всему, что намъ пріятно!

На другое утро привычныя, должностныя занятія заставили его забыть всѣ софизмы своихъ

мечтаній. Цыфры изгнали изображеніе улыбающейся Маши и влюбленные глаза Анеты: это могло бы послужить урокомъ для всякаго влюбленнаго. Если кровь его слишкомъ взволнована, воображеніе слишкомъ разгорячено, то пусть онъ задастъ себѣ математическую задачу, пусть займется коммерческимъ балансомъ, бухгалтерскимъ гроссбухомъ, и всѣ мечты, порожденныя праздностію, исчезнутъ.

Банкиръ Говардъ съ перваго дня сдѣлалъ Иванова домашнимъ человѣкомъ, и когда вседневныя занятія ихъ кончались въ конторѣ, то молодой бухгалтеръ долженъ былъ съ нимъ завтракать, обѣдать и пить чай, даже иногда просиживать вечера за чтеніемъ газетъ и обзоромъ политическихъ событій. Сперва можетъ быть Говардъ хотѣлъ испытать Иванова, чтобъ при первыхъ признакахъ его нетерпѣливости, или дурнаго расположенія духа уволить навсегда отъ обязанности быть его собесѣдникомъ: но когда онъ увидѣлъ, что молодой человѣкъ ни мало не скучаетъ этимъ родомъ жизни, а напротивъ съ искреннимъ удовольствіемъ старается развивать каждый серьозный вопросъ, чтобъ умножить свои познанія, Говардъ сталъ болѣе и болѣе приближать его къ себѣ. Такимъ образомъ у Иванова, кромѣ немногихъ минутъ, предшествующихъ сну, не было вовсе празднаго времени, въ которое онъ бы могъ заняться своими мечтами о Машѣ. Во снѣ нерѣдко являлась она ему, но счастливый сонъ молодости такъ крѣпокъ и беззаботенъ, что дурныя по-

мышленія не могутъ развиться и въ это время безотчетныхъ физіологическихъ отправленій.

Только въ слѣдующее воскресенье, когда Говардъ сказалъ ему поутру, что совѣтуетъ ему отправиться къ своему благодѣтелю Серболину, чтобъ провести тамъ весь день, Ивановъ вспомнилъ о словахъ и приказаніи Сѣвергиной. Только тутъ воображеніе его опять вспыхнуло, кровь заструилась быстрѣе. — Онъ отправился.

Придя въ домъ, не смѣлъ онъ однако итти прямо на половину дѣвицъ, а зашелъ къ Серболину. Узнавъ, что онъ ушелъ гулять, Ивановъ обрадовался, что случай этотъ благопріятствуетъ исполненію его плана, и пошелъ къ Машѣ. Никто въ домѣ не почелъ этого нескромнымъ: всѣ знали его съ малолѣтства, какъ принадлежащаго къ семейству.

Маша и Сѣвергина были уже одѣты и читали романы. Первая узнала о существованіи ихъ только со времени знакомства своего съ Сѣвергиной. Сладкій ядъ ихъ понравился неопытной дѣвушкѣ — и она пристрастилась къ этому чтенію; но по счастью, младенческое воспитаніе ея подъ безпрестаннымъ надзоромъ отца было слишкомъ благоразумно и чисто, чтобъ испортить ея воображеніе и сердце.

Едва Миша вошелъ, какъ обѣ дѣвушки вскочили и бросились къ нему. По всему видно было, что онѣ его ожидали и что недавно говорили о немъ между собою. При этомъ свиданіи, Миша былъ конечно развязнѣе и веселѣе. Болтали весело

обо всемъ, воспоминали игры дѣтства, ребяческія идеи, шалости, и время прошло такъ быстро, что они удивились, когда вошедшій слуга доложилъ, что подаютъ кушать. Съ изумленіемъ взглянули они другъ на друга, засмѣялись — и отправились въ столовую.

— Ступай, ma chère, впередъ, — ты хозяйка, — сказала Сѣвергина Машѣ, принимай гостей, а мы съ Михайломъ Михайловичемъ незамѣтно войдемъ въ залу послѣ тебя, какъ домашніе люди.

Маша послушалась ее, а Сѣвергина взяла Мишу подъ руку и пошла съ нимъ.

Какой-то трепетъ пробѣжалъ по жиламъ юноши, когда онъ прикоснулся къ этой мягкой, роскошной ручкѣ; бѣднякъ не понималъ этого ощущенія, — но оно при самомъ удовольствіи было тягостно. Пламенные взгляды дѣвушки разливали въ немъ какой-то безпокойный огонь. Онъ тяжело вздыхалъ — и слышалъ, что дыханіе Сѣвергиной было тоже горячо и прерывисто.

— Ну что, Михайло Михайловичъ? — сказала она ему дорогой, подумалиль вы на единѣ о томъ, о чемъ я вамъ говорила въ прошедшее воскресенье?

— И объ этомъ, и объ васъ — думалъ я безпрестанно, отвѣчалъ Миша. Но какая въ этомъ польза?

— Та, что вы будете поступать по моему. Повѣрьте, — сказала съ нѣжностію дѣвушка, что я и вамъ, и Марьѣ Ивановнѣ искренно желаю счастья.

— Иначе и быть не можетъ! — Гдѣ вы, тамъ и счастіе....

Быстрый взглядъ прервалъ слова Мишы. Какая-то странная улыбка мелькнула на лицѣ дѣвушки.

— Михайло Михайловичъ! — отвѣчала она, грозя ему маленькимъ пальчикомъ. Не будьте такъ разсѣянны! Не говорите мнѣ любезностей. Предупреждаю васъ однажды навсегда, что я не люблю фразъ. Въ какихъ бы обстоятельствахъ жизни мы ни встрѣтились, а какое-то предчувствіе увѣряетъ меня, что мы непремѣнно встрѣтимся,—помните, что я буду всегда требовать отъ васъ не словъ, а дѣлъ, не любезностей, а повиновенія. Можетель вы мнѣ обѣщать и то, и другое?

— Отъ всего сердца, тѣмъ болѣе, что противиться вамъ невозможно.

— Беру ваше слово, и даю вамъ свое, что буду, какъ лучшій другъ, какъ сестра, какъ мать стараться о вашемъ счастьи. Я знаю ваши чувства, и какія бы препятствія ни встрѣтились, надѣюсь преодолѣть ихъ. У меня есть планы, дальновидные, мечтательные, но я добьюсь своей цѣли. Не забудьте эту минуту. Я не даромъ одарена такимъ характеромъ.

Въ эту минуту подошли они къ дверямъ залы. Сѣвергина освободила свою руку и пошла одна, но сдѣлавъ шагъ, обернулась къ нему, посмотрѣла на него съ невыразимою нѣжностію и молча протянула руку. Тотъ съ жаромъ схватилъ ее, поцѣловалъ и затрепеталъ, почувствовавъ пожатіе своей руки;... но Сѣвергина уже отворила дверь и онъ тихо пошелъ за нею.

Серболинъ тотчасъ же увидѣлъ его, обласкалъ, завелъ съ нимъ дѣльный разговоръ, и когда пошли къ столу, велѣлъ сѣсть подлѣ себя. Тутъ онъ былъ близко Маши и часто бросалъ украдкою взоры на нее, и на подругу ея. Но та нисколько не занималась имъ теперь, а вела очень дѣятельный разговоръ съ женщинами о модахъ, танцахъ, театрѣ и т. п.

Послѣ обѣда вздумали пѣть, танцовать, и Миша пользовался всѣми случаями, чтобъ шепнуть Марьѣ Ивановнѣ какую нибудь любезность. Но вечеръ кончился безъ особеннаго сближенія, — и Миша, помечтавъ у себя дома ввечеру, началъ опять поутру туже прозаическую жизнь, какую велъ и на прошлой недѣлѣ.

Прошла и эта недѣля, какъ проходитъ все на свѣтѣ. Наступило опять воскресенье, ожидаемое Мишею съ такимъ нетерпѣніемъ. Онъ опять пошелъ — уже прямо на половину дѣвицъ, и даже нѣсколько пораньше прошедшаго раза и опять засталъ Машу и Сѣвергину за чтеніемъ. Опять принялись они болтать всякій вздоръ. Опять улыбающееся лицо Серболиной обворожило юношу, а пламенные взгляды Сѣвергиной приводили его въ безпокойство. Но на этотъ разъ компаньонка Маши непримѣтно до того успѣла сблизить ее съ Ивановымъ, что тотъ уже не говорилъ ни слова о разстояніи, раздѣляющимъ его отъ Маши, а безотчетно увлекался страстію, не заботясь о послѣдствіяхъ.

И въ этотъ разъ, когда ихъ позвали къ обѣду, Маша пошла впередъ, а Ивановъ повелъ Сѣвергину. Во время этого перехода она шепнула ему, чтобы онъ въ будущее воскресенье тоже приходилъ къ нимъ пораньше.

— Это конечно, мое единственное желаніе,—отвѣчалъ Миша, но я боюсь, чтобъ Иванъ Ивановичъ не замѣтилъ, что это неприлично.

— Покуда онъ это замѣтитъ, — сказала Сѣвергина, дѣла ваши должны до такой степени подвинуться, что ваше удаленіе будетъ уже неприлично. Приходите же въ будущее воскресенье. Я найду предлогъ оставить васъ съ Машею наединѣ, и вы должны сказать ей, что любите ее и будете просить руки ея....

— Боже мой! Что вы говорите! вскричалъ Миша, остолбенѣвъ, — если бы я когда нибудь рѣшился на первое, то развѣ я могу осмѣлиться сдѣлать моему благодѣтелю подобное предложеніе?

— Знаю, — прервала его Сѣвергина съ нѣкоторою досадою, что вы ни начто не способны отважиться. Но сдѣлайте только первое, а *другіе* рѣшатся за васъ на второе....

— Вы меня погубите....

Съ гнѣвомъ освободила она свою руку, и посмотрѣла на Мишу съ такимъ выраженіемъ, что тотъ совершенно растерялся.

— Съ вами нечего разсуждать, Михайло Михайловичъ, — сказала она. Приходите и исполните то, что я вамъ приказываю. Вы обѣщали

мнѣ повиноваться. Хоть на это есть ли у васъ довольно смѣлости?

Въ это мгновеніе они подошли къ двери залы. Сѣвергина, не ожидая отвѣта Миши, отворила ее, пошла одна, а тотъ, разсѣянный и оглушенный, тихонько началъ прокрадываться около стѣнки, чтобъ явиться къ Серболину.

Серболинъ принялъ его со всегдашнею своею ласковостію. И обѣдъ, и вечеръ прошли безъ особенныхъ происшествій. Но, когда ввечеру Миша воротился домой и обдумалъ слова Сѣвергиной, то какое-то безпокойство стѣснило его сердце. Онъ понялъ всю виновность поступка, къ которому его принуждали. Невидимая тяжесть давила грудь его, и только тогда почувствовалъ онъ нѣкоторое облегченіе, когда далъ себѣ слово не повиноваться Сѣвергиной — ни въ первомъ, ни во второмъ ея приказаніи.

Въ этой похвальной рѣшимости прошла вся недѣля. Наступило роковое воскресенье. Съ возростающими безпокойствомъ и тоскою пошелъ Миша въ домъ Серболина и остановился въ раздумьи на лѣстницѣ. Ходъ на право велъ къ хозяину, на лѣво — къ двумъ дѣвушкамъ. Отъ сильнаго волненія въ крови потемнѣло въ глазахъ Миши. Рѣшимость цѣлой недѣли все также была тверда въ его сердцѣ, но презрительныя слова Сѣвергиной, упрекавшей его въ малодушіи и трусости, но гордо-пламенный взглядъ ея, выражавшій насмѣшку — приводили его въ отчаяніе. Послѣ минутнаго колебанія повернулъ онъ на лѣво — и съ

какою-то лихорадочною дерзостію вошелъ къ дѣвушкамъ.

Обѣ вспыхнули при его входѣ. Очевидно было, что Сѣвергина уже приготовила Машу ко всему, что по ея мнѣнію должно было случиться. Съ любопытствомъ бросила она испытующій взглядъ на Иванова, и сама удивилась раздражительности, обнаруживавшейся во всѣхъ его словахъ и движеніяхъ. Она ожидала отъ него какого нибудь взгляда, который бы доказалъ ей готовность его исполнить ея приказанія, но Миша не обращалъ на нее повидимому ни малѣйшаго вниманія, а только изрѣдка взглядывалъ на дверь, какъ бы ожидая съ нетерпѣніемъ той минуты, когда Сѣвергина уйдетъ.

Поняла ли та эти взгляды, или уже дѣло было такъ условлено съ Машею, только черезъ нѣсколько минутъ Сѣвергина подъ какимъ-то предлогомъ вышла, бросивъ, уходя, проницательный взглядъ на Иванова.

Какъ ни была Маша приготовлена своею подругою къ предстоящей сценѣ, но, оставшись одна съ товарищемъ своего дѣтства, она вспыхнула и растерялась. Настала тягостная минута молчанія, и Маша, вспомня, по словамъ Сѣвергиной, что Ивановъ очень робокъ и нерѣшителенъ, начала надѣяться, что роковое объясненіе, къ которому уговорила ее подруга, вовсе не состоится.

Каковъ же былъ ея страхъ и изумленіе, когда Миша, безъ малѣйшей робости и нерѣшимости подошелъ къ ней, взялъ ее за руку — и нѣжно началъ съ нею говорить.—Не смѣвъ до сихъ поръ посмо-

трѣть на него, обратила она теперь на Мишу умоляющій взоръ, какъ бы прося его о пощадѣ, но встрѣтивъ во взглядѣ его и въ чертахъ непремѣнную рѣшимость, она опустила голову и предалась своей участи.

— Милая Марья Ивановна! — сказалъ онъ. Я вижу, что вы уже знаете, о чемъ я долженъ съ вами говорить. По какому-то странному случаю хотятъ насъ обоихъ заставить дѣлать то, что мы вѣрно оба внутренно осуждаемъ. Не знаю, что̀ бы вы отвѣчали мнѣ, еслибъ я въ самомъ дѣлѣ имѣлъ смѣлость высказать вамъ мои чувства, которыя вы и безъ того знаете? Можетъ быть вы отвергли бы меня съ презрѣніемъ; можетъ быть подали бы мнѣ виновныя и несбыточныя надежды, которыя не могутъ осуществиться, потому что вѣрно вы никогда не рѣшитесь выступить изъ родительской власти. Но не бойтесь. Я пришелъ сюда со всѣмъ съ другимъ намѣреніемъ и рѣшимостію. Сказавъ вамъ, что я васъ люблю больше всего на свѣтѣ, я не открою вамъ ничего новаго. Когда еще я не понималъ своего существованія, какъ ребенокъ, я уже любилъ васъ. Слѣдственно, я не виноватъ въ этихъ чувствахъ; они съ малолѣтства сдѣлались принадлежностію моей жизни, или, лучше сказать, въ нихъ была вся моя жизнь. Но я бы былъ самымъ виновнымъ и преступнымъ человѣкомъ, если бы сталъ теперь говорить вамъ о моей любви и убѣждать ваше сердце къ какому нибудь поступку, недостойному меня и васъ. Любя васъ выше всего, я не смѣю ни желать, ни меч-

тать, потому что всякое мое желаніе было бы преступленіемъ. Если я лишусь васъ, то умру, но умру честнымъ человѣкомъ, а за низкаго и презрѣннаго человѣка вы не захотите и не должны выйти за мужъ. Благодѣянія вашего отца такъ велики ко мнѣ, что я предпочту всѣ несчастія въ мірѣ одной мысли быть противъ него неблагодарнымъ. Успокойтесь же, милая Марья Ивановна. Какъ невинныя дѣти провели мы съ вами первые годы нашей жизни; останемся и теперь невинными въ нашемъ сердцѣ. Пусть судьба дѣлаетъ, что ей угодно; будемъ дѣлать то, что *должно*. Никогда и ни за что не рѣшусь я просить вашей руки, и если вы хоть сколько нибудь сохраняете ко мнѣ прежнее ваше дѣтское и сердечное расположеніе, то не открывайте вашему отцу мои невольныя чувства. Вы не знаете всѣхъ моихъ отношеній къ нему. Я былъ еще восьмилѣтнимъ ребенкомъ, когда онъ явился къ умирающему и раззоренному моему отцу, который нѣкогда въ молодости своей обманулъ Ивана Ивановича. Онъ все простилъ ему, и далъ слово быть моимъ отцомъ. Вы знаете, съ какимъ великодушіемъ онъ исполнилъ это обѣщаніе. Какъ я могу рѣшиться теперь на похищеніе сердца его дочери? Какъ осмѣлюсь думать о такомъ поступкѣ, который былъ бы преступнѣе сдѣланнаго моимъ отцемъ? Нѣтъ, Марья Ивановна! Долгъ и честь не пустыя слова, какъ хотятъ насъ увѣрить иные люди. Это священная необходимость сердца, это опора жизни, это лучшій залогъ надежды на будущее блаженство.

Дайте мнѣ вашу руку, и съ этой минуты будемъ другъ для друга тѣмъ, чѣмъ были прежде: братъ и сестра. Если судьба и отецъ вашъ будутъ къ намъ благопріятны, то вы меня найдете всегда достойнымъ васъ и неизмѣннымъ въ моихъ чувствахъ. Кромѣ васъ, я никого не буду любить — и никогда рука моя не будетъ принадлежать другой женщинѣ.

Тутъ онъ съ нѣжностію поцѣловалъ руку Маши, которая вмѣстѣ съ тѣмъ почувствовала на ней горячую слезу, выкатившуюся изъ глазъ его. Ея глаза давно уже были наполнены слезами, но она, не чувствуя, что одна изъ этихъ жемчужинъ катится по пламенной щекѣ, обратила на Мишу нѣжный взглядъ и съ улыбкою сказала ему:

— Какъ я вамъ благодарна, Михайло Михайловичъ, за вашъ прекрасный и благородный поступокъ. Вы спасаете и меня и себя. Вы правы, *милый братецъ*, что намъ не должно ничѣмъ огорчать несравненнаго нашего отца. Можетъ быть, и безъ нашихъ хитростей и происковъ, судьба устроитъ наше счастіе. Меня увѣрили, что вы робки, нерѣшительны — и я должна была всѣми силами помогать вамъ теперь, чтобъ высказать мнѣ ваши чувства, которыя я и безъ того съ малолѣтства знала. Но вы тверды, великодушны и благородны. Я въ восхищеніи, что тѣ люди обманулись. Я еще больше люблю васъ теперь, потому что не хочу скрывать отъ васъ моихъ чувствъ, которыя тоже вѣрно вамъ давно извѣстны. При-

маю ваше обѣщаніе и тоже готова бы была повторить его, еслибъ моя участь не зависѣла отъ лучшаго изъ отцовъ. Рука моя будетъ принадлежать тому, кого онъ мнѣ назначитъ, но сердце на всю жизнь ваше.

Еще разъ съ нѣжностію поцѣловалъ онъ руки Маши. Въ эту минуту вошла Сѣвергина, и холодно сказала, что подаютъ обѣдать. По взгляду, брошенному ею, видно было, что она все слышала. Маша по обыкновенію пошла впередъ, а Ивановъ по прежнему подалъ Сѣвергиной руку, чтобъ проводить ее. Но та будто-бы не замѣтила этого, а равнодушно сказала ему: пойдемте!

Миша понялъ все, и чувствовалъ, что нѣкоторыя слова, сказанные имъ и Машею во время разговора, могли оскорбить Сѣвергину. Ему не хотѣлось имѣть ее врагомъ, и потому онъ началъ было говорить нѣсколько фразъ въ свое оправданіе. Но та съ первыхъ словъ остановила его и равнодушно сказала ему:

— Перестаньте, пожалуста! что мнѣ за дѣло до вашихъ глупостей, я вовсе не намѣрена мѣшаться въ нихъ. Съ величайшимъ удовольствіемъ поздравляю Марью Ивановну, когда отецъ придетъ и скажетъ ей, что она должна быть женою стараго и богатаго бородача. Очень рада буду, когда вы со временемъ, забывъ мой дѣтскій романъ, вступите въ бракъ по расчету съ какою нибудь дородною вдовою, старою лавочницею, которая будетъ вамъ годиться въ маменьки. Такъ всегда водится на свѣтѣ. Это будетъ вовсе не новость;

можетъ быть, я прежде всѣхъ подамъ вамъ въ этомъ самый прекрасный примѣръ. Всѣ мы сдѣлаемъ, что̀ судьбѣ будетъ угодно и исполнимъ долгъ.

Тутъ вошли они въ залу — и разговоръ прекратился. Въ продолженіе всего вечера, нѣсколько разъ старался Миша сказать Сѣвергиной что-нибудь, но та всячески избѣгала объясненій, продолжая обходиться съ нимъ ласково и холодно. Наконецъ онъ принужденъ былъ оставить ее.

Съ Машею говорилъ онъ за то гораздо свободнѣе, спокойнѣе и веселѣе. Разговоръ наединѣ облегчилъ обоихъ, и имъ казалось, что они теперь имѣютъ право быть опять на прежней дружеской ногѣ дѣтскаго возраста.

Возвратясь домой поздно, онъ предался на нѣсколько времени своимъ мечтамъ. Онъ чувствовалъ, что поступалъ хорошо, а признаніе въ любви Маши наполняло сердце его невыразимымъ блаженствомъ.

IV.

Проснувшись рано, чтобъ опять заняться исполненіемъ свой должнотти, Миша никакъ не воображалъ, что его ожидаетъ важная, роковая новость.

Проработавъ по обыкновенію до часу, былъ онъ позванъ къ завтраку Говарда, и тотъ послѣ нѣсколькихъ самыхъ обыкновенныхъ вопросовъ,

вдругъ спросилъ его: хочетъ ли онъ съѣздить въ Англію?

— Какъ любознательному человѣку, — отвѣчалъ онъ, такое путешествіе всегда пріятно. А если еще съ нимъ сопряжена ваша польза, то обязанность службы удвоитъ это удовольствіе.

— Благодарю за отвѣтъ, — сказалъ Говардъ. Тутъ и моя, и ваша польза. Мнѣ нужно послать въ Лондонъ, Бирмингамъ и Манчестеръ довѣреннаго человѣка, а вы мнѣ доказали, что на васъ можно положиться. Вмѣстѣ съ тѣмъ, войдете вы въ сношеніе съ лицами, которыя были должны вашему отцу и заставили его обанкрутиться. Эти люди опять разжились, и можетъ быть дадутъ вамъ хоть что-нибудь изъ капиталовъ, похищенныхъ ими у покойника. — Сколько времени вамъ нужно на приготовленіе къ отъѣзду?

— Столько, сколько и вамъ на то, чтобъ приготовить мнѣ инструкціи. Больше мнѣ никакихъ приготовленій не нужно. Чемоданъ мой черезъ часъ можетъ быть готовъ.

— Благодарю, — отвѣчалъ Говардъ. Чрезъ два дня получите вы паспортъ. Сегодня за обѣдомъ поговоримъ о порученіяхъ, которыя я вамъ даю. Теперь же, послѣ завтрака, совѣтую вамъ сходить къ г. Серболину. Вы, какъ отцу, обязаны ему давать отчетъ во всемъ, что дѣлаете и предпринимаете. Скажите ему, что я отправляю васъ въ Англію. Онъ вѣрно одобритъ это. А какъ по торговлѣ онъ будетъ тоже имѣть порученія, то вы попросите его, чтобъ онъ къ завтраму пригото

комыхъ на обѣдъ, а я отказался, потому что вчера еще назначилъ свиданіе Михайлу Михайловичу. Ужо ввечеру поѣду, а теперь побесѣдуемъ въ своей семьѣ. Вѣдь мы долго его не увидимъ.

— Куда же и зачѣмъ вы ѣдете? — спросила у Миши Сѣвергина, которая тоже при первыхъ словахъ Серболина поблѣднѣла, но умѣла скорѣе оправиться.

— Въ Англію, по приказанію г. Говарда, — отвѣчалъ Миша.

— Да отчего же такъ внезапно? Или вы отъ насъ скрывали планы своей поѣздки?

— Вчера только объявилъ онъ мнѣ объ этомъ, и я тотчасъ же прибѣжалъ къ Ивану Ивановичу, чтобъ получить его приказанія.

— Которыя я ему и сообщилъ, — сказалъ Серболинъ. Какъ ни жаль мнѣ разстаться съ добрымъ моимъ воспитанникомъ, но эта поѣздка будетъ ему полезна во многихъ отношеніяхъ, и я душевно радъ, что Говардъ употребилъ его для этого порученія.

— Торговыя дѣла не по нашей части, — отвѣчала Сѣвергина, и потому мы не знаемъ какія выгоды получитъ Михайло Михайловичъ отъ своей поѣздки, но очень хорошо знаемъ, что наше воскресное общество много потеряетъ, лишаясь такого собесѣдника, какъ онъ.

— Да! сказалъ Серболинъ. Вамъ, дѣвушкамъ, былъ бы только танцоръ, музыкантъ и любезникъ, а до остальнаго дѣла нѣтъ. Весело ли ему самому при этомъ, и не желалъ ли бы онъ лучше заняться

чѣмъ нибудь поумнѣе и повыгоднѣе, — это вамъ и въ мысль не приходитъ.

— Потому что это невозможно и не естественно, — весело отвѣчала Сѣвергина. Когда Михайлу Михайловичу будетъ 40 лѣтъ, тогда мы повѣримъ, что бесѣда съ дѣвушками не такъ будетъ для него привлекательна, какъ матеріальные интересы жизни. Но теперь, позвольте намъ не повѣрить этому, даже и въ такомъ случаѣ, если бы онъ самъ сталъ увѣрять насъ.

— Я и не буду никогда говорить того, чего не чувствую, — сказалъ Миша. Бесѣда съ такими дѣвицами, какъ вы и Марья Ивановна, пріятнѣе всего на свѣтѣ, — и никакіе ничтожные расчеты денежныхъ выгодъ не заставили бы меня промѣнять счастья быть съ вами. Но, но моимъ правиламъ, есть одно чувство, которое выше удовольствія видѣть васъ. Это исполненіе долга! (обѣ дѣвушки покраснѣли) Когда могу служить и доказать все усердіе тѣмъ людямъ, которые дѣлаютъ мнѣ добро, то за исполненіе этого долга пожертвую я всѣмъ.

— Браво, Миша!—воскликнулъ Серболинъ. Каково, Анна Ивановна, отдѣлалъ васъ! А все-таки онъ правъ. Сперва надобно быть честнымъ человѣкомъ, а послѣ ужъ любезнымъ. Сперва нужно доказать свѣту, что заслуживаешь его довѣренность и уваженіе, а послѣ уже думать о своихъ удовольствіяхъ.

— Мы очень благодарны Михайлу Михайловичу за полезный урокъ, который онъ намъ далъ, — сказала Сѣвергина нѣсколько колко. Надѣемся, что

онъ изъ своего вояжа воротится не одинъ, а въ числѣ исполненія своего долга привезетъ намъ какую нибудь лондонскую миссъ. Заранѣе просимъ его познакомить насъ съ нею....

— Эхъ, милая Анна Ивановна, прервалъ ее Серболинъ. Вотъ вы ужъ и обидѣлись словами нашего добраго Мишеля, и говорите ему колкости. Нѣтъ! прошу не обижать его. Какъ Маша, такъ и вы— должны обѣ почитать его за брата. Все, что онъ сказалъ—и хорошо и справедливо,—а вотъ ваши слова такъ отзываются какою-то горечью. Еслибъ вы всѣ еще не были дѣтьми, то я бы подумалъ, что вы ревнуете бѣднаго Мишу къ мнимой миссъ. Повѣрьте, что онъ вернется одинъ, и когда наступитъ часъ судьбы его, то вѣрно выберетъ себѣ добрую, русскую жену, съ которою будетъ счастливъ, потому что человѣкъ, исполняющій долгъ свой, непремѣнно долженъ быть счастливъ.

Слова Серболина заставили вспыхнуть обѣихъ дѣвушекъ, а у Сѣвергиной даже навернулись на глазахъ слезы, но она съ веселостію отвѣчала:

— Михайло Михайловичъ слишкомъ добръ и уменъ, чтобъ обидѣться моими словами; я вовсе не намѣрена говорить ему никакихъ колкостей. За что? Онъ былъ такой пріятный собесѣдникъ, что несмотря на все женское наше самолюбіе мы должны признаться, что намъ безъ него будетъ скучно. Слѣдственно, онъ пойметъ, что моя маленькая, дѣтская досада на его внезапный отъѣздъ очень извинительна. А какъ мы, дѣвушки, больше всего думаемъ, что молодые люди вездѣ составляютъ

планы женитьбы, то я и полагала, что вояжъ его скрываетъ какой нибудь проектъ привезти сюда вмѣстѣ съ товаромъ и молоденькую миссъ. Впрочемъ, вы, Иванъ Ивановичъ, лучше должны знать цѣль его поѣздки,—и если увѣряете, что выборъ его падетъ со временемъ на *русскую дѣву*, то мой патріотизмъ и успокоенъ этимъ; я, такъ и быть, не буду ужъ ревновать его къ лондонскимъ красавицамъ. Онъ такъ краснорѣчиво говоритъ о *долгѣ*, и слѣдственно чувствуетъ, что вѣрность къ красавицамъ своего отечества — есть тоже долгъ русскаго рыцаря.

— Что, братъ Миша? — сказалъ Серболинъ, смѣясь. Съ такой дѣвушкой не сговоришь! Умна разбойница, а ужъ хороша, такъ....

— Перестаньте, Иванъ Ивановичъ,—прервала Сѣвергина. Этакъ подумаютъ, что я вамъ нравлюсь, и вы отобьете у меня всѣхъ жениховъ.

— Но вѣдь мы почти одни, а Миша завтра ѣдетъ, и никому въ Лондонѣ не разскажетъ о моемъ волокитствѣ.

— До завтра — много еще времени, и онъ здѣсь успѣетъ проболтаться.

— Искренно желаю, Анна Ивановна,—прервалъ ее Ивановъ,—чтобъ вы были также молчаливы во всѣхъ секретахъ, которые узнаете, какъ я на счетъ теперешняго. Я никому и ни въ чемъ не измѣню.

— Увидимъ, и подождемъ. Когда вы воротитесь, мы можетъ быть сойдемся, и я спрошу у васъ тогда: кто изъ насъ двоихъ былъ молчаливѣе и постояннѣе.

— Э! Да вы ужъ явно говорите о своемъ постоянствѣ,—съ нѣкоторымъ вниманіемъ сказалъ Серболинъ,—что это значитъ? Ужъ не начало ли это *русскаго* романа, во ожиданіи *Холмскаго*? Къ сожалѣнію, вижу только, что вы оба слишкомъ спокойны для этого, и мои надежды напрасны.

— Все-таки надѣйтесь!—отвѣчала Сѣвергина. Будущее такъ темно и таинственно, что ни зачто ручаться нельзя. Можетъ быть *мы* и доживемъ до какого нибудь русскаго романа.

— Да вы почти признаетесь, Анна Ивановна?— продолжалъ старикъ съ видимымъ безпокойствомъ.

— Можетъ быть! — отвѣчала она,—только въ чемъ? покуда вы кажется можете быть увѣрены, что дѣло идетъ не обо мнѣ съ Михайломъ Михайловичемъ. А какъ никто другой не повѣрялъ мнѣ секретовъ, да и я слишкомъ молчалива, чтобъ разглашать ихъ, то можете думать, что это одни дѣтскія мечты, которыя не имѣютъ ни формы, ни цѣли.

Маша во все это время молчала, то краснѣя, то блѣднѣя безпрестанно, она боялась проницательности отца, который могъ наконецъ попасть на истинный смыслъ загадочнаго разговора. Дѣйствительно, Серболинъ опустилъ голову и задумался. Но онъ думалъ совсѣмъ о другомъ. — О чемъ? Дальнѣйшій разсказъ откроетъ это читателю.

Послѣ обѣда, Серболинъ имѣлъ старинную русскую привычку — отдохнуть, отъ которой отступалъ только по воскресеньямъ. И на этотъ разъ

отправился онъ спать, простясь съ Мишею самымъ дружескимъ образомъ и благословя его какъ чадолюбивый отецъ.

Оставшись одни, всѣ трое долго молчали. Положеніе ихъ было слишкомъ тягостно, чтобъ передать свои чувства словами.

— Зачѣмъ вы вчера къ намъ не зашли, Михайло Михайловичъ? — сказала наконецъ Маша трепещущимъ голосомъ,—когда были у батюшки? Вы бы предупредили меня о своемъ внезапномъ отъѣздѣ, и я бы сегодня такъ не испугалась, какъ давича. Я непонимаю какъ папа̀ не догадался обо всемъ?

— Отцы никогда ни о чемъ не догадываются, моя милая,—отвѣчала Сѣвергина. А чтобы оправдать Михайла Михайловича, могу увѣрить васъ, что въ то время, какъ онъ здѣсь былъ, насъ не было дома. Не знаю, хотѣлъ ли онъ зайти, но еслибъ и хотѣлъ, то не могъ бы. Я нечаянно узнала сегодня, распрашивая горнишную о всѣхъ, которые вчера здѣсь были безъ насъ — и боялась сказать вамъ, чтобъ не пугать понапрасну, при томъ же я думала, что это было условлено между вами третьяго дня въ разговорѣ, который у васъ происходилъ наединѣ....

И Маша и Ивановъ — оба молчали. Что имъ было отвѣчать? Наконецъ, онъ подошелъ къ Машѣ и съ сильнымъ волненіемъ сказалъ ей:

— Вспомните клятву, которую я вамъ далъ третьяго дня. Торжественно повторяю ее еще разъ. Никогда и никого не буду я любить, кромѣ васъ.

— И я! — тихо прошептала Маша, протянувъ ему руку.

— Развѣ такъ прощаются *братъ и сестра?* — насмѣшливо спросила Сѣвергина. Кто можетъ ручаться за жизнь и смерть? Полгода—длинная вѣчность для влюбленныхъ. Увѣрены ли вы, что застанете другъ друга въ живыхъ? Проститесь какъ невѣста и женихъ, или какъ люди, которые уже въ этой жизни не увидять другъ друга.

Миша стоялъ съ трепетомъ, не смѣя взглянуть на Сѣвергину. Маша не двигалась съ мѣста. Съ видимымъ нетерпѣніемъ подошла къ ней Сѣвергина и, взявъ ее подъ руку, подвела къ Иванову; потомъ положила одну ея руку на его плечо. Пламенная дрожь пробѣжала по жиламъ юноши. Онъ съ жаромъ схватилъ другую руку Маши и осыпалъ ее поцѣлуями, а та безотчетно обвилась другою рукою около его шеи и упала въ его объятія. Пылающая щека ея прикоснулась къ щекѣ Миши, губы ихъ встрѣтились — и первый поцѣлуй запечатлѣлъ произнесенныя клятвы.

Когда они опомнились, Сѣвергина стояла въ отдаленіи, прислонясь къ окну, и смотрѣла на нихъ съ какимъ-то торжествомъ.

— Теперь пора вамъ, m-r Michel, — сказала она. Вы простились. Договоръ заключенъ свято и ненарушимо. Пріѣзжайте скорѣе назадъ, и будьте увѣрены, что здѣсь найдете вы все по прежнему сердца вѣрныя и страстныя.

Еще разъ поцѣловалъ Ивановъ руку Маши, и сказавъ послѣднее *прости*, уже шелъ къ дверямъ,

но вдругъ вспомнилъ о Сѣвергиной, остановился, взглянулъ на нее — и встрѣтилъ пламенный взоръ ея, наполненный слезами. «Вы было забыли меня, сказала она съ нѣжнымъ упрекомъ. Богъ съ вами! поѣзжайте и вѣрьте, что я буду всегда лучшимъ вашимъ другомъ».

Съ жаромъ схватилъ онъ ея руку и осыпалъ поцѣлуями. Быстро взглянула Сѣвергина на Машу, и видя, что она бросилась на диванъ, закрыла лице руками и заливается слезами, — сказала Иванову:

— Ступайте, ступайте. Мнѣ надобно успокоить Машу. Не забудьте писать къ намъ. Прощайте.

Тутъ, прежде нежели опомнятся, почувствовалъ онъ самый нѣжный поцѣлуй, и въ тоже время торопливая рука Сѣвергиной почти вытолкнула его за дверь. Оглушенный, почти безчувственный, отправился онъ домой.

Говардъ ждалъ его. Все было готово. Паспортъ, инструкціи, векселя, деньги, цыфры, тотчасъ же расхолодили Иванова. Онъ усердно занялся изученіемъ порученій своего банкира, и тотъ доволенъ былъ всѣми его соображеніями и предположеніями.

На другой день онъ уѣхалъ.

Не будемъ слѣдить за всѣми подробностями его вояжа. Въ тогдашнее время имя *русскаго* пользовалось во всей Европѣ всеобщимъ уваженіемъ и любовію. Еще такъ недавно обязана она была своимъ спасеніемъ Россіи, благодарность не могла охладиться. Въ послѣдствіи, это чувство

измѣнилось, потому что только не многимъ существамъ суждено сознаваться всегда въ благодѣяніи. Большая часть, къ стыду человѣчества, почитаетъ благодарность тягостною обязанностію. Но въ то время, а особливо въ Англіи, имя русское приводило всѣхъ въ восторгъ, и прибытіе Иванова въ Лондонъ случилось въ эту благопріятную эпоху.

Молодой русскій, купеческій коммиссіонеръ, говорящій прекрасно по-англійски, по-французски и по-нѣмецки, казался британцамъ такимъ феноменомъ, который только и могъ родится въ одной Россіи, которая тогда слыла землею чудесъ. Его ловкость, умъ, образованность, и особливо глубокое знаніе въ коммерческихъ дѣлахъ обворожила англичанъ. Они его вездѣ возили изъ дома въ домъ, съ бала на балъ, какъ будто на показъ. Ученые, дипломаты, купцы, вельможи — всѣ съ любопытствомъ разговаривали съ Ивановымъ, — и скромные, умные его отвѣты оставили въ каждомъ самое благопріятное впечатлѣніе.

Мудрено ли послѣ этого, что онъ въ полной мѣрѣ успѣлъ во всѣхъ порученіяхъ Говарда и Серболина. Но этого было ему мало. Онъ началъ искать денегъ своего отца. Судебнымъ порядкомъ онъ чувствовалъ, что нельзя ничего сдѣлать, и потому пользуясь всеобщимъ энтузіазмомъ къ нему, разсказалъ главнымъ биржевымъ лицамъ свое дѣло — и объявилъ, что надѣется на честность и великодушіе *old England* (старой Англіи). Тѣ, въ особенномъ комитетѣ, рѣшили созвать лицъ, обан-

крутившихся тогда съ капиталами отца Иванова, и усовѣстить ихъ нравственнымъ образомъ.

Эта мѣра имѣла полный успѣхъ. Тѣ негоціанты, послѣ нѣкотораго совѣщанія, рѣшили, что можно возвратить молодому Иванову 50% прежняго капитала, съ тѣмъ, чтобы онъ, какъ лицо, возбуждающее теперь въ Англіи всеобщее участіе, опубликовалъ отъ своего имени во всѣхъ газетахъ, что *только примѣрному безкорыстію и великодушію такихъ-то* обязанъ онъ возвращеніемъ значительныхъ капиталовъ, на которые по законамъ не имѣлъ права. Ивановъ, разумѣется, согласился на эту сдѣлку, которая, сдѣлавъ его обладателемъ значительнаго капитала, обѣщала выгоды и тѣмъ которые отдавали эти деньги. Публикація Иванова должна была обратить къ этимъ домамъ всеобщую довѣренность и обороты капиталовъ, чрезъ что они вскорѣ надѣялись не только возвратить деньги Иванова, но и пріобрѣсти важные барыши.

Чрезъ пять мѣсяцевъ, Ивановъ уже опять былъ въ Петербургѣ.

V.

Вовсе неожиданныя происшествія ожидали его по пріѣздѣ.

Говардъ былъ въ восторгѣ отъ полнаго успѣха Иванова во всѣхъ порученіяхъ, ему данныхъ, и какъ онъ узналъ, что коммиссіонеръ его сдѣлался теперь богатымъ человѣкомъ, то предложилъ ему вступить въ товарищество дома Говар-

да и комп. — и расширить кругъ дѣйствій, совершивъ черезъ нѣсколько времени еще одну поѣздку въ Англію.

— Благодарю васъ, добрый и благодѣтельный сиръ Говардъ, — отвѣчалъ Ивановъ. Ваше предложеніе великодушно и благородно, и я бы почелъ себя счастливымъ, еслибъ могъ быть сотоварищемъ по торговлѣ такого человѣка какъ вы, но я точно такъ же бѣденъ, какъ и поѣхалъ отсюда. Неожиданная удача помогла мнѣ выручить 10,000 ф. стерлинговъ у Лондонскихъ должниковъ покойнаго моего отца, но эта сумма не мнѣ принадлежитъ. Незнаю, извѣстно ли вамъ, что прежде нежели отецъ мой пріобрѣлъ подобный капиталъ, онъ лишилъ гораздо значительнѣйшаго г. Серболина, который однакоже за это призрѣлъ меня и воспиталъ какъ сына. Дѣлаю васъ самихъ судьею моимъ въ этомъ: мнѣ ли принадлежатъ эти деньги, или благодѣтелю.

Съ жаромъ, необыкновеннымъ для Англичанина, пожалъ Говардъ руку у Иванова.

— Вы добрый и благородный молодой человѣкъ, — сказалъ онъ ему. Я любилъ васъ до сихъ поръ и уважалъ: теперь я горжусь вами. Вы правы. Эти 10,000 ф. стерл. принадлежатъ г. Серболину, и вы не имѣете права распоряжаться ими до его пріѣзда....

— Какъ? развѣ онъ?...

— Онъ на мѣсяцъ уѣхалъ на макарьевскую ярмарку, и скоро теперь воротится. Кажется не столько выгоды торговли вызвали его изъ сто-

лицы, сколько желаніе доставить разсѣяніе своей дочери, которая все худѣетъ и скучаетъ....

— Боже мой! Она не здорова?...

— Нѣтъ! Но заботливому отцу все кажется опасно. Возвратимся однако къ нашимъ дѣламъ. Вы не хотите и не можете покуда быть моимъ товарищемъ на сумму 10,000 ф. стерл., но не имѣете права отказать мнѣ въ отдѣленіи вамъ десятой части барышей, которые вы мнѣ доставили своею поѣздкою. По собственнымъ вашимъ счетамъ они тоже простираются до 10,000 фунт. стерл., слѣдственно 4,000 фунтовъ принадлежатъ вамъ. Хотите ли теперь внести эту сумму въ мою кассу и быть моимъ товарищемъ?

— Предложеніе ваше слишкомъ лестно. Я принимаю его — и, повѣрьте буду умѣть заслужить эту милость....

— А какъ вамъ не ловко оставаться бухгалтеромъ, то я попрошу васъ быть управляющимъ моею конторою съ жалованьемъ по 500 фунтовъ стерлинговъ.

— Это слишкомъ много, г. Говардъ.

— Извините! я цѣню тутъ не заслуги, а труды, которыхъ потребую отъ васъ и къ которымъ вы имѣете всѣ нужныя качества.

Нельзя было противиться такимъ доводамъ. Ивановъ съ удовольствіемъ на все согласился, и на другой же день началъ новое свое поприще, которое дѣлало его небольшимъ капиталистомъ и негоціантомъ.

Съ нетерпѣніемъ ожидая пріѣзда Серболина,

онъ въ первую свободную минуту зашелъ къ нему въ домъ, чтобъ распросить служителей о срокѣ прибытія его. Ему всѣ обрадовались и разсказали, что хозяйская дочь что-то была все это время не весела и что отецъ взялъ ее съ собою на ярмарку.

— А Анна Ивановна Сѣвергина съ ними же уѣхала? — спросилъ Ивановъ.

Съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него старый прикащикъ, оставшійся для управленія домомъ.

— Да развѣ вы, батюшка Михайла Михайловичъ, не знаете, — отвѣчалъ онъ, — что барышня эта черезъ мѣсяцъ же послѣ послѣ вашего отъѣзда вышла за мужъ за купца Ивана Герасимовича Дулина?

— Какъ! за Дулина? — вскричалъ Миша. За старика?

— Да ихъ всего одинъ. — Только чтожъ онъ и за старикъ? Съ небольшимъ 50. Немножко пузатъ, да часто прихварываетъ, за то вѣрныхъ полмилліона *чистоганчикомъ*. Анна Ивановна какъ сыръ въ маслѣ катается. Она протретъ глаза стариковымъ денежкамъ. И карету завела, и платьевъ накупила, и по театрамъ ѣздитъ. Старикъ охаетъ, да платитъ.

Ивановъ задумался надъ этою новостію. Что она значила? Ясно, что Сѣвергина хотѣла только имѣть богатаго мужа! Но такъ скоро послѣ него, оставить домъ Серболина, Машу!... Все это казалось ему страннымъ. Онъ чувствовалъ, что неловко ему распрашивать прикащика о другихъ

обстоятельствахъ, на которыя тотъ ему не въ состояніи былъ бы дать отвѣтъ. А потому поблагодарилъ его, попросилъ тотчасъ же увѣдомить, когда пріѣдетъ Иванъ Ивановичъ — и ушелъ.

Но этотъ бракъ волновалъ его воображеніе. Невольно вспомнилъ онъ послѣдній поцѣлуй Сѣвергиной, и тысячи мечтаній воспламенили въ немъ воображеніе. Онъ былъ знакомъ съ Дулинымъ, ѣздившимъ часто къ Серболину. Итти ли къ нему — и поздравить его какъ новобрачнаго? Но уже четыре мѣсяца прошло со дня этой свадьбы, а позднее поздравленіе иногда похоже на насмѣшку. Предоставить ли случаю свести его гдѣ нибудь съ Анной Ивановной, но та будетъ имѣть полное прaво обидѣться этимъ равнодушіемъ, котораго впрочемъ не чувствовалъ и самъ Миша; напротивъ его мучило какое-то нетерпѣніе увидѣть эту дѣвушку въ новомъ ея званіи, и онъ не зналъ на что рѣшиться. Но судьба часто помогаетъ нерѣшительнымъ.

Волнуемый этими размышленіями, воротился онъ домой. Говардъ ждалъ его къ обѣду. Онъ разсказалъ ему, что заходилъ въ домъ Серболина, распрашивалъ людей и между прочимъ узналъ о свадьбѣ Дулина и Сѣвергиной.

— Да! — равнодушно и даже съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ отвѣчалъ Говардъ. Эта гувернантка, что жила у Серболина! Помню! эта полуфранцуженка отпускала всегда всѣмъ гостямъ самые пламенные взоры. Она почитала насъ мелкою рыбкою и воображала, что мы пойдемъ на эту

приманку. Ей нуженъ былъ мужъ. Отецъ и мать ея спились и умерли, помирившись. Оставалось одно великодушіе Серболина, и тотъ съ неизмѣнною своею добротою объявилъ, что она всю жизнь можетъ провести у него и что онъ даже въ случаѣ замужества дастъ ей приличное приданое. Но этой бойкой дѣвчонкѣ было этого мало. Мнѣ кажется, что она даже имѣла *матримоніальные* виды на самого Серболина, но тотъ больше всего любилъ дочь и не вѣрилъ мнимой любви молодой вертушки. Она съ досады обратилась тогда къ Дулину. Тотъ попался съ перваго раза. Однажды у Серболина заговорила она этого гостя до того, что тотъ отпустилъ ей какую-то недвусмысленную любезность. Та тотчасъ же схватила его за руку, подвела къ Серболину и объявила ему, что Иванъ Герасимовичъ проситъ руки ея и благословенія Ивана Ивановича. Ударили по рукамъ и черезъ недѣлю, къ величайшему удивленію всего города и даже самого Дулина, сдѣлалась она женою первостатейнаго купца.

— Но онъ старъ, боленъ, дряхлъ, — сказалъ Ивановъ.

— Этого-то ей и надобно. Она уже успѣла взять старика въ свои руки. Тотъ переписалъ на ея имя всѣ свои лавки и дома. Теперь не онъ уже почитается богатымъ, а она. Разумѣется, вся ея надежда на то, что она скоро овдовѣетъ....

— Это ужасно! — сказалъ Ивановъ совершенно безотчетно.

— Э! Боже мой! — продолжалъ Говардъ. По-

добныя дѣла часто дѣлаются. Я ее не оправдываю, но и не слишкомъ виню. Она была очень не дурна собою, съ самыми выразительными глазами. Это былъ залогъ, который составитъ капиталъ всей ея жизни. Она нашла на него глупаго купца, который заплатилъ за него гораздо дороже нежели онъ стоилъ; вотъ и все! При всемъ этомъ, мнѣ жаль одного. Кажется, что добрая Маша Серболина слишкомъ привыкла къ этой дѣвчонкѣ — и съ тѣхъ поръ, какъ она переѣхала въ свой домъ, Маша начала скучать до такой степини, что отецъ принужденъ былъ взять ее на макарьевскую ярмарку.

Миша задумался, а Говардъ обратилъ разговоръ на другіе предметы. Вдругъ онъ ударилъ себя по-лбу.

— Ахъ! я было и забылъ, любезный мой товарищъ, сдѣлать вамъ подарокъ. Мнѣ давича прислали билетъ въ маскарадъ, который даютъ сегодня въ пользу бѣдныхъ. Я, разумѣется взялъ, потому что нельзя было отказаться, но ужъ, конечно, не пойду. Вмѣсто меня должны *вы* итти, какъ мой товарищъ и представитель.

— Помилуйте, сиръ Говардъ, — отвѣчалъ Ивановъ, я вовсе не охотникъ до этого рода увеселеній...

— Когда вы были моимъ бухгалтеромъ, то я чрезвычайно радовался этому отвращенію отъ пустыхъ забавъ. Но теперь, когда вы человѣкъ самостоятельный, вамъ надобно быть вездѣ и знать все. Всѣ мы живемъ и держимся одними знаком-

ствами и связями. Вамъ непремѣнно надобно составить и то, и другое....

— Но маскарадныя знакомства, право, не привлекательны.

— Не говорите этого. И порядочные люди ходятъ иногда туда, чтобъ убить свой вечеръ и разсѣяться, послѣ другихъ тяжкихъ занятій.

— Я слишкомъ дорожу жизнію, чтобъ убивать время, — отвѣчалъ Миша, и не имѣю еще такихъ важныхъ занятій, послѣ которыхъ нужна разсѣянность.

— Но вы еще въ такихъ лѣтахъ, — сказалъ Говардъ, въ которые не должно убѣгать отъ удовольствій. Надобно дать пищу молодости, иначе старость будетъ слишкомъ бурна. Ступайте. Я, какъ патронъ вашъ, прошу васъ быть тамъ вмѣсто меня и разсказать мнѣ что̀ тамъ было.

Миша повиновался, и отправился.

Тогда маскарады давали въ Коссиковскомъ домѣ, и это были веселыя сходбища, не похожія на теперишнія. Хотя бѣготня, пискотня, интриги и остроты вовсе не въ русскомъ духѣ и вѣроятно мы никогда не достигнемъ въ этой отрасли удовольствій той степени веселости, до какой довели ее итальянцы и французы, но все-таки въ прежнія времена наша публика была веселѣе. Всѣ маскировались, и открытое лицо во фракѣ — значило тогда только оффиціальное лицо, старшина общества. Теперь, всѣ старшины! Кто идетъ съ важностію мандарина съ открытымъ лицомъ, смѣшно тому сказать: маска! я тебя знаю! и очень

пошло интриговать его разсказами домашнихъ тайнъ. Но, когда вы замаскированы и догадливость одного мучитъ другаго, то, конечно, можетъ произойти много забавнаго.

Миша также по тогдашнему обычаю долженъ былъ нарядиться — и надѣлъ просто капуцинъ (а ихъ тогда было мало). Болѣе двухъ часовъ ходилъ онъ посреди этой пустой толпы масокъ — и дивился: за чѣмъ всѣ эти люди здѣсь и что они дѣлаютъ? Наконецъ, прогулка эта утомила его. Увидя въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ пустой диванъ, онъ бросился на него, и чтобъ вздохнуть свободнѣе, снялъ маску, вовсе не заботясь, чтобъ его кто нибудь узналъ.

Съ четверть часа находился онъ въ этомъ полулежачемъ положеніи и безотчетно смотрѣлъ на ряды тянувшихся мимо его масокъ. Въ умѣ его бродили слова прикащика Серболина и сира Говарда объ Анетѣ Дулиной. Онъ не хвалилъ ее, не осуждалъ, а невольно вспоминалъ только красоту этой дѣвушки, пластическія формы ея бюста, выразительное, живое лицо, круглыя, роскошныя руки, пламенный взглядъ. И все это теперь во власти полу-трупа! — подумалъ онъ.

Въ числѣ мечтаній его, мелкала часто мысль, что Дулина можетъ быть въ этомъ маскарадѣ, но вспомнивъ болѣзненность мужа, онъ вздохнулъ и чувствовалъ невозможность своихъ надеждъ.

Видя его прекрасное, выразительное лицо, многія женскія маски подходили къ нему и требовали, чтобъ онъ былъ ихъ кавалеромъ, но какая-то лѣ-

ность овладѣла имъ. Ему тяжело было встать, тяжело говорить: онъ отвѣчалъ, что у него уже есть дама и что онъ ее ждетъ на этомъ мѣстѣ свиданія.

Вдругъ изъ одной группы отдѣлилась женская маска — и бросилась на тотъ же диванъ, на которомъ онъ сидѣлъ.

— Что ты тутъ сидишь? — спросила она его по французски, послѣ минутнаго молчанія. Вѣрно ждешь кого нибудь?

— Можетъ-быть, тебя, — отвѣчалъ Ивановъ, стараясь вслушаться въ звуки поддѣльнаго голоса.

— Меня ты ждать не могъ, — потому что и безъ маски лице твое мнѣ не знакомо.

— За то твое — можетъ-быть и подъ маскою знакомо мнѣ слишкомъ хорошо.

— Въ самомъ дѣлѣ! Это очень любопытно, — сказала маска, посмотрѣла на него внимательно, чтобъ видѣть: шутитъ онъ или нѣтъ? Разскажи-же мнѣ пожалуста что нибудь обо мнѣ.

— Это очень легко. Ты молода, хороша собою, любишь удовольствія и наслаждаешься жизнію.

— Ну, это общія фразы. Это можно сказать и о сотнѣ женщинъ, гуляющихъ здѣсь. Если ты больше ничего не знаешь....

— Къ чему и знать? Развѣ имя нужно въ маскарадѣ? Нужно напротивъ того — таинственность и наслажденіе.

— Нѣтъ, безотчетное наслажденіе — есть легкомысліе, а удовольствіе, въ которомъ не участвуетъ сердце, не истинное удовольствіе.

— Сердце и маскарадъ! Забавное требованіе! Развѣ ты, пріѣхавъ сюда, не оставила сердца твоего дома?

— Можетъ быть! — отвѣчала маска съ невольнымъ вздохомъ. Но, почемъ знать, можетъ быть увидѣвъ тебя, я бы и желала имѣть его здѣсь.

— Да вѣдь ты меня не знаешь?

— Всѣ знакомые были прежде не знакомы. Нечаянная минута свела ихъ. Счастливы тѣ, которые надолго останутся вѣрны этому мимолетному союзу. Впрочемъ, взглянувъ на тебя, можно тотчасъ увѣриться, что твое сердце не свободно. Не правда ли?

— Я бы былъ слишкомъ жалокъ, еслибъ не имѣлъ существа, о которомъ бы могъ мечтать.

— И ты ждешь это существо?

— Нѣтъ. Его здѣсь нѣтъ.

— Гдѣ же *оно?*

— Далеко.

— Покинутый любовникъ! Браво! Надобно тебя утѣшить. Не хочешь ли быть моимъ *cavalier servant?*

— Тебѣ будетъ скучно со мною. Во мнѣ нѣтъ ни искры того дара, который блеститъ въ словахъ, но въ которыхъ ни умъ, ни сердце не принимаютъ участія.

— Тѣмъ лучше для меня. Значитъ, ты мнѣ не надоѣшь маскарадными любезностями, которыя такъ пошлы. Надѣвай маску, вставай и пойдемъ. Если ты будешь уменъ и скроменъ, то даю тебѣ слово, что небудешь раскаяваться въ этомъ вечерѣ.

Миша повиновался и пошелъ съ своею незнакомкою, изрѣдка заглядывая ей подъ маску, чтобъ узнать какое нибудь знакомое лицо. Но незнакомка одѣта была въ самое прелестное домино, чорное съ пунцовымъ, обшитое широкими кружевами. На рукахъ были браслеты, осыпанные большими бриллiантами. Все это обнаруживало не простое, кочующее существо, а женщину богатаго сословiя.

— Долго ты пробудешь въ маскарадѣ? — спросила у Миши маска.

— Это твое дѣло. Ты меня выбрала своимъ кавалеромъ, и я весь принадлежу тебѣ.

— Берегись, чтобъ я тебя не поймала на словахъ.

— Ужъ вѣрно не *я* отъ этого проиграю.

— Можешь ли ты мнѣ сказать откровенно: зачѣмъ ты прiѣхалъ въ маскарадъ? Во всѣхъ прежнихъ, я тебя ни разу не видала.

— Это правда. Я здѣсь вовсе нечаянно, и признаюсь вовсе не хотѣлъ итти. Но теперь очень доволенъ....

— Безъ фразъ! Я ихъ наизусть знаю. И такъ, ты не имѣлъ въ виду никакой интриги и прiѣхалъ сюда.

— Я довольно неопытенъ, чтобъ искать ихъ. Особа моя вовсе не *интересна* ни въ какомъ отношенiи, чтобъ имѣть право на интриги.

— Я не буду тебя увѣрять въ противномъ, иначе ты сдѣлаешься *фатомъ*, а это былъ бы нестерпимый порокъ въ тебѣ.

— Во *мнѣ?* Но вѣдь ты меня не знаешь?

— Нѣтъ! Но, выбравъ себѣ кавалера, я бы не хотѣла, чтобъ онъ былъ фатомъ. И такъ, у тебя есть сердечный предметъ, о которомъ ты вздыхаешь!

— Вздыхать и мечтать тоже своего рода наслажденіе....

— Едва ли!... И ты, сидя на своемъ диванѣ не мечталъ ни о комъ другомъ, кромѣ своего единственнаго предмета? Не желалъ никого встрѣтить, ни съ кѣмъ увидѣться? Говори правду.

— Ты меня не знаешь — и потому я могу признаться, что въ самомъ дѣлѣ — и думалъ и мечталъ вовсе о другой особѣ, которая гораздо, гораздо ближе той....

— Которая теперь далеко! Понимаю. Кромѣ серьезной страсти, у моего кавалера есть и эпизодическая любовь, которая ему служитъ забавою. А какъ я женщина и слѣдственно любопытная, то пожалуста разскажи мнѣ хоть о томъ: какова собою эта особа второстепенной страсти.

— Это было пять мѣсяцевъ тому назадъ — прелестнѣйшая дѣвушка, красоту ея нельзя описать, это была....

— Но что же значитъ была? а теперь что же она? Павшій геній?

— Нѣтъ! Теперь она *жена!*

— Ну чтожъ! Я не вижу тутъ никакой бѣды.

— Теперь она жена ходячаго трупа, съ которымъ, или чувства ея всѣ оледенятся, или....

— Что жъ ты остановился на этомъ *или?*

— Не знаю! Я боюсь и словъ своихъ и мечтаній.

— Дитя!... Чтожъ ты вздрогнулъ при этомъ названіи?

— Такъ нѣкогда и *она* меня назвала, когда я противился ея силѣ въ одномъ случаѣ.

— Въ которомъ, конечно, она была права?

— Нѣтъ! Потому-что, поступивъ по своему, я остался честнымъ человѣкомъ, а это самосознаніе очень пріятно и утѣшительно.

— Не знаю, въ чемъ дѣло, но можетъ быть и ты правъ. Вѣдь *дѣти* говорятъ большею частію правду.

Маска замолчала и задумалась. Миша, при всей своей неопытности видѣлъ, что она была въ сильномъ волненіи.

— О чемъ же ты задумалась? спросилъ онъ ее. Развѣ здѣсь мѣсто. Здѣсь наслаждаются жизнію, не раздумывая ни мало....

— Ты правъ, — прервала незнакомка со вздохомъ. Жребій брошенъ; путь выбранъ; надобно итти по немъ.... Не хочешь ли ужинать?

— Если *ты* хочешь?

— Пойдемъ!

Они пришли въ столовую, гдѣ уже множество любителей дурнаго маскараднаго угощенія, подчивали себя и другъ друга разными блюдами и напитками. Незнакомка подошла къ одному изъ пирующихъ и шепнула ему что-то на ухо. Тотъ оглянулся и вскричалъ:

— Милости просимъ, почтеннѣйшій! Садитесь! Гостемъ будете! Говорившій былъ разумѣется безъ маски. Ивановъ съ перваго взгляда узналъ

Дулина. Быстро посмотрѣлъ онъ на свою спутницу. Та уже сидѣла подлѣ Дулина и скинула маску. Это была Анна Ивановна

— Ну, что за смотрѣлись на жену? — спросилъ его съ грубымъ смѣхомъ Дулинъ. Небось, она васъ порядкомъ помучила, и вы не узнали ее. Подѣломъ! Пріѣхали изъ Англіи, да ужъ и загордились. Не хотите навѣстить старыхъ пріятелей...

— Я только два дня какъ пріѣхалъ, и только сегодня узналъ о вашемъ бракѣ съ Анною Ивановной. Честь имѣю поздравить!

— Благодаримъ, дружище. Садись же, да откушай съ нами хлѣба-соли. Здѣсь славно кормятъ. Я ужъ со скуки одинъ съѣлъ порцій пять разныхъ блюдъ и выпилъ бутылку *аи*. Знаешь, на ночь это очень полезно.

— Садитесь, Михайло Михайловичъ, подлѣ меня, — сказала Дулина, и будемъ продолжать нашъ прежній разговоръ....

— Онъ уже невозможенъ, — отвѣчалъ со вздохомъ Миша. Онъ происходилъ между масками, а теперь....

— Боже мой! Иные всю жизнь ходятъ въ маскахъ. Не глядите на это. Ищите не лицъ, а душевнаго участія....

— Прикажете рюмочку? — прервалъ Дулинъ, подавая ему бокалъ шампанскаго.

Ивановъ хотѣлъ отказаться. Онъ съ малолѣтства не пилъ вина, но Дулина взяла рюмку у мужа и передала ее Иванову, прибавя:

— Возьмите. Я знаю, что вы ничего не пьете,

но мужъ мой сейчасъ поссорится съ вами, если вы откажитесь.

— Да оно и не учтиво, — вскричалъ купецъ. Отказываться отъ хлѣба-соли не должно. Это даръ Божій. А не выпить со старымъ знакомымъ рюмки шампанскаго за его здоровье — значитъ обидѣть его. Чокнемся.

Ивановъ принужденъ былъ проглотить что-то кисло-шипучее.

— Я приношу вамъ, Иванъ Герасимовичъ, — сказалъ онъ, большую жертву. Никогда я не пилъ вина, а теперь только для васъ выпилъ, чтобъ поздравить васъ, какъ новобрачныхъ.

— Спасибо, спасибо! А все-таки ты поступилъ не подружески. Не пріѣхать тотчасъ же по пріѣздѣ своемъ къ намъ. Это дурно! Ну, что за встрѣча въ маскарадѣ?

— Я и здѣсь вовсе неожиданно....

— Понимаю! Молодая кровь разыгралась. Вздумалъ удить рыбу. Смотри, братъ, здѣсь много тины. Я бывалъ въ передѣлкѣ, не погрязни и ты....

— Надѣюсь, — прервала мужа Дулина, что вы навѣстите насъ, Михайло Михайловичъ....

— Еще бы не навѣстить! — вскричалъ мужъ. Да если завтра же не придетъ обѣдать, такъ я ему нигдѣ прохода не дамъ. Смотри, братъ! Чуръ не ссориться. Со мной добромъ не раздѣлаешься, вѣдь у меня сейчасъ и вотъ какъ!...

Рюмка въ дребезги разлетѣлась объ полъ.

— Не пора ли намъ домой, душечка? — сказала Дулина.

— Эхъ, жизненочекъ! Дай выпить еще бутылочку....

— Нѣтъ, дружочекъ! Пора! У меня голова болитъ. Поѣдемъ....

Глухо проворчалъ что-то про себя Дулинъ, но и въ этомъ положеніи видно было, что четырехъмѣсячное супружество пріучило его къ безусловному повиновенію. Онъ всталъ, пошатываясь, подалъ руку женѣ и побрелъ, съ трудомъ волоча свою тушу на ослабшихъ ногахъ.

— До завтра! — сказала Дулина Мишѣ.

— Смотри-же братъ, не забудь! — прибавилъ мужъ, и Ивановъ долго смотрѣлъ имъ вслѣдъ, какъ отуманенный какимъ-то видѣніемъ.

Долго не могъ онъ собраться съ мыслями и дать отчетъ въ чувствахъ, которыя волновали грудь его. Это была та самая Сѣвергина, о которой воспоминаніе придавало всегда его мечтамъ столько жара, а уединеннымъ ночамъ его столько безпокойныхъ сновъ; та очаровательная дѣвушка, глаза которой видѣлись ему безпрестанно и во время путешествія, когда онъ, сидя на палубѣ, обращалъ взоры на небо, или слѣдилъ за разсыпающеюся пѣною подъ рулемъ, и во время пребыванія его въ Англіи, когда онъ между тысячами англійскихъ красавицъ искалъ чего нибудь похожаго на нее, и еще недавно, когда онъ въ маскарадѣ лежалъ погруженный въ мечтахъ на диванѣ. И она нашла его, сидѣла съ нимъ, говорила, а онъ не узналъ ее, по крайней мѣрѣ не прежде знакомаго слова *дитя*. Это была та Ане-

та, которой послѣдній, нечаянный, прощальный поцѣлуй горѣлъ еще свѣжимъ жаромъ на губахъ его. И она была теперь замужемъ! И она опять ему сказала, *дитя!* И онъ ее будетъ теперь видѣть часто!...

Все это, вмѣстѣ съ выпитою рюмкою вина, воспламеняло его кровь, волновало воображеніе. Почти отуманенный пришелъ онъ домой, бросился на кровать, повидимому уснулъ, но и во снѣ видѣлъ то же, слышалъ тѣже слова, объяснялъ ихъ также: только тутъ онъ былъ смѣлѣе, развязнѣе, теперь Дулина не сказала бы ему, что онъ дитя. Всѣ эти маски безпрестанно разлучали его съ Анетою. Но какъ ни сгущались между ними толпы неопредѣленныхъ созданій, онъ вездѣ издали, на разстояніи земнаго полушарія узнавалъ ее тотчасъ по пламеннымъ глазамъ, сіяющимъ сквозь мракъ и отдаленность. Чѣмъ далѣе, тѣмъ сонъ его становился безсвязнѣе, безпокойнѣе. Онъ уже неразлучался съ Дулиной; ближе и ближе соединились они; вдругъ вдали мелькнуло какое-то свѣтозарное облако; изъ-за него выглянуло знакомое прелестое личико Маши, и Миша старался освободится изъ объятій своей маски, чтобъ летѣть къ этому новому видѣнію. Но маска такъ сильно, судорожно обхватила его, что дыханіе его сперлось въ груди. Онъ ощутилъ какое-то болѣзненное чувство въ сердцѣ.... взглянулъ! Это были руки Дулиной. Онѣ превратились въ кохти какого-то фантастическаго чудовища и впились ему въ тѣло. Напрасно силился онъ освободится. Съ

каждымъ движеніемъ, приближавшимъ его къ свѣтлому облаку и къ Машѣ, кровь струями лилась изъ ранъ, раздираемыхъ когтями. Но онъ все-таки силился итти, порывался.... силы его слабѣли.... лицо Маши выражало болѣзненное сострадание.... Вдругъ онъ рванулся.... подлѣ него что то грохнуло на полъ.... онъ взглянулъ.... передъ нимъ скелетъ, съ котораго слетѣла маска Дулиной.... Волосы его поднялись дыбомъ.... онъ обратилъ взоры къ свѣтлому облаку. Изъ него вышла Маша и съ улыбающимся лицомъ простерла къ нему объятія. Отъ нея вѣяло какимъ-то свѣжимъ, благотворнымъ воздухомъ, котораго дуновеніе тотчасъ же изцѣлило его раны и возстановило силы. Съ восторгомъ бросился онъ въ объятія Маши, и проснулся.

Сердце его сильно билось; потъ струями катился по лицу его; онъ чувствовалъ разслабленіе. На дворѣ уже было свѣтло. Онъ всталъ и долго старался привести свои чувства въ нормальное состояніе. Наконецъ пришли ему сказать, что Говардъ ожидаетъ его къ завтраку, и онъ отправился къ своему патрону.

Тотъ началъ его распрашивать о маскарадѣ, и Миша разсказалъ ему все. Внимательно выслушалъ его доброй Британецъ и покачалъ головою.

— И такъ вы обязаны возобновить знакомство съ г-жею Дулиной,—сказалъ онъ, приличіе дѣлаетъ изъ этого необходимый долгъ; а сердце юноши вѣроятно и желаетъ этого. Жаль! очень жаль! можетъ быть я съ своимъ купеческимъ хладнокро-

ліемъ и ошибаюсь, но мнѣ эта особа не нравится, я боюсь, чтобъ она не вовлекла васъ во что нибудь.... не соотвѣтствующее законамъ чести и совѣсти. Нынче свѣтъ сквозь пальцы смотритъ на обманутыхъ мужей и эмансипированныхъ женъ, но собственное чувство каждаго неиспорченнаго человѣка убѣждаетъ его, что всякое, хотя и тайное нарушеніе Божескихъ и общественныхъ законовъ, есть преступленіе, противъ котораго внутренній судъ совѣсти всегда возстаетъ. Вы добрый, честный и благородный молодой человѣкъ! Мнѣ будетъ грустно, если вы падете въ разставленныя сѣти. Вашъ искренній разсказъ обо всемъ мнѣ доказываетъ, что ваше сердце еще чисто. Останьтесь навсегда такимъ. Это лучшій даръ неба. Повѣрьте, то минутное удовольствіе, которое вы получите, нарушивъ долгъ вашъ, не стоитъ тѣхъ упрековъ, которые возстанутъ потомъ въ вашей совѣти. И чѣмъ долѣе вы будете заглушать ихъ тѣмъ сильнѣе они отмстятъ за себя.

Миша опустилъ голову и долго въ раздумьи молчалъ.

— Такъ вы думаете, что мнѣ лучше не ходить къ Дулину? сказалъ онъ наконцъ.

— Нѣтъ, напротивъ! Вы должны туда итти. Хорошъ былъ-бы воинъ, который сталъ бы хвастать своею храбростію, оттого что вовсе не ходилъ на поле сраженія. Нѣтъ, милый другъ мой! Вся наша жизнь вѣчная борьба со страстями. Только тотъ истинно воинъ, кто вышелъ побѣди-

телемъ изъ этой борьбы. Ступайте, сражайтесь— и, если можете, не давайте себя побѣдить.

Дружески пожалъ онъ ему руку — и заговорилъ о другомъ.

Окончивъ дневныя свои занятія, Миша отправился къ Дулину.

VI.

Когда онъ пришелъ къ нимъ, мужа не было еще дома. Онъ все утро проводилъ въ лавкахъ и торговыхъ занятіяхъ. Уромъ онъ былъ человѣкъ и гражданинъ, но послѣ обѣда почиталъ себя въ правѣ жить какъ ему вздумается. Дома Анна Ивановна не давала ему воли, но въ гостяхъ, гдѣ онъ старался быть всякой день, вполнѣ вознаграждалъ онъ себя за лищеніе домашней свободы. Хотя Анна Ивановна и ѣздила съ нимъ повсюду, но при людяхъ она сохраняла все приличіе и не мѣшала мужу ни въ чемъ. Только въ ту минуту, когда онъ уже дѣлался очень веселъ, она всякой разъ вставала и, подъ предлогомъ своей болѣзни, увозила его домой. Странное дѣло! Дулинъ ни разу не вздумалъ противится женѣ. Инстинктъ благоразумія заставлялъ его повиноваться безпрекословно, и когда онъ чувствовалъ, что голова его начинаетъ кружиться, онъ все спрашивалъ у собесѣдниковъ: узнайте-ка не болить ли у жены голова?

Дулина встрѣтила Мишу безъ малѣйшаго смущенія, весело и развязно. Ни слова не упоминувъ о вчерашнемъ маскарадномъ разговорѣ, она стала

его спрашивать объ Англіи, и тамошнихъ нравахъ, знакомствахъ,—такъ, что всякое волненіе и опасеніе Миши совершенно пропало. Глядя на прелестную хозяйку, беззаботно сидѣвшую за пяльцами и посадившую его на довольно почтительномъ разстояніи, онъ даже невольно улыбнулся, когда вспомнилъ предостороженія Говарда. Самолюбію его было больно, что вчерашняя его маска и предметъ фантастическихъ сновидѣній вовсе имъ не занимается, и распрашиваетъ обо всемъ, кромѣ его самого.

Скоро пришелъ и мужъ. И тутъ Миша увидѣлъ совершенное превращеніе. Вчерашній Силенъ былъ теперь простымъ, толстымъ мужемъ, который его принялъ радушно, безъ чиновъ, разсказалъ о своихъ занятіяхъ и началъ распрашивать Иванова о разныхъ предметахъ товаровѣденія во время бытности его въ Англіи.

Миша очень радъ былъ отвѣчать на всякій умный и дѣльный вопросъ. Знанія и дѣйствія его во время вояжа въ Англію изумили Дулина, онъ видѣлъ въ гостѣ—уже не студента коммерческаго училища, а товарища одного изъ первыхъ банкирскихъ домовъ, имѣющаго свой капиталецъ.

Попросивъ жену свою навѣдаться объ обѣдѣ, онъ продолжалъ разговоръ съ Ивановымъ и удивлялъ его своими вѣрными и глубокими познаніями по части торговли. Наконецъ онъ сказалъ ему:

— Что̀? чай вы удивились, когда услышали, что я на старости вздумалъ жениться на молодой, кра-

сивой дѣвушкѣ, воспитанной такимъ блистательнымъ образомъ?

— Признаюсь, — отвѣчалъ Ивановъ. Я бы никакъ не ожидалъ этого при отъѣздѣ. Я зналъ, что многія изъ посѣтителей Ивана Ивановича засматривались на красоту Анны Ивановны, — но васъ я никогда не замѣчалъ въ числѣ ея обожателей.

— Суженаго и конемъ не объѣдешь, дружище, — сказалъ Дулинъ. Я самъ не ожидалъ этого, но очень радъ, что это случилось. Во-первыхъ какому старику не радостно изъ подъ носа у молодыхъ вздыхателей вырвать такой лакомой кусочекъ? Во вторыхъ, домъ безъ хозяйки идетъ верхъ дномъ. Я былъ разъ женатъ, овдовѣлъ, Богъ не далъ дѣтей, и жизнь одиночная надоѣла мнѣ. Я не безъ грѣха; люблю иногда придерживаться чарочки, — и въ такой часъ можетъ всяко дѣло случиться; знаю я многихъ изъ нашихъ братьевъ, которые покутивъ молодецки, отправлялись на тотъ свѣтъ безъ покоянія, а все оттого, что жили холостяками. Наемные слуги плохая надежда, захворай, — околѣешь какъ собака: никто тебѣ и глазъ не закроетъ. А тутъ я обезпеченъ теперь. У меня добрая, милая и умная жена. Дома держитъ она меня въ ежёвыхъ рукавицахъ, но не подастъ и виду въ этомъ. Все какъ-будто дѣлается по моему. Прекрасно держитъ домъ, ведетъ хозяйство, принимаетъ гостей, занимаетъ ихъ, а въ гостяхъ никогда не вздумаетъ оговоритъ меня. Молчитъ и караулитъ. Какъ-бы ни хлѣбнулъ я подъ часъ, а

понимаю, что если она хочетъ домой ѣхать, значитъ мнѣ пора. Вотъ братъ, Михайло Михайловичъ, моя жизнь. Я теперь всякой день благодарю Бога за свое счастіе. Анютѣ своей ни въ чемъ не отказываю, потому что все, что есть у меня, отдалъ уже ей. Мнѣ жить ужъ не долго. Пробовалъ я перестать кутить, — но хуже; натура ужъ требуетъ этого глупаго, поддѣльнаго жара. Пусть же его кипитъ и горитъ. Мы еще съ нимъ поборимся. А коли онъ одолѣетъ, такъ пусть Анюта будетъ счастлива. Она стоитъ этого, она печется обо мнѣ какъ мать и любитъ меня какъ дочь.

Ивановъ долженъ былъ сказать нѣсколько словъ въ похвалу Дулиной, но мужъ прервалъ его:

— Знаю я и о вашихъ продѣлкахъ, Михайло Михаилычь,—сказалъ онъ—жена мнѣ все открыла. Вы влюблены въ Машу Серболину. Признаюсь, прежде это было довольно смѣло съ вашей стороны. Но теперь, когда вы сдѣлались и купцомъ, и капиталистомъ, я не вижу причинъ, почему бы Ивану Ивановичу отказать вамъ въ рукѣ дочери. Теперь я надѣюсь, что и вы будете счастливы. Жена моя не только дружна съ Машей, но какъ мнѣ кажется, имѣетъ большое вліяніе и на самого Серболина. Еслибъ я не женился на Анютѣ, то Богъ вѣсть чѣмъ бы у нихъ дѣло кончилось. Помню только, что когда я сталъ свататься и объявилъ Серболину о своемъ намѣреніи, то Иванъ Ивановичъ поблѣднѣлъ, смутился; но потомъ обрадовался, обнялъ меня и шепнулъ: «спасибо, другъ! ты дѣлаешь вдругъ два добрыя дѣла...»

Въ эту минуту вошла Дулина, и разговоръ прекратился. Пошли обѣдать.

— Тѣ-ли это люди, которыхъ я вчера видѣлъ? — думалъ про себя Ивановъ. Что за странное превращеніе?...

За обѣдомъ, Дулинъ началъ вливать въ себя достаточное количество вина, но жена замѣтила ему, что вѣдь они сегодня поѣдутъ въ гости, такъ онъ послѣ обѣда слишкомъ заспится, если выпьетъ лишнее.

— Что резонъ, то резонъ! — отвѣчалъ Дулинъ. Отложимъ до вечера. Вотъ братъ, Михайло Михайловичъ, каково быть женатымъ! Не даютъ вдоволь и погулять, да за это-же надо и благодарить! Ну, хорошо, мой жизненочекъ! — продолжалъ онъ, обратясь къ женѣ. Пью послѣдній бокалъ за здоровье нашего гостя и за исполненіе его желаній. Налей-ка себѣ и ему, и чокнемся.

Опять Миша принужденъ былъ выпить рюмку шампанскаго, благодаря хозяина за тостъ.

— Ну! а откажешься-ли ты выпить за здоровье Маши Серболиной и отца ея?

— Не знаю, будетъ-ли имъ здоровѣе отъ моего тоста, — отвѣчалъ Миша, но если вы требуете этого....

Выпита была еще рюмка, а чтобъ Дулину не пришло въ голову предложить еще какого-нибудь тоста, жена его встала изъ-за стола и мужъ поневолѣ послѣдовалъ ея примѣру.

— Ну, дружище! Благодарю за компанію. Я по русскому, старинному обычаю отправляюсь на бо-

ковую, всхрапнуть часокъ, другой. Ты побесѣдуй съ Анютою, а коли соскучишься и уйдешь, такъ прошу любить, да жаловать, приходи всегда, когда будетъ свободная минута. Мы тебѣ будемъ рады, какъ родному. Прощай!

Облобызавъ Мишу, Дулинъ отправился, переваливаясь съ боку на бокъ, а Ивановъ остался съ Анной Ивановной. Они пошли въ гостинную и усѣлись на диванъ.

— Вашъ *утренній* мужъ нисколько не похожъ на *вечерняго*, — сказалъ Миша. Иванъ Герасимовичъ удивилъ меня передъ обѣдомъ. Онъ человѣкъ съ вѣрными и обширными познаніями. Притомъ же онъ васъ хвалилъ такъ много....

— Я очень благодарна ему, — отвѣчала Дулина, но право не заслуживаю этихъ похвалъ. Я люблю его, какъ добраго и сговорчиваго человѣка, который балуетъ меня, какъ дочь свою. Я ему обязана моимъ званіемъ, состояніемъ — и должна заслужить его ласки.

— Но онъ мнѣ самъ сказывалъ, что часто....

— Да! — прервала его Дулина. Въ немъ иногда замѣтны признаки этой слабости. Онъ самъ это чувствуетъ и понимаетъ, но отстать уже не можетъ. Всѣ мы на свѣтѣ имѣемъ свои слабости — и должны быть снисходительными къ другимъ. Надобно терпѣть людей, какъ они есть.

— И вы счастливы?

Быстрый, огненный, почти гнѣвный взглядъ Дулиной палъ на Мишу, но она тотчасъ же опустила глаза и равнодушно отвѣчала:

— У всякаго своя идея о счастіи. Почему-же и мнѣ не почитать себя счастливою? Изъ простой безпріютной сиротки, я сдѣлалась женою первостатейнаго купца, который передалъ мнѣ все свое имѣніе. Обезпечить всю свою жизнь, противъ бѣдности, право, самое *счастливое* дѣло.

— А вашему сердцу не нужно болѣе никакого счастія? — спросилъ Миша.

— Сердцу? что такое сердце? Не то ли же самое, что воображеніе? А что на свѣтѣ непостояннѣе и своевольнѣе воображенія? Если стараться удовлетворять его прихоти, то всѣ условія жизни исчезнуть. Помните-ли вы свой собственный разговоръ съ Машей Серболиной, когда я васъ оставила однихъ для объясненія? Вы сказали ей, что исполненіе долга выше всего. Я его исполняю и почитаю себя счастливою.

Грустно опустилъ Миша голову. Куда-же дѣвались всѣ мечты его? Зачѣмъ онъ пришелъ въ этотъ домъ? Чего надѣялся? Все былъ одинъ сонъ!

— О чемъ вы задумались, Михайло Михайловичъ? спокойно спросила Дулина.

— О томъ, что вы совершенно правы, отвѣчалъ онъ, не поднимая глазъ. Помните-ли и вы, какъ еще до разговора моего съ Марьей Ивановной, вы сказали мнѣ, что я *дитя?* Какъ еще вчера, въ маскарадѣ повторили вы это слово, которое заставило меня вздрогнуть? Помните-ли?

— Ну чтожъ? Помню.

— И только, что помните!

— Чегожъ еще вы хотите?

— Не знаю. Но я, какъ дитя, придавалъ этому милому слову другой смыслъ.

— Какой-же?

— Болѣе очаровательный. Какъ дитя, мечталъ я о сердечной взаимности....

— Чьей?

Этотъ вопросъ заставилъ бѣднаго Мишу совершенно растеряться. Грудь его волновалась, огонь струился по жиламъ его, но онъ не зналъ, что̀ отвѣчать.

— Чтожъ вы замолчали, Михайло Михайловичъ? — равнодушно спросила Дулина.

— Есть вопросы на которые отвѣты еще непридуманы на человѣческомъ языкѣ. Чувствую только, что ваше равнодушіе сведетъ меня съ ума.

— Мое равнодушіе? Въ чемъ же видите вы его? Я отъ всего сердца рада принять участіе въ васъ. Маша Серболина скоро воротится — и мы серьезно примемся за ваше дѣло. И мужъ мой сказалъ вамъ, что теперь въ полной мѣрѣ можете надѣяться, что Иванъ Ивановичъ не откажетъ вамъ въ рукѣ своей дочери.

— Покорно васъ благодарю за ваше участіе, — сказалъ онъ съ нѣкоторою язвительностію, и съ искуственнымъ равнодушіемъ посмотрѣлъ на часы. Однако, я боюсь вамъ наскучить, Анна Ивановна.... Мнѣ пора....

— Полно, такъ-ли? — иронически спросила его Дулина. Вы что-то не въ духѣ сегодня. Ужъ не сердитесь-ли вы за что-нибудь.

— Нѣтъ! Я дитя! За что мнѣ сердиться? Съ дитятей можно пошутить, а когда онъ расплачется, то отъ него отвернутся и уйдутъ.

— Вы начинаете говорить загадками. Это очень любопытно.

— Особливо для васъ, неправда-ли? Вамъ очень забавно мое положеніе?

— Какое?

— Нѣтъ! Это слишкомъ. Покуда есть еще во мнѣ хоть капля разсудка, уйти лучше.

— Напрасно! Надобно умѣть управлять собою во всякое время. Кто сердится, тотъ не правъ. Будьте спокойнѣе, хладнокровнѣе. Мы тогда скорѣе поймемъ другъ друга.

— Нѣтъ! Мы никогда не поймемъ одинъ другаго. Кто вы? Что вы? Вы превращаетесь непостижимымъ образомъ. Та-ли вы женщина, которая разговаривала вчера со мной въ маскарадѣ? То-ли волшебное и очаровательное существо, прощальный поцѣлуй котораго цѣлые пять мѣсяцовъ горитъ у меня на-сердцѣ? Теперь вы какое-то холодное, бездушное созданіе, которое мучить меня своимъ равнодушіемъ.

Дулина бросила на него испытующій взоръ, на лицѣ ея изобразилась горькая, насмѣшливая улыбка.

— Послушайте, любезный Михайло Михайловичъ, — сказала она. Мы съ вами одни, совершенно одни, — и можемъ откровенно говорить другъ съ другомъ. Чего хотите вы отъ меня?

Миша смутился отъ этого вопроса. Робость оковала языкъ его.

— Видите-ли! — продолжала она. Вы сами еще не знаете? Ну такъ признайтесь по крайней мѣрѣ, что у васъ въ умѣ были какіе нибудь планы, какая нибудь цѣль, какія нибудь мечты, съ которыми вы пришли сюда? Не такъ ли?

— Я сумасшедшій! — тихо отвѣчалъ Миша.

— Разскажите-же мнѣ эти мечты.

— Повторяю вамъ, что вы меня доведете до изступленія! — вскричалъ Миша. Взгляните въ зеркало (диванъ ихъ былъ прямо противъ большаго трюмо), и спросите сами себя: есть-ли что-нибудь прелестнѣе, очаровательнѣе васъ? И можно-ли, пробывъ съ вами хоть нѣсколько минутъ, думать о чемъ нибудь кромѣ любви?...

— Любви? — повторила она взглянувъ на него своимъ пламеннымъ взглядомъ. Любви ко *мнѣ?* Вотъ мило! А Маша?

— Но, когда я прощался съ Машей, вы вѣдь тоже знали, что я люблю ее, — съ гнѣвомъ сказалъ онъ, а все таки вашъ поцѣлуй лишалъ меня спокойствія цѣлые пять мѣсяцовъ. Чтожъ? развѣ и вы имѣли тогда планы?

— Я и теперь ихъ имѣю, — спокойно отвѣчала Дулина. А вы все-таки дитя!

— О! опять это слово! Говорите же какіе ваши планы? Я самъ помогу ихъ выполнить, хотя бы они стоили вѣчной мнѣ погибели.

Съ жаромъ схватилъ онъ ея руку — и осыпалъ самыми пламенными поцѣлуями.

— Да! вы дитя, но бѣдное, несчастное дитя, — сказала она съ нѣжнымъ участіемъ. Вы сами иде-

те къ своей погибели. Послушайте, мнѣ жаль васъ. Еще есть время! Уйдите, и никогда не встрѣчайтесь со мною. Это одно можетъ спасти васъ. Пусть я одна буду несчастна. Съ вашимъ добрымъ и невиннымъ сердцемъ вы будете счастливы съ другою. Встаньте и уйдите.

— Нѣтъ, я останусь! сказалъ онъ, не понимая самъ, что говоритъ.

— Помни-же свои слова и не жалуйся на судьбу, — отвѣчала она....

Когда Дулинъ всталъ, Миши уже не было. Онъ пришелъ ввечеру пить чай къ Говарду — и тотъ очень равнодушно спросилъ его объ обѣдѣ. Съ какою-то торопливостію началъ Ивановъ разсказывать ему о разговорѣ своемъ съ мужемъ и съ безпокойною живостію переходилъ отъ одного предмета къ другому. Внимательно посмотрѣлъ на него Говардъ — и заговорилъ о другомъ.

На другое утро Миша получилъ отъ Дулиной слѣдующее письмо:

«Сейчасъ принесли мнѣ съ почты письмо отъ Маши Серболиной. Она его писила въ тотъ день какъ выѣхала изъ Нижняго. Слѣдственно, чрезъ три дни они будутъ сюда. Приходите ко мнѣ сегодня послѣ обѣда. Мы переговоримъ съ вами объ этомъ. Ваша А.

Миша въ раздумьи опустилъ голову. Записка открыла ему его положеніе. Онъ чувствовалъ, что все-таки любитъ Машу; та ѣдетъ, скоро будетъ, а онъ!

Такъ безпечный, прибрежный житель, утомлен-

ный полуденнымъ жаромъ, ложится въ свою уютную лодочку и, отпихнувъ ее отъ берега, наслаждается убаюкивающимъ качаніемъ волнъ прибоя. Сладкая дремота обхватываетъ его; морской прохладный вѣтерокъ нѣжитъ его чувства; восхитительные сны представляютъ ему исполненіе всѣхъ его желаній: онъ блаженствовалъ.... Вдругъ, сорвавшаяся верхушка волны попадаетъ ему въ лицо.... Онъ просыпается — и видитъ вокругъ себя бушующее море. Сильный вѣтеръ круто поднимаетъ волны. Берегъ едва видѣнъ; солнце скрылось за тучи, которыя грозными купами надвигаются съ юга къ зениту. Страхъ леденитъ его сердце. Онъ хватается за весла, напрягаетъ усилія свои, чтобъ достичь до берега.... Напрасно! Онъ вскорѣ чувствуетъ что силы истощаются, а буря болѣе и болѣе усиливается. Ему кажется, что изъ влажной бездны подымаются тысячи исполинскихъ рукъ, чтобъ обхватить его и втянуть въ бездонную могилу. Онъ видитъ, что нѣтъ ему спасенія и что надобно предаться на волю судьбы.

Миша видѣлъ также, что поднимается буря, что силы его будутъ безполезны, чтобъ спастись. Съ мрачнымъ отчаяніемъ предался онъ судьбѣ своей. Винить ему было некого. Онъ самъ на себя накликалъ бѣду.

Послѣ обѣда онъ явился къ Дулиной. Мужъ спалъ. Она приняла его спокойно и простодушно.

— Ну, что̀, любезный Мишель? — сказала она, когда они усѣлись на диванъ. Что вы будете дѣлать, когда пріѣдутъ Серболины?

— Ни слова мои, ни правила никогда не измѣнятся, — отвѣчалъ онъ съ нѣкоторою неумѣстною торжественностію. — Я буду исполнять мой долгъ.

— То-есть? — спросила она, вниматетельно на него глядя.

— Буду убѣгать отъ всякаго объясненія съ Машею. Я уже отказался отъ нея на всегда.

— Молчанія съ Машею будетъ мало. Какъ скоро Маша замѣтитъ, что вы ее убѣгаете, что не хотите объясниться съ нею, она, конечно, сама замолчитъ. Гордость оскорбленной дѣвушки побѣдитъ любовь къ вамъ. Но отъ отца вамъ не легко будетъ отдѣлаться. Я забыла вамъ сказать, — прибавила она, что когда Маша начала слишкомъ скучать безъ васъ — и Иванъ Ивановичъ однажды спросилъ у меня: не знаю-ли я причины этой меланхоліи, то я опреметчиво сказала ему, что дочь его влюблена въ васъ и что если онъ хочетъ спасти ее, то чтобъ поскорѣе выдалъ ее за васъ замужъ.

— Боже мой! что вы сдѣлали? — вскричалъ Миша. Что-же сказалъ отецъ?

— Онъ задумался, вздохнулъ, и отвѣчалъ: будь во всемъ воля Божія!

Миша закрылъ лице обѣими руками.

— Чтò вы сдѣлали! — сказалъ онъ.

— Вы помните, что я взялась хлопотать за васъ — и средство, которое я употребила, было самое вѣрное. То, чего бы не сдѣлали всѣ сватовства и убѣжденія въ мірѣ, я сдѣлала однимъ сло-

вомъ. Серболинъ такъ любитъ Машу, что отдалъ бы ее за нищаго, еслибъ ея спасеніе зависѣло отъ этого.

— Что мнѣ дѣлать?

— Подумаемъ, — отвѣчала спокойно Дулина. Я вѣрю, что вы и въ теперешнихъ обстоятельствахъ исполните свой долгъ и свое слово. Но не надобно требовать отъ людей ничего выше человѣческаго. Рано или поздно вы опять полюбите Машу.

Миша хотѣлъ прервать ее, но она остановила его.

— Молчите. Вы теперь рѣшились покориться судьбѣ. Но все-таки тѣмъ кончится, что вы обратитесь къ Машѣ. Я васъ не пугаю, и не притворяюсь романическою героинею.

— О! ради Бога! не мучьте меня такъ жестоко! — вскричалъ Миша.

— Бѣдное дитя, — сказала она, посмотрѣвъ на него съ нѣжностію. Кто-же хочетъ тебя мучить? Когда еще я не видала тебя, я уже знала тебя. Ты былъ еще студентъ, а разсказы Маши о вашемъ дѣтствѣ, о вашихъ играхъ, о невинной любви, о красотѣ твоей возбудили мое любопытство. Когда ты въ первый разъ явился съ юношескимъ торжествомъ, со скромностію бѣдняка, я вообразила, что ты слишкомъ бѣденъ, чтобы искать руки Серболиной, — а я была тебѣ ровная сирота. Когда я уговорила и Машу, и тебя на свиданіе и объясненіе, то полагала, что вы, какъ дѣти, увлечетесь своею любовію — и откроете ее Серболину, прося его о соединеніи. Я увѣрена была,

что Серболинъ разсердится, прогонитъ тебя, и ты будешь принадлежать мнѣ. Ничего этого не случилось. Ты поступилъ честно и благородно, а отъѣздъ твой разрушилъ и остальные мои планы. Судьба, — и все судьба! Что дѣлать противъ нея? Ты не сердишься на меня за мою хитрость?

— Могу-ли я за что-нибудь сердиться? — отвѣчалъ онъ. Но я удивляюсь дальновиднымъ твоимъ планамъ.

— Я выросла въ школѣ несчастій. Уроки матери моей были мнѣ памятны съ 7-милѣтняго возраста. Теперь я понимаю ихъ значеніе, чувствую, что они не совсѣмъ сходны съ общими условіями общества, но что дѣлать? Судьба! Ты уѣхалъ. Я видѣла, что Маша тоже страстно тебя любитъ, и думала, что, открывъ отцу ея эту любовь, ускорю развязку, которой я ожидала отъ перваго вашего объясненія съ Машею. Вышло противное. Богатый Серболинъ не только не разсердился, но ни на минуту не колебался. Я видѣла, что бракъ вашъ былъ рѣшенъ. Я ни слова не сказала Машѣ—и уговорила Серболина не только молчать до твоего возвращенія, но и уѣхать съ Машею на макарьевскую ярмарку. Я знала, что ты раньше ихъ здѣсь будешь, и что я увижу тебя. Сама-же я вышла за перваго, кто могъ обезпечить мою будущность Участь эта пала на Дулина. Онъ доволенъ своею судьбою. По роду жизни его, я увѣрена, что скоро останусь вдовою, богатою и независимою. Оставалось мнѣ только не допустить твоего соединенія съ Машею, и я могла

надѣяться быть счастливою. Я это сдѣлала, и не раскаяваюсь ни въ чемъ. Будущаго не знаю, но настоящее — *мое*, и этого довольно.

— Но въ разсказѣ своемъ забыла ты еще одинъ свой планъ.

— Какой?

— Ты хотѣла, чтобы самъ Серболинъ женился на тебѣ.

Молніи сверкнули изъ глазъ Дулиной.

— Кто сказалъ тебѣ объ этомъ? — вскричала она съ гнѣвомъ.

— Добрый старикъ, который проникъ тебя, — отвѣчалъ Миша, и который даже предсказалъ мнѣ все, когда я вчера шелъ сюда обѣдать.

— Твой банкиръ Говардъ? — сказала она. Британская лисица! Значитъ онъ и теперь узнаетъ все?...

— Какимъ образомъ? — развѣ я когда-нибудь скажу хотя слово.....

— Дитя, — и вѣчное дитя! — прервала его Дулина. Развѣ объ этомъ спрашиваютъ? Довольно одного взгляда на твое лицо, чтобы видѣть всю твою душу! Повѣрь, что прежде нежели ты задумаешь обмануть меня, я уже буду видѣть на лицѣ твоемъ близкіе признаки обмана.

— Будь спокойна! ты никогда не увидишь этого.

— Вѣрю, что ты говоришь правду — отвѣчала Дулина, взявъ его за руку. Но знаю также и то, что чувства твои измѣнятся. Предвижу напередъ свою участь — и готова къ ней. Стóитъ ли жизнь, что-

бы жалѣть о ней? Нѣсколько дней, нѣсколько мѣсяцевъ счастія не довольно-ли для человѣка? Какъ скоро оно кончится, — зачѣмъ и жить?...

Съ жаромъ поцѣловалъ Миша ея руку...

Черезъ часъ онъ былъ уже дома—и сообщилъ за чаемъ Говарду о скоромъ пріѣздѣ Серболина. Внимательно взглянулъ тотъ на Мишу, покачалъ головою — и не отвѣчалъ ни слова.

VII.

Дѣйствительно, черезъ три дня пріѣхалъ и Серболинъ съ Машею. Ивановъ тотчасъ явился къ своему благодѣтелю, и тотъ распросилъ о вояжѣ его въ Англію.

— Прекрасно! поздравляю, — сказалъ Серболинъ, выслушавъ разсказъ Миши. — Слѣдственно ты теперь богатый капиталистъ. Чтожъ? ты отдалъ свои деньги въ компанію Говарду?

— Нѣтъ, Иванъ Ивановичъ, — отвѣчалъ Ивановъ.— Вотъ онѣ. Развѣ эти деньги могли когда-нибудь принадлежать мнѣ? Развѣ я могъ забыть чьи онѣ? Я и тѣмъ счастливъ, что могъ возвратить вамъ то, что вы нѣкогда потеряли черезъ поступокъ отца моего. Вѣрно и онъ, въ лучшей жизни, радуется теперь, что сынъ могъ заплатить за него долгъ.

— Молодой человѣкъ! — съ торжественностію отвѣчалъ Серболинъ. Не твое дѣло знать какіе счеты были между мною и твоимъ отцомъ. Онъ

не поручалъ тебѣ платить за него. Почемъ ты знаешь, что онъ мнѣ остался долженъ и что я не сполна получилъ мой долгъ передъ его смертію? Нѣтъ, любезный другъ! Могу тебя увѣрить, что мы совершенно разочлись съ твоимъ отцомъ. Ты не имѣешь права судить о его поступкахъ. Его судитъ одинъ Богъ. Деньги, которыя онъ потерялъ отъ банкрутства въ Англіи, принадлежали ему, и если ты успѣлъ возвратить изъ нихъ что-нибудь, ты единственный наслѣдникъ его—и никто, кромѣ тебя, не имѣетъ права на этотъ капиталъ. Я понимаю твои благородныя чувства, — и очень радъ, что, воспитываясь въ моемъ домѣ и моими попеченіями, пріобрѣлъ такія правила, которыя тебѣ дѣлаютъ честь; но прошу тебя тотчасъ-же отнести эти деньги къ сиру Говарду — и сказать ему, что онѣ твои, и что я не имѣю на нихъ ни малѣйшаго права. Поздравляю тебя еще разъ съ званіемъ купца и капиталиста. Помня нашу хлѣбъ-соль, прошу любить, да жаловать.

— Не знаю, что̀ и отвѣчать! — сказалъ Миша. Очень хорошо чувствую, что это новое великодушіе и благодѣяніе съ вашей стороны. Но на этотъ разъ, воля ваша, — оно слишкомъ велико. Такой капиталъ....

— Никогда не суди милый другъ, ни чужихъ, ни своихъ поступковъ по значительности суммы, а только по законамъ и по совѣсти. Если ты думаешь, что я доброй человѣкъ и что, пріютивъ твое сиротство, сдѣлалъ христіанское дѣло,—то за чтожъ ты хочешь лишить меня удовольствія моего

добра, заплативъ за него деньгами. Если тебѣ разсказали,—и ужъ вѣрно не я,—что отецъ твой въ молодости своей поступилъ со мною не такъ, какъ слѣдуетъ,—то въ самомъ дѣлѣ онъ не лишилъ меня ничего. Напротивъ, онъ устроилъ мое счастіе, заставя жениться на доброй моей Машѣ и обогатилъ меня болѣе прежняго. Судьба наказала его потомъ въ самую тяжкую минуту его жизни, то-есть, когда ему надобно было заботиться объ участи своего сына. Онъ обратился ко мнѣ — и смерть его разочла насъ. Съ той минуты я сдѣлался должникомъ его предъ Богомъ, взявшись устроить судьбу его сына,—и, кажется, исполнилъ этотъ долгъ. Дай тебѣ Богъ счастія, любезный другъ. Ты добрый и честный малый!

Со слезами бросился Миша цѣловать протянутую ему Серболинымъ руку, но тотъ отнялъ ее и крѣпко обнялъ его.

Старикъ велѣлъ позвать Машу, говоря, что и она вѣрно обрадуется, увидя стараго товарища своего дѣтства. Та пришла,—но Миша былъ съ нею такъ приторно вѣжливъ и церемоненъ, что отецъ, стараясь поддержать ихъ разговоръ веселостями, съ каждою минутою болѣе и болѣе удостовѣрялся, что — или Дулина обманулась на счетъ взаимной любви этихъ молодыхъ людей, или эта любовь существуетъ только въ сердцѣ его дочери, а не со стороны Миши.

Оставя его обѣдать, отецъ и за обѣдомъ наблюдалъ за обоими, но вся его проницательность осталась безполезною. Холодная любезность Миши

была такъ мало похожа на огненную страсть, что Серболинъ приходилъ въ отчаяніе.

Послѣ обѣда ушелъ онъ спать и оставилъ молодыхъ людей наединѣ. Но и тутъ Миша началъ разсказывать бывшей подругѣ своего дѣтства всѣ подробности своего путешествія. Говорливость его казалась неистощима. Онъ описывалъ всѣ вечера, разговоры, физіономіи, впечатлѣнія, всѣ свои успѣхи, торговыя выгоды, пересказалъ даже свой разговоръ съ отцемъ Маши, какъ новое доказательство удивительнаго великодушія, дѣлающаго Иванова богачемъ: однимъ словомъ онъ разсказалъ все, кромѣ того, что̀ Машѣ съ такимъ нетерпѣніемъ хотѣлось услышать. Напрасно прерывала она его разсказъ, говоря, что все это вовсе ее не занимаетъ, а что она только хочетъ слышать о немъ самомъ, Миша опять начиналъ прежнее и еще съ бо̀льшими подробностями.

Не долго спалъ послѣ обѣда Серболинъ. Тяжкая дума о душевномъ недугѣ дочери не давала ему покоя. Онъ всталъ—и опять отправился къ молодымъ людямъ. Какъ ни противно было благородному его характеру всякая мысль о подслушиваніи, но у самыхъ дверей онъ невольно остановился, слыша, что Миша говоритъ о чемъ-то съ большимъ жаромъ. Чтожъ? это было описаніе какого-то лондонскаго раута — и всѣхъ дамскихъ нарядовъ на немъ. Грустно улыбнулся Серболинъ,—и вошелъ въ залу.

Миша и при немъ сталъ продолжать свой разсказъ съ прежнею словоохотливостію. Вмѣшав-

шись въ этотъ разговоръ, Серболинъ, въ одинъ промежутокъ насильственной болтливости Миши, вдругъ спросилъ у него:

— А чтò, любезный Михайлушка! — Бываешь ты у Дулиныхъ?

Яркая краска вспыхнула на лицѣ Миши. Опытный наблюдатель замѣтилъ-бы это и вывелъ-бы другое заключеніе, — но Серболинъ обрадовался смущенію Миши, видя въ немъ признакъ справедливости словъ Дулиной. Маша тоже полагала, что эта краска и смушеніе происходтяъ отъ воспоминанія сцены прощанія и взаимныхъ обѣщаній.

— Какъ-же! Я былъ у нихъ, — и нашелъ, что новобрачные прекрасно живутъ, оба счастливы и довольны. Иванъ Герасимовичъ — очень умный и дѣльный человѣкъ, а она превосходная хозяйка.

— Да!... Конечно!... — протяжно отвѣчалъ Серболинъ. Но ты вѣрно не ожидалъ найти по пріѣздѣ подругу моей Маши замужемъ за такимъ старикомъ. Что она тебѣ сказала на счетъ скорой ея рѣшимости въ этомъ дѣлѣ?

— Какъ-же можно объ этомъ распрашивать! — отвѣчалъ Миша, — мое дѣло было поздравить ее — и распросить объ васъ. Она сообщила мнѣ последнее письмо Марьи Ивановны — и порадовала меня извѣстіемъ о скоромъ вашемъ прибытіи.

— А хозяинъ твой... виноватъ! товарищъ!... ничего тебѣ не разсказывалъ какъ составилась свадьба Дулиной?

— Вы знаете, что онъ не очень разговорчивъ, — отвѣчалъ опять уклончиво Миша. — Онъ гово-

рилъ мнѣ, правда, что она можетъ почитать мужа истиннымъ завоеваніемъ, но какіе при этомъ были ея планы....

— Ну, а что она тебѣ разсказала о нашемъ отъѣздѣ въ Нижній? — спросилъ опять Серболинъ, прервавъ Мишу на словѣ *планы*.

— Говорила, что Марья Ивановна была нездорова, и что вы, для перемѣны климата и для разсѣянія ея, взяли ее съ собою на ярмарку.—Марья Ивановна тоже вѣрно разскажетъ свой вояжъ, какъ я ей свой разсказалъ....

Маша вздохнула, — а отецъ опустилъ голову. Онъ видѣлъ, что всѣ распросы его ни къ чему не ведутъ. Полагая, что все это происходитъ отъ робости молодаго человѣка, онъ рѣшился выжидать удобнаго случая, чтобы распросить его хорошенько.

Скоро Миша ушелъ, повторя сцену выраженія своей благодарности Серболину за его великодушіе, дѣлавшее изъ конторскаго труженика богатаго негоціанта.

Придя къ Говарду, онъ отдалъ ему свои 10,000 фун. стерлинговъ, — а тотъ прежде всего исполнилъ весь форменный порядокъ внесенія этой суммы въ книгу, выдачи росписки, и т. п. Потомъ поздравилъ его настоящимъ товарищемъ банкирскаго дома. Наконецъ началъ распрашивать о Серболинѣ.

Миша разсказалъ весь свой день, — и честный британецъ тоже нерѣдка покачивалъ головою, когда юноша описывалъ ему послѣобѣденный свой

разговоръ наединѣ съ Машею. Все это казалось ему очень подозрительно.

— Послушайте, Ивановъ, — сказалъ Говардъ. — Какъ прежній вашъ патронъ, какъ новый товарищъ и какъ честный человѣкъ, я имѣю право откровенно говорить съ вами....

— Боже мой! Сиръ Говардъ! — перебилъ его Миша. — Всякое ваше приказаніе будетъ мнѣ закономъ....

— Безъ фразъ, дорогой мой другъ, — хладнокровно сказалъ англичанинъ. Вы, кажется, должны знать меня. Я уважаю дѣла, а не слова. Я не люблю, конечно, мѣшаться въ семейныя дѣла, а по моимъ лѣтамъ и правиламъ еще смѣшнѣе было-бы мѣшаться въ чьи-нибудь сердечныя обстоятельства. Но тутъ дѣло идетъ о томъ, чтобъ съ одной стороны сохранить честное имя и не запятнанную совѣсть моему другу и товарищу, то-есть *вамъ*, а съ другой оказать услугу одному изъ тѣхъ людей, которыми должно гордиться человѣчество, то есть Ивану Ивановичу Серболину. Но прежде спрошу васъ, какъ правдивый человѣкъ: угодно-ли вамъ меня выслушать? и въ особенности угодно-ли отвѣчать мнѣ искренно и откровенно?

— Развѣ я когда нибудь подалъ вамъ поводъ сомнѣваться въ моемъ чистосердечіи? — спросилъ Миша.

— Въ дѣлахъ торговли и службы — никогда, а по вашимъ семейнымъ и сердечнымъ дѣламъ я никогда не почиталъ себя въ правѣ васъ распрашивать. Думаю однакоже, что по нѣкоторымъ

моимъ нечаяннымъ, а можетъ-быть и преднамѣреннымъ вопросамъ вы не совсѣмъ были со мною откровенны. Знаю, что иначе и быть не могло. Есть вещи и обстоятельства, которыя стараются скрыть и отъ самого себя. Но, повторяю вамъ, такъ-какъ дѣло идетъ о томъ, чтобы оказать важнѣйшую услугу въ жизни и вамъ, и Серболину, то я и полагаю себя въ правѣ, какъ общій вашъ другъ, сдѣлать вамъ нѣсколько вопросовъ, которые обыкновенно почитаются щекотливыми, но которые теперь необходимы. И я не сомнѣваюсь, что вы, какъ честный и благородный человѣкъ, будете отвѣчать на нихъ со всею откровенностію, приличною вамъ и мнѣ. Неправда-ли?

Лицо Иванова вспыхнуло, грудь его стѣснилась. Онъ предчувствовалъ, о чемъ его будутъ распрашивать, и понималъ, что будетъ въ величайшемъ затрудненіи на счетъ отвѣтовъ, но, какъ ему нельзя было отказаться, то, не въ силахъ будучи ни слова сказать, онъ молча подалъ руку Говарду въ знакъ согласія.

— Любите-ли вы Марью Серболину? — спросилъ Говардъ.

— Можноль не любить эту прелестную дѣвушку? — отвѣчалъ съ замѣшательствомъ Миша. Мы съ нею вмѣстѣ выросли; играли съ нею, какъ дѣти — и моя привязанность къ ней....

— Какого рода эта привязанность? — прервалъ его Говардъ, видимо избѣгавшій фразъ и многословія. Мужчины всѣхъ возрастовъ любятъ хорошень-

кихъ дѣвушекъ, но иные любуются ими, какъ картинами, другіе воспламеняются къ нимъ сильною и благородною страстію.... О порочныхъ склонностяхъ я не говорю: онѣ принадлежатъ не духовной человѣческой натурѣ, а животной. Къ какой же категоріи принадлежитъ ваша любовь къ Марьѣ Серболиной?

— Къ самой благородной и возвышенной, — отвѣчалъ Миша.

— Эта любовь должна имѣть *одну* цѣль. Честный и священный бракъ. Къ этой ли цѣли обращена любовь ваша?... Не задумывайтесь, не смущайтесь, не ищете фразъ, отвѣчайте мнѣ, какъ другу, какъ отцу! Я имѣю право на эти названія.

— Вы знаете, что Иванъ Ивановичъ, — мой благодѣтель, — и даже больше. Я бѣдный сирота; онъ первокласный богачъ. Могъ-ли я думать о бракѣ съ его дочерью?...

— Конечно, въ общемъ порядкѣ условіи общества. Но иногда дѣлаютъ вещи, не думая о нихъ. Любовь-же — родъ нравственной лихорадки, въ которой здравая логика всегда почти въ отсутствіи. Она не измѣряетъ ни разстояній, ни препятствій. Напротивъ, кажется, чѣмъ больше затрудненій, тѣмъ сильнѣе она развивается. Скажите мнѣ: имѣли-ли вы какія-нибудь объясненія съ Серболиной, которыя бы обнаружили этой дѣвушкѣ вашу любовь — и ваше намѣреніе жениться на ней?

— Передъ отъѣздомъ моимъ въ Англію, — отвѣчалъ со смущеніемъ Миша, я не смѣлъ имѣть

и помышленія о бракѣ съ Марьей Ивановной.... Но, признаюсь, при прощаніи, въ минуту отъѣзда, мы поклялись другъ другу сохранить на всю жизнь вѣрность и любовь....

— Слѣдовательно, вы опредѣлили вашъ жребій безвозвратно, — сказалъ Говардъ. Вы имѣли свиданіе съ дѣвушкою наединѣ, вы объяснились съ нею въ любви, вы получили отъ нея клятву въ вѣрности, вы даже можетъ-быть цѣловали ее, какъ избранный ею женихъ. Какъ-же вы теперь думаете поступить? Развѣ есть какое-нибудь другое средство поправить вашу виновную неосторожность, ваше непростительное свиданіе, ваши необдуманныя клятвы? Развѣ вы думаете, что она можетъ теперь быть женою другаго? Нѣтъ! Вы бы поступили безчестно, еслибъ скрыли отъ отца ея вашу любовь и допустили эту дѣвушку отдать свою руку другому. Скажите-же мнѣ: хотите-ли вы — и когда именно хотите просить у Серболина руку его дочери? Или, можетъ-быть, хотите поручить это *мнѣ?*

Говардъ замолчалъ и внимательно глядѣлъ на Мишу, который былъ совершенно уничтоженъ. Опустивъ голову на грудь, онъ не смѣлъ ни отвѣчать, ни даже взглянуть на честнаго британца. Понимая это молчаніе, Говардъ покачалъ головою, и продолжалъ:

— Вы не отвѣчаете? Что это значитъ? Изъ прежней вашей жизни и образа мыслей, я убѣдился, что вы честный и благородный человѣкъ. Те-

прешнее ваше молчаніе удивляетъ и огорчаетъ меня. Долгъ и честь идутъ всегда по одному пути; двухъ дорогъ нѣтъ для того, кто хочетъ сохранить свою совѣсть незапятнанною. Я очень хорошо понимаю, что молодой человѣкъ, сдѣлавшій полугодовое путешествіе, могъ на минуту покориться темпераменту и составить временную связь. Я мужчина и не осуждаю васъ. Можетъ-быть, въ самой Англіи нашли вы какую-нибудь добрую нашу миссъ, которая взялась утѣшить вашу разлуку съ отечествомъ и любовью....

— Нѣтъ! — вскричалъ Миша. Клянусь вамъ, что я во все это время ни на минуту не забылъ своихъ клятвъ, но....

Онъ остановился. Слова замерли въ устахъ его; онъ чувствовалъ, что былъ бы низкимъ человѣкомъ, еслибъ измѣнилъ печальной тайнѣ новой своей страсти. Говардъ очень хорошо понялъ его, и грустно покачалъ головою.

— Но здѣсь, — сказалъ онъ съ горькою улыбкою, здѣсь нашли вы утѣшительницу — и первымъ условіемъ ея было то, чтобъ вы отказались отъ руки Маши?

— Кто вамъ сказалъ? — вскричалъ съ ужасомъ испуганный юноша. Я не понимаю васъ.... О какой утѣшительницѣ говорите вы?

— Очень хорошо понимаете, сиръ Мишель, — одинъ вашъ страхъ уже сказалъ бы мнѣ все, еслибъ я и не зналъ еще чего-нибудь. Добрая и честная ваша натура не умѣетъ еще притворяться. Благо-

дарите Бога за эти прекрасныя сѣмена и не заглушайте ихъ постыднымъ и безполезнымъ притворствомъ. Повторяю вамъ, что все знаю. Сердечно соболѣзную о вашемъ несчастіи, и спрашиваю васъ теперь, какъ другъ и отецъ: что вы намѣрены дѣлать?

— Не знаю! — глухо отвѣчалъ Миша послѣ нѣкотораго молчанія. Чувствую только, что и въ самомъ несчастіи обязанъ исполнить свой долгъ.

— Который?—строго спросилъ Говардъ. Тотъ-ли, которымъ вы обязаны кроткому, невинному существу, лишенному теперь покоя и чистоты совѣсти вашими необдуманными объясненіями и клятвами? Тотъ-ли, которымъ добрая и неопытная дѣвушка, дочь вашего благодѣтеля и втораго отца, отдала вамъ свое доброе имя и будущую свою судьбу, и котораго нарушеніе дѣлаетъ васъ безчестнымъ человѣкомъ не только въ глазахъ всего свѣта, но и въ вашихъ собственныхъ? Или тотъ новый долгъ и новыя клятвы, которыми вы почитаете себя связанными съ хитрою, чувственною кокеткою?...

— О! ради Бога, перестаньте! — прервалъ его Миша съ отчаяніемъ. Ваши слова убиваютъ меня.

— Нѣтъ, г. Ивановъ! — съ твердостію отвѣчалъ британецъ. Виновную слабость никогда не должно щадить. Потворство пороку всегда рождаетъ новый порокъ. Вы хотите сохранить слово, данное кокеткѣ въ минуту самозабвенія страсти, и въ тоже время намѣрены попрать ногами преж-

нюю клятву невинному существу, которое умретъ, если вы его бросите. Избѣгая печальной необходимости быть нарушителемъ обѣщанія, исторгнутаго у васъ виновною женщиною, вы рѣшаетесь быть убійцею....

— Умоляю васъ! пощадите! Вы меня доведете до иступленія! — сказалъ Миша, ломая свои руки.

— Это будетъ всего хуже, — спокойно сказалъ Говардъ. — Я требую отъ васъ хладнокровія. Голоса совѣсти нельзя разслышать, когда бунтуютъ страсти, а тамъ, гдѣ молчитъ совѣсть, человѣкъ погибъ. Соберите-же всѣ силы своего разсудка, и поговоримъ спокойно. Хотите-ли, можете-ли вы бросить Машу Серболину и быть ея убійцею? можете-ли вы отказаться отъ Дулиной?

Миша опять замолчалъ. И то, и другое казалось ему невозможнымъ. Онъ пріискивалъ въ умѣ своемъ какую-нибудь среднюю тропинку, которая бы ему позволила спасти свои обязанности — и прежнія, и новѣйшія.

— Вы опять молчите! опять задумались! — продолжалъ неумолимый британецъ. Ради Бога, не ищите увертокъ передъ самимъ собою! Не думайте обо *мнѣ* лично. Меня здѣсь нѣтъ. Я здѣсь не Говардъ, вашъ банкиръ и товарищъ, я теперь говорю съ вами именемъ вашего собственнаго сердца и вашей совѣсти. Потому-то я неумолимъ. Съ совѣстью нельзя торговаться. Съ нею нѣтъ сдѣлокъ. За нее, или противъ нее! Отвѣчайте-же на мои два вопроса и рѣшайте: что̀ вы выбираете?

— Сколько бы я ни думалъ, — отвѣчалъ Миша,

но не въ силахъ рѣшиться ни на то, ни на другое. Какъ голосъ совѣсти, вы совершенно правы. Но вы не знаете многихъ подробностей, тѣсно связанныхъ съ тѣмъ и другимъ вопросомъ. Выслушайте ихъ. При отъѣздѣ моемъ имѣлъ я дѣйствительно свиданіе съ Марьей Ивановной и клялся ей въ вѣчной любви; но тутъ-же объявилъ ей, что не смѣю и думать никогда о соединеніи съ нею, и что во всю жизнь не рѣшусь просить руки ея. Я любилъ ее съ малолѣтства, какъ братъ, я клялся ей, что сохраню навсегда это чувство; но тутъ же говорилъ, что если судьба и отецъ ея велятъ ей выйти за мужъ за другого, то мы оба покоримся своей участи. Слѣдственно, я не только не обязывался быть ея женихомъ и просить руки ея, но еще убѣждалъ ее не противиться, если бы судьба потребовала отъ нея, чтобъ она меня забыла. Вотъ положеніе перваго и главнаго вопроса. Второй?... Мнѣ бы не хотѣлось говорить о немъ. Почему вы все знаете? я не понимаю! Но могу увѣрить васъ, что Дулина не кокетка. Въ ту минуту, какъ я рѣшился высказать ей мою страсть, она мнѣ почти то же самое говорила, что̀ и вы. Она предсказывала мнѣ мои несчастія и отчаянное положеніе. Она умоляла меня оставить ее и бѣжать отъ гибели. Она наконецъ сказала, что предвидитъ заранѣе то время, когда я ей измѣню и оставлю ее, но что въ тотъ же день, когда она это замѣтитъ, ее не будетъ въ живыхъ. Слѣдственно, и съ этой стороны судьба грозитъ мнѣ, что я могу быть убійцею. Но я съ этой стороны

избралъ добровольно свою участь, рѣшился забыть свой прежній долгъ и далъ клятву, что никогда не измѣню. Вотъ откровенное признаніе. Рѣшите теперь сами.

Въ свою очередь Говардъ задумался.

— Въ мои лѣта человѣкъ не такъ легковѣренъ, какъ въ ваши, — отвѣчалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, и потому я бы еще усомнился въ угрозѣ самоубійства со стороны Дулиной. Но зачѣмъ спорить въ этихъ вещахъ! Я допускаю возможность этой малодушной жертвы. И еслибъ я могъ быть увѣренъ, что вы будете мнѣ повиноваться, то тотчасъ-же рѣшилъ бы это дѣло. Но есть границы нравственной власти, которую я самовольно взялъ надъ вами, и за которую я не имѣю права переступить, не сдѣлавъ вамъ вреда. Но все-таки вы не можете остаться въ этомъ положеніи. Оно, или сдѣлаетъ васъ злодѣемъ, или презрѣннымъ человѣкомъ. Я подумаю — и, кажется, придумаю что-нибудь въ вашу пользу и для вашего спасенья. До завтра вы вѣдь ни начто сами не рѣшитесь. Прощайте-же! Спокойной ночи! Поутру я жду васъ пить чай.

Они разстались, и отуманенный Миша долго не могъ собраться съ мыслями. Обдумывая всю затруднительность своего положенія, онъ никакъ не могъ пріискать въ умѣ своемъ, чѣмъ бы могъ ему помочь Говардъ. Но обѣщаніе британца успокоивало его и утѣшало. Всѣ нерѣшительные люди чрезвычайно довольны, всегда если кто-нибудь за нихъ думаетъ и направляетъ ихъ волю.

На другое утро явился онъ къ чаю, и очень удивился, найдя, что у Говарда собралось нѣсколько лицъ изъ коммерческихъ его товарищей. Они занимались расчетами своей компаніи и разными планами торговыхъ предпріятій. А какъ всѣ они, болѣе или менѣе, обязаны были Иванову значительными выгодами, пріобрѣтенными послѣднимъ его путешествіемъ въ Англію, то всѣ приняли его съ отверстыми объятіями и разговоръ сдѣлался общимъ.

Послѣ чаю просили посѣтители, чтобъ Говардъ объявилъ имъ причину экстреннаго ихъ собранія. Это доказывало Мишѣ, что Говардъ рано по утру разсылалъ за ними, и любопытство его удвоилось. Всѣ усѣлись, и Говардъ изложилъ своимъ товарищамъ планъ обширнаго торговаго предпріятія, которое должно было принести огромные барыши. Изчисленіе всѣхъ случайностей и выводъ всѣхъ цыфръ были такъ вѣрны, что не было ни одного возраженія. Но, когда всѣ убѣдились, что Говардъ придумалъ превосходное употребленіе капитала и важное приращеніе дивиденда компаніи, то всѣ (кромѣ Иванова) сдѣлали ему потомъ замѣчаніе, что дѣйствія этой операціи должны быть ведены *на мѣстѣ* самимъ предпринимающимъ лицемъ.

— Еслибъ между нами не было, господа, — отвѣчалъ Говардъ, такого лица, котораго познанія и дѣятельность ручаются за успѣхъ предпріятія, то я бы и не предложилъ вамъ его. Но тотъ самый, кто послѣднею своею поѣздкою въ Англію увеличилъ такъ выгодно наши капиталы, и кото-

рый самъ теперь сдѣлался однимъ изъ важнѣйшихъ нашихъ товарищей на сумму 11,000 фунт. стерлинговъ, тотъ-же Михайло Михайловичъ Ивановъ вѣрно не откажетъ мнѣ, старому своему патрону и другу, взяться за это дѣло, которое кромѣ общей выгоды по дивиденду барышей, должно принести ему, какъ главному дѣйствователю и исполнителю, сильное приращеніе его капитала. Согласны-ли всѣ, господа, назначить ему за труды по этому исполненію, прежде общаго дележа, десять процентовъ изъ всей суммы барышей?

Всѣ съ удовольствіемъ изъявили свое желаніе, и полагая, что между Говардомъ и Ивановымъ это дѣло было придумано и условлено прежде, всѣ окружили Мишу съ изъявленіями живѣйшей благодарности, и вступили въ сужденія о подробностяхъ предпріятія.

Съ первыхъ словъ Говарда, Миша понялъ намѣреніе его — и страдательно покорился своей участи. Да и могъ-ли онъ отказаться отъ предложенія столь почетнаго и выгоднаго? Развѣ ему можно было сказать, что сердечныя связи препятствуютъ ему принять порученіе общества? Образъ воспитанія его былъ направленъ не къ мечтательной сторонѣ человѣческой жизни. Одна существенность руководила его дѣйствіями и мыслями. Онъ чувствовалъ, что отъѣздъ его возродитъ новыя затрудненія между нимъ и двумя предметами его страсти, но очень хорошо понималъ, что нельзя не согласиться на дѣлаемое предложеніе.

Говардъ, какъ истинный дѣловой человѣкъ, тотчасъ-же изложилъ письменно все основаніе и условія дѣла, и далъ подписать актъ всѣмъ членамъ компаніи. Ивановъ подписалъ тоже — и долженъ былъ по окончаніи засѣданія благодарить ихъ всѣхъ за оказываемое ему довѣріе.

Когда всѣ разошлись, то Говардъ дружески пожалъ руку Миши — и сказалъ ему:

— Благодарю васъ, добрый мой Мишель, за вашу благородную рѣшимость. Благодарите и *вы* меня за то, что я васъ спасаю. Въ вашихъ обстоятельствахъ время все поправляетъ, а поспѣшность все губитъ. Ступайте теперь къ доброму Серболину — и проститесь съ нимъ. Послѣ обѣда, я знаю, что вы пойдете проститься съ Дулиной. Исполните и этотъ долгъ. Предсказываю вамъ много еще съ ея стороны, но время лучшій врачъ и совѣтникъ. Кто знаетъ, въ какомъ положеніи найдете вы дѣла по возвращеніи своемъ въ Петербургъ? Будемте надѣяться на все лучшее. Но, какъ другъ, совѣтую вамъ не огорчать Ивана Ивановича и дочери его. Для нихъ вы *должны* жертвовать собою во всякомъ случаѣ. И теперь, свалите на меня всю вину отъѣзда, но обнаружьте больше привязанности къ нимъ. Помните, что отъ этого зависитъ можетъ-быть жизнь бѣдной дѣвушки, отцу которой вы всѣмъ обязаны. Пусть она разстанется съ вами съ полною увѣренностію, что по возвращеніи своемъ вы будете женихомъ ея. Это утѣшитъ ее, поддержитъ и ожи-

витъ. О другихъ, *послѣобѣденныхъ* вашихъ клятвахъ у ногъ другой красавицы, я ничего не смѣю говорить. Вы теперь довольны, счастливы, почитаете себя связанными своими обѣщаніями, но придетъ время, когда вы почувствуете, что совѣсть неумолимо гложетъ за каждый проступокъ въ жизни. Прощайте! Ввечеру мы увидимся — и займемся дѣлами.

Миша ушелъ — и явился къ Серболину передъ самымъ обѣдомъ. При первыхъ словахъ юноши о вторичномъ отъѣздѣ его, старикъ поблѣднѣлъ, и опустилъ голову. Миша тотчасъ-же вспомнилъ совѣтъ Говарда и сказалъ ему:

— Вы видите, добрый благодѣтель мой, что я не могъ, не смѣлъ отказаться отъ этого порученія, но нужно-ли говорить вамъ, какъ мнѣ грустно уѣхать отсюда. Я обязанъ г. Говарду очень много, но, признаюсь, душевно желалъ бы лучше остаться бѣднымъ сиротою у *васъ* въ домѣ, нежели богачемъ въ разлукѣ съ вами. Есть чувства, о которыхъ я никогда не смѣлъ-бы вамъ говорить и о которыхъ не прежде рѣшусь вамъ сказать что-нибудь, какъ послѣ моего возвращенія, но сердце мое разрывается. Вы меня всегда учили, благодѣтель мой, чтобъ прежде всего исполнять долгъ свой, и я его исполню. Но, какъ-бы ни были дерзки мои мечты, я вамъ ихъ выскажу, когда ворочусь. Каково-бы ни было ваше рѣшеніе, я во всю мою жизнь буду принадлежать вамъ.

Серболинъ молча пожалъ руку юноши. Слезы

навернулись у него на глазахъ, но это были слезы радости. Первое свиданіе съ Мишею привело его въ совершенное отчаяніе. Судьба дочери казалась ему навсегда погибшею — и вѣрно эта одна безсонная ночь, проведенная имъ въ размышленіяхъ, какъ спасти Машу, унесла у него десять лѣтъ жизни и заставила посѣдѣть. Теперь-же слова юноши блеснули ему радостнымъ лучемъ надежды, и еслибъ не неумолимое чувство приличія, онъ бы тотчасъ же бросился въ его объятія и сказалъ ему: возьми, возьми ее! Но условія общественной жизни не позволяли ему даже обнаружить своей радости. Онъ только сказалъ ему:

— Поди-же теверь, милый другъ, къ Машѣ, и зови ее обѣдать; да поразскажи ей о своей новой поѣздкѣ. Только пожалуста не пугай ее. Она у меня что-то нынѣ такъ все слаба.... Вы же съ малолѣтстна жили, какъ братъ съ сестрой.... Не мудрено, что она къ тебѣ привыкла, и будетъ огорчена твоимъ вояжемъ. Ты успокой ее.... У молодыхъ людей всегда такъ много милыхъ фразъ, которыя идутъ прямо къ сердцу.... Убѣди ее быть веселѣе.... Ты не знаешь, какъ меня мучитъ ея состояніе. Я только для нея и живу. Безъ нея, что̀ мнѣ и дѣлать на свѣтѣ....

Старикъ махнулъ рукою, отвернулся и пошелъ въ кабинетъ, чтобъ скрыть свои слезы. А Миша въ раздумьи пошелъ на половину дочери. Та вспыхнула отъ радости, увидя его. Но, бросивъ быстрый взглядъ на физіономію его, выражавшую

недоумѣніе и замѣшательство, она опять поблѣднѣла и опустила голову.

— Иванъ Ивановичъ, — сказалъ Миша, прислалъ меня звать васъ кушать.

— А!... очень рада, — отвѣчала дѣвушка, сама не понимая, что̀ говоритъ. Пойдемте.

— Онъ еще пошелъ переодѣваться, — продолжалъ юноша, и позволилъ мнѣ поговорить съ вами.

— Ахъ!... такъ садитесь, — отвѣчала она, покраснѣвъ опять отъ удовольствія. Чтожъ вы мнѣ новенькаго скажете?

— Мое новое для меня дурно и печально....

— Боже мой! что-же такое? — вскрпчала Маша.

— Я опять ѣду — въ чужіе краи....

Смертная блѣдность разлилась по лицу Маши, и несчастный юноша бросился помогать ей, не кончивъ своей фразы. Но дѣвушка преодолѣла жестокое волненіе чувствъ и съ горькою улыбкою сквозь слезы, сказала ему:

— Добрый путь! Будьте счастливы, Михайло Михайловичъ!

Она закрыла глаза рукою, чтобъ Миша не видалъ ея слезъ. Но тотъ съ жаромъ схватилъ ея руку и сказалъ:

— Можете-ли вы такъ жестоко отвѣчать мнѣ? Могу-ли я быть счастливымъ тамъ, гдѣ *васъ* нѣтъ? Не здѣсь-ли мое счастіе? Не въ васъ-ли оно?

Маша снова покраснѣла и молчала. Грудь ея сильно волновалась, но она вспомнила вчерашнее пустословіе Миши и недовѣрчивость стѣснила ея сердце.

— Не потому-ли вы это говорите, что опять уѣзжаете? — сказала она. Если вы вчера еще ничего не знали объ этомъ внезапномъ отъѣздѣ, то не чувствовали и того, что теперь говорите.

— Я вчера былъ безумный болтунъ, потому что воображалъ навсегда остаться съ вами. Смѣлъ-ли я при первомъ свиданіи и поминать о томъ, что могло только быть извлечено горестною минутою первой разлуки? Но теперь, когда я вторично и ужъ вѣрно въ послѣдній разъ въ жизни долженъ разстаться съ вами, я рѣшусь напомнить вамъ о моихъ чувствахъ и о моей клятвѣ....

Какъ охотно мы обманываемъ сами себя, когда этотъ обманъ намъ пріятенъ! Радостно взглянула Маша на юношу и молча протянула ему руку. Тотъ съ жаромъ осыпалъ ее поцѣлуями.

— Послушайте, Михайло Михайловичъ, — сказала она. Я простая, неопытная дѣвушка, и вѣрю каждому вашему слову. Но, по вчерашнему вашему разговору, я видѣла, что вы не только забыли послѣднее наше свиданіе передъ отъѣздомъ, но и боитесь даже, чтобъ я вамъ не напомнила о немъ. Страхъ вашъ былъ-бы напрасенъ. Я словъ своихъ и клятвъ никогда не забуду, но ужъ вѣрно и не напомню вамъ объ нихъ. Сегодня вдругъ пришли вы съ роковымъ извѣстіемъ о вторичномъ отъѣздѣ — и, празнаюсь, это было для меня новымъ ударомъ. Но вы сказали нѣсколько словъ, и я до того слаба и ослѣплена, что вѣрю вамъ. Судите по этому: помню-ли я свои клятвы

и сохраняю-ли ихъ? Богъ съ вами, если вы меня обманываете.

— Нѣтъ, Марья Ивановна! — вскричалъ юноша. Повѣрьте, что чувства мои тѣже и клятвы мои неизмѣнны. Но, признаюсь, еслибъ не этотъ несчастный и совершенно неожиданный для меня отъѣздъ, то вы не скоро бы услышали отъ меня повтореніе того признанія, которое я осмѣлился сдѣлать при прежнемъ прощаньи. Вы знаете, что Иванъ Ивановичъ больше, нежели благодѣтель мой. Еще вчера съ безпримѣрнымъ великодушіемъ сдѣлалъ онъ меня богатѣйшимъ человѣкомъ. Какъ-же я могъ рѣшиться вдругъ потребовать у него больше, нежели всѣ богатства въ мірѣ, потребовать вашей руки? Нѣтъ! я бы старался преодолѣть свои чувства, чтобъ не показаться неблагодарнымъ. Я бы предоставилъ все судьбѣ. И теперь, уѣзжая опять такъ внезапно, я только вамъ однимъ смѣю выразить мои чувства и повторить клятвы. Ивану Ивановичу я не прежде могу сказать о нихъ, какъ послѣ моего возвращенія, когда убѣждусь, что онъ не оскорбится моею просьбою, и что вы въ это время не перемѣнились въ своихъ чувствахъ ко мнѣ.

— Кажется, въ послѣднемъ можете вы быть увѣрены, — съ нѣжнымъ упрекомъ сказала Маша. Можетъ-быть и въ первомъ легко бы вамъ было убѣдиться, еслибъ вы остались здѣсь на нѣсколько дней, и еслибъ даже теперь рѣшились испытать это. Но я уважаю ваши причины, потому-что вѣрю вашему благородству, да и зачѣмъ-бы было

вамъ въ самомъ дѣлѣ обманывать меня? Хотя вчерашнее свиданіе и навѣяло мнѣ на душу много недовѣрчивости и печали, но я вѣрно неправа. Чтобы могло быть причиною вашей перемѣны? Если вы въ чужихъ краяхъ нашли себѣ дѣвушку лучше меня, то привезли бы ее съ собою, какъ избранную подругу жизни. Если даже дали ей только слово — и ѣдите теперь, чтобъ исполнить его, то неужели бы вы унизились до того, чтобъ скрыть это отъ меня и отъ батюшки? Нѣтъ! измѣнить вы можете мнѣ, но обмануть меня вѣрно не рѣшитесь. Перемѣну чувствъ, измѣну я прощу, но низкаго обмана — никогда. Если вы когда-нибудь перестанете любить меня и скажите объ этомъ откровенно, — я перенесу свое несчастіе. Но если вы скроете отъ меня какой-нибудь гнусный обманъ, я умру, но не прощу вамъ.

Бѣдная дѣвушка такъ увлечена была своимъ объясненіемъ, что не видала блѣдности и смущенія Миши. Съ бóльшею опытностію, она бы поняла всю тайну его сердца; но она умѣла только любить и вѣрить. Смущенный юноша успѣлъ опомниться и отвѣчалъ ей все, что могла внушить ему самая страстная любовь, въ которой онъ впрочемъ нисколько и не притворялся. Онъ все-таки любилъ Машу, какъ подругу своего дѣтства, какъ будущую жену, какъ прелестное и невинное созданіе, могущее составить все счастіе его жизни. Любовь же къ Дулиной была соединена съ какимъ-то страхомъ, лихорадочнымъ бредомъ, самозабвеніемъ.

Маша повѣрила ему во всемъ, подала ему руку,

и поцѣлуй примѣренія окончилъ эту сцену. Вошедшій слуга возвѣстилъ, что Серболинъ ждетъ ихъ за столъ, — и они пошли.

Первый взглядъ, брошенный Серболинымъ на молодыхъ людей, доказалъ ему, что объясненіе между ними кончилось очень хорошо. Это чрезвычайно его обрадовало.

— Слышала ты, Маша, — весело вскричалъ отецъ, садясь за столъ, что нашъ Михайло Михайловичъ опять уѣзжаетъ.

— Какъ-же, папа! — отвѣчала дочь. Наше дѣло — искренно пожелать ему такого-же успѣха, какъ въ прежнюю поѣздку.

— О! За успѣхами у него дѣло не станетъ, — продалжалъ Серболинъ. Но я боюсь, что въ этой поѣздкѣ онъ такъ пристрастится къ чужимъ краямъ, что совсѣмъ забудетъ здѣшнихъ знакомыхъ.

— Ужъ, конечно, не васъ, Иванъ Ивановичъ, — съ чувствомъ отвѣчалъ Ивановъ. Для этого надобно мнѣ превратиться въ одно изъ тѣхъ животныхъ, какими сдѣлались спутники Улисса....

— Хорошо, что я не знаю этой исторіи, — со смѣхомъ отвѣчалъ Серболинъ. Да и Богъ съ нею; я знаю, что русскій человѣкъ не забываетъ ни своей родины, ни добрыхъ друзей. Но молодаго человѣка, гдѣ солнышко ни пригрѣло, тамъ ему и хорошо. Сердце и воображеніе иногда увлекаютъ его далеко. Впрочемъ, нечего заранѣе загадывать. Судьба дѣлаетъ все къ лучшему. Черезъ полгода мы увидимся — и вѣрно никто изъ насъ

не перемѣнится въ это время въ своихъ чувствахъ.

Весь обѣдъ прошелъ въ подобныхъ разговорахъ. Всѣ были довольны по видимому, но всякій имѣлъ особыя причины. Маша довольна была объясненіемъ своего будущаго жениха; Серболинъ былъ радъ отъ того, что дочь его была довольна, а Ивановъ былъ счастливъ, что ему удалось отклонить отъ себя всякія обязательства на будущее время и спастись отъ затрудненій настоящаго. Какъ всѣ нерѣшительные люди, онъ полагалъ, что выигравъ время, онъ все выигрываетъ.

Послѣ обѣда Серболинъ и дочь его надѣялись, что Миша воспользуется обыкновеннымъ отдохновеніемъ отца, чтобъ побыть съ дочерью, но онъ объявилъ, что Говардъ ждетъ его для окончательныхъ распоряженій къ отъѣзду. А потому, тотчасъ послѣ стола произошла обыкновенная прощальная сцена, состоящая изъ извѣстныхъ фразъ, желаній, поцѣлуевъ и объятій, даже съ нѣкоторымъ количествомъ слезъ, послѣ которой Миша ушелъ. Нечего и сказывать куда онъ отправился. Онъ явился къ Дулиной.

Здѣсь онъ предвидѣлъ больше грозы и меньше легковѣрія. Проницательность Дулиной не могла довольствоваться общими фразами. При первыхъ словахъ его объ отъѣздѣ, она устремила на него такой испытующій взглядъ, что юноша покраснѣлъ и смутился.

— Что значитъ вашъ отъѣздъ? говорите правду, — сказала она ему.

— Экстренное, коммерческое дѣло, — отвѣчалъ Ивановъ.

— Отчего-же оно вдругъ возникло? и почему такъ скоро выполняется?

— Совѣтъ компаніи рѣшилъ такъ. Мое дѣло было повиноваться.

— А лично убѣждены-ли вы, что поѣздка необходима въ эту самую минуту?

— Моего убѣжденія никто и не спрашивалъ. Порученіе было слишкомъ важно и лестно, чтобъ отказаться отъ него.

— А чтобы напримѣръ могло случиться, еслибъ вы отказались? — равнодушно спросила Дулина.

— Не знаю, право, — отвѣчалъ съ замѣшательствомъ Миша, можетъ быть выбрали-бы другаго коммиссіонера, а мнѣ-бы сказали, чтобъ я искалъ себѣ другой компаніи.

— Великъ ли теперь вашъ собственный капиталъ?

— Около 950,000 рублей ассигнаціями.

— Можно-ли жить этимъ капиталомъ, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку?

— Я думаю, что можно....

— Такъ вы пріятною и любезною жизнію жертвуете людямъ, которые думаютъ вовсе не о васъ, а о своемъ прибыткѣ? Вы для нихъ бросаете меня, и воображаете, что я это позволю?

— Еслибъ я могъ остаться у вашихъ ногъ, то, разумѣется, былъ бы самымъ счастливымъ человѣкомъ. Къ сожалѣнію, исполненіе долга составляетъ первую обязанность....

— Эхъ! сдѣлайте милость, избавьте отъ фразъ. Я ихъ всѣ наизусть знаю. Полагаете-ли вы, г. исполнитель долга, что какая нибудь обязанность связываетъ васъ со мною?

— Я думаю, что на всю жизнь — самая священная и пріятная....

— Исполните-же ее, и оставайтесь со мною. Вотъ и все. А ваша компанія можетъ искать другихъ коммиссіонеровъ.

— Это невозможно! Богатствомъ своимъ обязанъ я великодушію Ивана Ивановича и добраго моего сира Говарда. Отказаться отъ какого-нибудь порученія, значило-бы оскорбить и того, и другого. А если они узнаютъ о причинѣ, которая побуждаетъ меня остаться....

— Вы думаете, что они узнаютъ?—съ нѣкоторою ироніею сказала Дулина. Ужъ полно, не знаютъ-ли они ее? И не придумали-ли они этой поѣздки нарочно для того, чтобъ оторвать васъ отъ меня?

— Что за мысль? Какъ можетъ Иванъ Ивановичъ — и подумать о подобной причинѣ!

— Да! Конечно!... Но Говардъ? Эта старая лисица давно за мною присматривала. Не мудрено, что онъ все открылъ....

— Какъ можно! — вскричалъ съ ужасомъ Миша, видя себя почти изобличеннымъ. По счастью самая проницательность Дулиной помѣшала ей открыть истину. Ужасъ, изобразившійся на лицѣ юноши, приписала она дѣйствительному страху его отъ одной мысли, что Говардъ можетъ-быть узналъ что-нибудь о интригѣ его съ нею.

— Очень можно, — отвѣчала она. Вѣдь это только вы такъ неопытны, что полагаете, что эти старики совершенно зарылись въ своихъ дѣлахъ и вовсе не занимаются любовными дѣлами. Повѣрьте, и Серболинъ, и Говардъ готовы на всякое волокитство, и отъ всей души завидуютъ каждой побѣдѣ молодаго человѣка. Вѣдь вы разсказывали имъ о нашемъ первомъ свиданіи въ маскарадѣ и о своемъ визитѣ на другой день?...

— Говорилъ, но изъ этого нельзя еще ничего имъ заключить....

— По самому происшествію — нечего; но по лицу разкащика — многое.

— Помилуйте! что я за семилѣтній ребенокъ!...

— Не семилѣтній, а вѣчный, — прервала его Дулина съ нѣкоторою задумчивостію. Да! вы по чувствамъ, по душѣ всегда будете самымъ милымъ и добрымъ ребенкомъ. Дай Богъ, чтобъ такихъ благородныхъ и откровенныхъ характеровъ было побольше на свѣтѣ. Всѣ были-бы счастливѣе отъ этого.

Затронутая струна удовлетвореннаго самолюбія пріятно зазвучала нà-сердцѣ Миши. Онъ съ нѣжностію поцѣловалъ ея руку.

— И такъ вы думаете, — продолжала она, что они ничего не знаютъ?

— Что за мысль?...

Анна Ивановна задумчиво покачала головою.

— Мысль очень естественная, — сказала она. потому что вашъ отъѣздъ неестественъ. Коммиссію, дѣла, выгоды компаніи, порученія, все это

я допускаю, но это могло бы случиться черезъ полгода, черезъ годъ, а теперь, вдругъ, черезъ день,... нѣтъ! Или во всемъ этомъ есть враждебные противъ меня планы, или...

Она не договорила. Ей самой казалось невозможнымъ, несбыточнымъ, чтобъ влюбленный юноша могъ ее обманывать и чтобъ онъ самъ былъ въ заговорѣ противъ собственнаго своего счастія и любви.

Миша тоже молчалъ, и только цѣловалъ ея руку.

— И такъ, вы не можете и не хотите остаться со мною? — продолжала Дулина. Это большое несчастіе для меня, а больше для васъ. Помните, что вы клялись меня любить *до гроба.* Вы должны сдержать эту клятву. Если бы я могла имѣть хотя малѣйшее подозрѣніе, что отъѣздъ вашъ придуманъ только для того, чтобъ бѣжать отъ меня, то не пустила бы васъ. Но любовь всегда довѣрчива и всегда ослѣплѣна. Такъ и быть! Надобно покориться судьбѣ. Поѣзжайте. Я не говорю вамъ: *не забудьте меня!* Это не возможно! Но требую, чтобъ вы чаще ко мнѣ писали. Когда вы воротитесь, то Богъ вѣсть въ какомъ новомъ положеніи найдете меня. Могу васъ только увѣрить, что чувства мои не измѣнятся никогда. Будущее неизвѣстно, но помните, что ваше сердце принадлежитъ мнѣ, и что я его никому не уступлю, иначе какъ съ моею жизнію. Вы сами себѣ выбрали этотъ жребій. Заранѣе покоритесь ему, потому-что всякая попытка освободиться отъ этихъ узъ, еще болѣе ихъ сблизитъ.

Вмѣсто отвѣта, Миша напечатлѣлъ самый жаркій поцѣлуй на пылающей щекѣ своей прелестн собесѣдницы.

VIII.

Чрезъ нѣсколько дней Миша уѣхалъ.

Вседневная дѣятельность въ торговыхъ, матеріальныхъ занятіяхъ вскорѣ разсѣяла мечты любви. Въ праздныя свои минуты могъ онъ уже хладнокровнѣе обдумать свое положеніе. Неиспорченное сердце его, увлеченное минутнымъ порывомъ страсти, чувствовало сильное угрызеніе при воспоминаніи о любви своей къ Дулиной. Онъ ясно видѣлъ всю виновность этоіі страсти, хотя она и льстила его чувственности и самолюбію. Съ другой стороны чувствовалъ онъ, что не смотря на это минутное обаяніе, онъ не въ силахъ забыть Маши. Еще недавно союзъ съ нею казался ему конечно несбыточною мечтою; но теперь онъ видѣлъ, что судьба такъ неожиданно и блистательно сблизила его съ предметомъ первой своеіі юношеской страсти, теперь понималъ онъ, что и дочь, и отецъ рады будутъ сватовству его и что этотъ бракъ составитъ все счастье его жизни. Но Дулина!... Это имя, образъ этоіі женщины, при всей своеіі прелести, явился ему грознымъ привидѣніемъ, которое теперь неумолимо стояло между нимъ и Машею. Онъ истощалъ всѣ усилія своего воображенія, чтобъ придумать средство какъ рас-

торгнуть оковы, которыми Дулина обременила его, напрасно! Ужасныя слова ея: *вы клялись любить меня до гроба; я не уступлю вашего сердца иначе, какъ съ моею жизнію* — безпрестано раздавались въ ушахъ его, какъ громовой приговоръ. Слѣпо покорился онъ покуда своей участи, и какъ всѣ нерѣшительные люди, всего ждалъ отъ будущаго, будучи очень доволенъ, что выигралъ почти годъ времени. Хотя онъ и ясно предвидѣлъ, что по возвращеніи своемъ встрѣтитъ большія несчастія, но надѣялся, что до тѣхъ поръ судьба пошлетъ ему какое нибудь средство къ спасенію.

Не будемъ слѣдовать за нимъ и въ этомъ новомъ путешествіи. Торговля и товаровѣденіе не принадлежатъ къ сферѣ беллетристики. Скажемъ только, что на этотъ разъ онъ отправился сухимъ путемъ черезъ Германію и Францію, и что по рекомендательнымъ письмамъ лучшихъ петербургскихъ торговыхъ домовъ, онъ вездѣ былъ принятъ наилучшимъ образомъ, и имѣлъ полный успѣхъ въ данномъ ему порученіи. Когда-же пріѣхалъ въ Англію, то всѣ прежніе знакомцы были въ восторгѣ отъ его возвращенія, и всѣми силами содѣйствовали къ успѣху его предпріятія.

Не прежде августа слѣдующаго года могъ онъ воротиться въ Петербургъ. Разумѣется, во все это время писалъ онъ часто письма къ Говарду, Серболину съ приписками къ Машѣ и къ Дулиной, а равно и отъ нихъ по временамъ получалъ письма. Одно изъ нихъ, которое залежалось на лондонской почтѣ мѣсяца два (потому что онъ находился въ без-

престанныхъ разъѣздахъ и просилъ писать *poste restante*) чрезвычайно взволновало его. Оно было отъ Дулиной, которая увѣдомляла, что мужъ ея скончался и что она вдова. Больше ничего она не говорила. Ни малѣйшихъ сужденій, ни искры воспоминаній, ни слова о прежнихъ отношеніяхъ.

Грустно задумался нашъ Миша. Онъ надѣялся на судьбу, на время — и они ему помогли. Но эта нечаянная помощь ставила его еще въ бо̀льшее затрудненіе. Теперь онъ уже въ совершенной власти Дулиной, и если она сохранила къ нему прежнія свои чувства, то никогда уже не допуститъ его до союза съ Серболиной. Оставить-же Машу и женится на Дулиной, этого онъ никакъ не хотѣлъ. Судьба, давшая Дулиной свободу, кажется сдѣлала Машу еще дороже и прелестнѣе въ глазахъ Миши. Теперь только онъ вполнѣ почувствовалъ, что страсть его къ Дулиной была обманомъ чувствъ и воображенія, а любовь къ Машѣ внушеніе сердца и природы. Теперь онъ вовсе не радовался, что найдетъ Дулину совершенно свободною, а чувствовалъ какой-то страхъ, какъ бы предвѣстникъ бѣдъ.

Съ стѣсненнымъ сердцемъ прибылъ онъ въ Петербургъ, и прежде всего, разумѣется, явился къ доброму своему патрону Говарду. Тутъ прежде всего занялся онъ цыфрами и отчетомъ о своемъ путешествіи. Результатъ поѣздки былъ самый блистательный. Компанія пріобрѣла значительныя выгоды, потому-что на долю Миши приходилось до 2,000 фунт. стерлинговъ.

Когда счетныя дѣла были приведены въ ясность, то Миша видимо старался склонить разговоръ на собственныя свои обстоятельства — и спросилъ о состояніи здоровья Серболина.

— Здоровъ, — отвѣчалъ Говардъ съ нѣкоторою холодностію, и опять въ прошломъ мѣсяцѣ отправился на макарьевскую ярмарку. Я думаю, скоро назадъ будетъ.

Послѣ этихъ словъ, Говардъ продолжалъ опять разпросы о путешествіи Миши. Тотъ нѣсколько пораженъ былъ тономъ Говарда и уклончивостію его отъ этого разговора, но отвѣчалъ на всѣ новые его вопросы, которые видимо были однимъ предлогомъ, чтобъ не входить въ подробности по тому предмету, о которомъ Мишѣ такъ узнать хотѣлось.

Чрезъ нѣсколько времени, онъ еще разъ обратился съ вопросомъ къ Говарду:

— А г-жа Дулина овдовѣла?

Сурово взглянулъ на него старикъ и съ нѣкоторымъ печальнымъ неудовольствіемъ спросилъ у него:

— А она къ вамъ писала объ этомъ?

— Да!—отвѣчалъ съ замѣшательствомъ Миша. Всѣ они писали ко мнѣ, но по странному случаю письмо г-жи Дулиной залежалось на почтѣ болѣе двухъ мѣсяцовъ: я тогда ѣздилъ въ Манчестеръ и Бирмингамъ.

— Отвѣчали вы ей?

— Нѣтъ! Письмо было почти оффиціальное, и

не требовало никакого отвѣта. Я-же получилъ его за мѣсяцъ до отъѣзда.

— Послушайте, любезный Михайло Михайловичъ, сказалъ Говардъ, взявъ руку Миши съ сердечнымъ участіемъ. Вы вѣрно замѣтили, при первомъ вашемъ вопросѣ, что мнѣ не хотѣлось отвѣчать вамъ. А еще болѣе удивились вы моей холодности, которую я вамъ обнаружилъ и которая вовсе не соотвѣтствуетъ сердечнымъ моимъ къ вамъ чувствамъ. Судите-же, какъ я старался избѣжать объясненій по этому непріятному предмету. Но вижу, что я неправъ. Можетъ-быть, по чувству эгоизма желалъ я, чтобъ кто-нибудь другой сообщилъ вамъ всѣ новости, которыхъ вы съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаете. Такъ и быть! Судьбы своей не избѣжишь. Годъ тому назадъ думалъ я, что поступилъ удивительно умно, что спасъ васъ изъ затруднительнаго состоянія, въ которомъ вы находились. Но, кажется, я ошибся. Еслибъ вы остались здѣсь, то можетъ-быть дѣла бы пошли иначе, вѣроятно даже лучше нежели они теперь пойдутъ, потому-что хуже быть не могутъ....

— Боже мой! Вы меня пугаете! — вскричалъ встревоженный юноша. Что же случилось?

— Особеннаго ничего. Все, что мы ежедневно видимъ на свѣтѣ; но для васъ, добрый мой Михайло Михайловичъ, случилось очень непріятное и несчастливое. Вы изъ харибды попали въ сциллу, или, какъ ваши соотечественники говорятъ, *изъ огня да въ полымя.* Вы бѣжали изъ затруднительнаго и щекотливаго состоянія, а воротились

къ самому критическому, въ которомъ я уже и не придумаю, чтò дѣлать и чтò начать.

— Тогда я, значитъ, погибъ! — сказалъ Миша печально склоня голову.

— И вотъ, чтò значитъ одна минута самозабвенія молодости! — продолжалъ съ состраданіемъ Говардъ. Но къ чему упреки и безполезныя поученія? Спасайтесь, если можете, а я уже отказываюсь отъ всякихъ совѣтовъ.

Но вы все еще не сказали мнѣ въ чемъ дѣло,— съ опасеніемъ сказалъ Миша. По всему вижу, что оно касается до Дулиной и Серболиной.

— Разумѣется, — отвѣчалъ Говардъ. Когда вы пріѣхали, то я надѣялся, что по молодости и нетерпѣнію отправитесь въ домъ Серболина, чтобъ узнать тамъ объ участи любимыхъ особъ, и узнали бы тамъ, чего мнѣ не хотѣлось вамъ сказать первому. По счастью, вы все еще тотъ-же юноша, который прежде всего думаетъ объ исполненіи долга, и вы пришли ко мнѣ, отложа свои сердечныя дѣла.

— Могли-ль вы въ этомъ сомнѣваться?

— Признаюсь, на этотъ разъ, я бы лучше хотѣлъ видѣть противное. Но такъ и быть! Узнайте-же отъ меня роковую новость. Вдова ваша г-жа Дулина — снова вышла за мужъ.

Миша почти радостно вскрикнулъ.

— Какъ! И это-то называете вы несчастіемъ! сказалъ онъ.

— Да, милый Михайло Михайловичъ! — печально продолжалъ Говардъ. Это самое! Но чтобъ по-

нять все свое несчастіе, стóитъ вамъ узнать только, за *кого* она вышла.

— За кого-же?

— За Ивана Ивановича Серболина.

Съ нѣмымъ, безотчетнымъ ужасомъ посмотрѣлъ Миша на Говарда. Недоумѣніе и отчаяніе выразились во взорахъ его. Онъ какъ-будто не понялъ ужасныхъ словъ своего собесѣдника, какъ-будто ожидалъ еще какого-то объясненія, подтвержденія. Но тотъ печально молчалъ, — предоставивъ ему самому сообразить свое несчастное положеніе.

Глубокой вздохъ облегчилъ наконецъ стѣсненную грудь Миши, и послѣ долговременнаго молчанія — онъ сказалъ.

— Вы правы, добрый мой сиръ Говардъ. Извѣстіе ваше ужасно. Понимаю, что я рѣшительно погибъ, и никакая мысль о спасеніи не представляется моему уму. Но скажите, ради Бога, какъ это случилось? Какъ это могло случиться?

— Ваша Дулина — очень хитрая и дальновидная женщина, — отвѣчалъ Говардъ. Она еще до перваго своего брака имѣла планы на Серболина, но тотъ не довольно скоро попалъ въ ея сѣти. Ей нуженъ былъ мужъ, нужно было имя, богатство, и Дулинъ былъ наилучшимъ временнымъ орудіемъ ея плановъ. Вдругъ онъ умеръ, и еслибъ вы тутъ были, то вѣроятно она бы принудила васъ на ней жениться, или въ случаѣ рѣшительнаго сопротивленія, произошелъ бы между вами вѣчный разрывъ, который принудилъ бы ее

оставить васъ навсегда въ покоѣ. Но васъ не было, а ей можетъ-быть хотѣлось положить вѣчную преграду между вами и Машею Серболиной — и потому всѣ свои хитрыя нападенія обратила она на Ивана Ивановича. Подъ предлогомъ дружбы къ Машѣ, уѣхала она съ ними на макарьевскую ярмарку — и дорогою гдѣ-то обвѣнчалась. Бѣдный Серболинъ увѣдомилъ меня объ этомъ, и въ эту минуту я увѣренъ, что молодая его жена точно также овладѣла имъ, какъ покойнымъ своимъ Дулинымъ. О! еслибъ вы знали какъ мнѣ больно паденіе этого человѣка. Это одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которые благородствомъ своего характера, не только дѣлаютъ честь своей націи, но и всему человѣчеству. По нашимъ дружескимъ связямъ съ давнихъ лѣтъ, онъ даже мнѣ съ насмѣшкою бывало разсказывалъ о разныхъ хитростяхъ молодой гувернантки своей дочери, чтобъ понравиться ему, — и мы тогда еще догадывались о ея планахъ, но все по видимому кончилось бракомъ ея съ Дулинымъ. И вдругъ — все это перемѣнилось. Бѣдный мой Серболинъ палъ, и всего грустнѣе мнѣ то, что тайною цѣлію новаго брака этой женщины — были вы. Серболинъ этого не знаетъ, и никогда не долженъ знать. Но вы, какъ поступите вы? Я слишкомъ хорошо васъ знаю, чтобъ на минуту усомниться въ васъ. Малѣйшій знакъ любви этой женщины, вы вѣрно почтете теперь святотатствомъ. Какъ пылкій юноша, вы могли увлечься минутною страстію къ женѣ Дулина, но супруга Серболина, ва-

шего втораго отца и благодѣтеля, будетъ, конечно, для васъ священна....

— О! ради Бога, перестаньте! — съ какимъ-то ужасомъ вскричалъ юноша. Не доводите меня до отчаянія. Я теперь вижу ясно всю свою вину по ея послѣдствіямъ. Я не только погубилъ самъ себя, но еще вовлекъ въ несчастіе доброе и прелестное созданіе, милую мою Машу. Нужно-ли говорить, что я свято исполню мой долгъ, и что буду избѣгать всякаго сближенія съ женою своего благодѣтеля, какъ прикосновенія къ раскаленному желѣзу. Но это-то самое раздражитъ ее, и она положитъ непреодолимыя преграды между мною и Машею: я бы не достоенъ былъ жить на свѣтѣ, если-бы сохранилъ хоть искру любви къ бывшей женѣ Дулина, но если съ другой стороны и Маша узнаетъ, что я былъ ей не вѣренъ хоть на минуту, то я навсегда потерялъ ее.

— Ну! въ этомъ отношеніи она будетъ неправа, — сказалъ Говардъ. Нельзя требовать отъ молодаго мужчины, чтобъ онъ до брака не имѣлъ какой-нибудь склонности. Но главнымъ препятствіемъ тутъ будетъ самъ Сербалинъ. Если онъ когда-нибудь узнаетъ о вашей любви къ бывшей г-жѣ Дулиной, то онъ навсегда откажется отъ вашего знакомства.

— Погибъ, совершенно погибъ! — съ отчаяніемъ вскричалъ Миша, закрывъ лице руками.

— Я конечно не буду утѣшать васъ пустыми фразами, — сказалъ Говардъ. Но не вижу еще и

необходимости приходитъ въ совершенное отчаяніе. Истинное мужество познается только въ критическія минуты опасности. Бѣжать отъ нея, уступать ей, дѣло малодушія. Идите смѣло и твердо навстрѣчу грозы. Исполняйте свой долгъ, и можетъ-быть сама судьба сжалится надъ вами. Я можетъ-быть слишкомъ строго осудилъ нынѣшнюю г-жу Серболину. Можетъ-быть, у ней нѣтъ и помышленія сдѣлать вамъ зло, или требовать продолженія вашей любви. Можетъ-быть она, также какъ и вы, намѣрена строго исполнять долгъ свой. Вѣроятно, при первомъ-же съ нею свиданіи вы все это увидите и поймете. Я, конечно, отстраняюсь отъ всякихъ совѣтовъ по этому дѣлу, но вы сами придумаете, что̀ дѣлать — и можетъ-быть лучше меня. Самые лучшіе планы дѣлаются на полѣ сраженія. Успокойтесь-же, и ожидайте грозы безъ страха. Кто не хитритъ съ собственною своею совѣстью, тотъ всегда выйдетъ побѣдителемъ изъ борьбы со страстями. Будьте неумолимы къ самому себѣ, но снисходительны къ этой женщинѣ. Не подавайте ей ни малѣйшихъ надеждъ, но не приводите въ отчаяніе, которое въ состояніи посягнуть на все. Старайтесь убѣдить ее, образумить, успокоить и заставить почувствовать всю цѣну добродѣтели. У женщинъ всегда много запаса истинной доброты и чувствъ, доищитесь въ сердцѣ ея до этой струны и заставьте, чтобъ она сама старалась о вашемъ соединеніи съ Машею. Вотъ всѣ мои вамъ совѣты и наставленія. Помните однако, что мы въ послѣдній разъ съ вами го-

воримъ объ этомъ предметѣ. Я только тогда буду вполнѣ доволенъ вами и счастливъ, когда вы придете ко мнѣ и скажете: поздравь меня, добрый мой Говардъ! я женюсь на Машѣ!

Почти рыдая, бросился юноша въ объятія благороднаго британца, который съ жаромъ прижалъ его ко груди своей.

Можно вообразить себѣ какъ мучительно провелъ Миша все время до пріѣзда Серболина. Съ нетерпѣніемъ и страхомъ ожидалъ онъ этого роковаго дня. Принужденный заниматься всегдашними своими цыфрами и торговыми дѣлами, онъ мало по малу пріобрѣталъ бодрость и хладнокровіе. Положеніе его все еще казалось ему критическимъ, но уже не отчаяннымъ. Онъ уже успѣлъ расчитать и взвѣсить всѣ будущія сцены, разговоры и обоюдныя требованія. Онъ мало надѣялся на добродушіе Анны Ивановны, но по самолюбію, сродному человѣческой натурѣ, основывалъ большія надежды на свою твердость и свое краснорѣчіе. Онъ твердо предположилъ въ умѣ своемъ, что непремѣнно женится на Машѣ — и образумитъ Серболину.

Наконецъ насталъ и роковой день. Серболинъ пріѣхалъ, и Миша тотчасъ-же явился къ нему. Съ перваго шага увидѣлъ онъ всѣ домашнія преобразованія, которыя ввела новая хозяйка. У Ивана Ивановича не было уже своего отдѣльнаго кабинета, куда бывало приходили по утрамъ посѣтители поговорить по дѣламъ торговли; теперь Анна Ивановна поселилась въ немъ постоянно.

Она говорила, что такъ любитъ мужа своего, что не намѣрена проводить каждое утро отдѣльно отъ него, и что хочетъ участвовать во всѣхъ его коммерческихъ секретахъ, чтобъ научиться всему. Такимъ образомъ, кто хотѣлъ видѣть Ивана Ивановича, долженъ былъ по неволѣ видѣться и говорить съ его молодою супругою — и слушать ея мнѣнія и замѣчанія. Серболинъ покорился этимъ условіямъ. Онъ съ перваго шага увидѣлъ, что всякое сопротивленіе Аннѣ Ивановнѣ было-бы безполезно. Управленіе всѣмъ домомъ, всѣмъ хозяйствомъ — взяла Анна Ивановна тоже на свое попеченіе, и служители видѣли теперь, что надобно повиноваться и угождать ей одной.

Когда Миша пришелъ, (это было по утру), то въ кабинетѣ Серболина была и Анна Ивановна. Радушно, хотя съ нѣкоторымъ смущеніемъ принялъ его старикъ; весело и дружественно привѣтствовала его молодая супруга. Миша чувствовалъ нѣкоторое затрудненіе, поздравилъ своего благодѣтеля со вступленіемъ въ счастливый бракъ. Самъ Серболинъ невольно покраснѣлъ отъ этого поздравленія. Но Анна Иванова безъ малѣйшаго смущенія приняла обычныя фразы посѣтителя.

— Вы вѣрно никакъ не ожидали этой новости? — сказала она ему.

— Признаюсь.... я.... — съ замѣшательствомъ отвѣчалъ Миша.

— Вы гдѣ узнали о нашей свадьбѣ? Здѣсь, или въ чужихъ краяхъ? — спросила она его беззаботно.

— Здѣсь, по прiѣздѣ.... Г. Говардъ сообщилъ мнѣ эту прiятную новость.

Анна Ивановна бросила быстрый, незамѣтный взглядъ на юношу, чтобъ уловить выраженie его лица при словѣ *прiятный*. Она надѣялась увидѣть оттѣнокъ досады, сердечнаго волненiя, но физiономiя Миши была учтиво-оффицiальная.

— Да! судьба соединила насъ опять въ одно семейство, какъ за два года передъ этимъ, — продолжала она. Надѣюсь, что вы будете, какъ тогда, нашимъ вседневнымъ, домашнимъ гостемъ. Вы съ малолѣтства принадлежали къ этому дому, и каковы-бы ни были ваши постороннiя обязанности, мы увѣрены, что вы будете по прежнему любить насъ. Мы-же, ни я, ни Иванъ Ивановичъ, конечно, никогда не измѣнимся въ нашихъ къ вамъ чувствахъ....

— У! Какiя фразы! — прервалъ ее, смѣясь, Серболинъ. — Нѣтъ, дружокъ Анета, мы съ Михайломъ Михайловичемъ привыкли говорить и дѣйствовавать просто. Не такъ-ли, братъ? — продолжалъ онъ, обратясь къ Мишѣ и протягивая ему свою руку. Ты будешь по прежнему любить насъ и навѣщать насъ всякiй день. Сегодня, разумѣется, придешь обѣдать....

— А передъ обѣдомъ, — прервала его Анна Ивановна, вы зайдете на нашу половину, какъ помните бывало. Вы еще не видали добрую нашу Машеньку. Теперь вамъ конечно нѣкогда, а передъ обѣдомъ мы наговоримся съ вами вмѣстѣ съ нею.

Это почти значию, чтобъ убираться. Миша съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Серболина, который, какъ будто понялъ его мысль, и сказалъ:

— Вотъ мило! — Да когда-жъ я съ нимъ поговорю? Вы будете заниматься милою болтовнею, а мнѣ его надобно распросить обо всемъ, что дѣлается въ чужихъ краяхъ.

— Ахъ, Боже мой! — отвѣчала Анна Ивановна. Да кто вамъ мѣшаетъ говорить теперь хоть цѣлое утро? Развѣ я мѣшаю? Развѣ въ вашихъ разговорахъ будутъ секреты, которыхъ я знать не должна?

— О нѣтъ, дружокъ! — сказалъ Серболинъ. Я знаю, что ты большая охотница до коммерческой науки и не хуже всякаго купца знаешь товаровѣденіе. Но ты сказала, что Михайлу Михайловичу теперь нѣкогда разговаривать.

— Развѣ я сказала, что ему нѣкогда? — смѣясь отвѣчала Серболина. Какая я разсѣянная! Я хотѣла сказать, что Машѣ теперь нельзя.

— Почему же? чѣмъ она теперь занята? — спросилъ отецъ.

— А! вотъ это уже принадлежитъ къ женскимъ секретамъ, которыхъ вы, мой милый другъ, не должны знать. Нельзя, да и все. А передъ обѣдомъ будетъ можно. Понимаете!

— Нѣтъ! не понимаю, а повинуюсь поневолѣ. — съ принужденною улыбкою отвѣчалъ мужъ.

— Такъ-то и лучше. Женщины могутъ все знать, что касается до мущинъ, но мужчины должны многаго не знать въ женскихъ тайнахъ.

— А я такъ думалъ напротивъ, — сказалъ Серболинъ. Но пусть будетъ по твоему, если тебѣ этого хочется.

— Нѣтъ! мы сошлемся на третейскій судъ, — отвѣчала Анна Ивановна. Пусть Михайло Михайловичъ рѣшитъ, кто правъ изъ насъ.

— Я слишкомъ хорошо знаю правила учтивости, — сказалъ Миша, чтобъ оспаривать васъ....

— Послушайте, Михайло Михайловичъ, — прервала его Серболина, нѣжно грозя ему пальчикомъ. Да ваша фраза почти тоже, что приговоръ противъ меня.

— О нѣтъ, Анна Ивановна! — сказалъ хладнокровно юноша! Напротивъ, хотя-бы я внутренно чувствовалъ, что ваше мнѣніе — чистый парадоксъ, я и тутъ утверждалъ-бы съ большимъ убѣжденіемъ, что мужчины не все должны знать на счетъ женщинъ.

Казалось, молніи блеснули изъ глазъ Серболиной. Она вспыхнула, но совершенно хладнокровно отвѣчала, обратясь къ мужу.

— Вотъ видишь-ли, милый другъ мой, что я права; третейскій судъ рѣшилъ дѣло въ мою пользу, а противъ него, ты знаешь, нѣтъ аппеляціи.

— Да! — отвѣчалъ со вздохомъ Серболинъ. Я понимаю мысль Михайла Михайловича, и тоже чувствую, что онъ правъ въ нѣкоторомъ отношеніи. Если мужчины будутъ знать всѣ женскія тайны, то женщинамъ будетъ плохое житье на свѣ-

тѣ. Только эта высокая истина — вовсе нейдетъ къ дѣлу въ нашемъ семействѣ....

— Э! Боже мой! — прервала его жена. Зачѣмъ говорить объ исключеніяхъ, а не объ общихъ правилахъ?... однакоже, я виновата! Своею пустою болтовнею я вамъ мѣшаю заняться вашими дѣльными разговорами. Пожалуста начинайте ихъ, и я поучусь у васъ коммерческимъ секретамъ.

— Едва-ли вы узнаете что-нибудь новое изъ нашихъ разговоровъ, — сказалъ Миша, тогда-какъ разговоръ съ дамой всегда занимателенъ и поучителенъ....

Быстрый взглядъ Анны Ивановны прервалъ слова юноши. Онъ замолчалъ, а Серболинъ, начавъ его распрашивать о торговыхъ дѣйствіяхъ его во время путешествія, избавилъ его отъ дальнѣйшихъ затрудненій.

Разговоръ между мужчинами не могъ продолжаться долго. Присутствіе Серболиной, казалось, связывало ихъ. Она по видимому вовсе не занималась ими; то выходила изъ комнаты, то входила опять, напѣвала что-то, перебирала, работала, но оба разговаривавшіе чувствовали себя подъ вліяніемъ этого проницательнаго взгляда, который изрѣдка и непримѣтно падалъ на каждаго изъ нихъ. Оба они почему-то безсознательно понимали, что взглядъ этотъ выражаетъ нетерпѣніе и желаніе прекратить разговоръ, — но оба чувствовали въ себѣ какую-то необходимость обнаружить свое сопротивленіе и доказать свое неповиновеніе къ

этому самовольству. А потому, какъ ни вяло, ни безсвязно тянулся этотъ разговоръ, но они старались его поддержать, — и Серболинъ нѣсколько разъ останавливалъ Мишу, хотѣвшаго уже уйти отъ скуки и утомленія. Наконецъ они разстались, чтобъ часа черезъ три опять сойтись.

Но Мишѣ предстояло до тѣхъ поръ еще труднѣйшее испытаніе. За часъ передъ обѣдомъ явился онъ на женскую половину, и въ комнатѣ Машѣ нашелъ разумѣется и Серболину. Теперь она уже была полною хозяйкою здѣсь, тогда-какъ прежде представляла только второстепенное лицо гувернантки, бѣдной, незначущей сироты, блиставшей только одною красотою.

Съ радостными восклицаніями встрѣтила Анна Ивановна посѣтителя, тогда-какъ Маша покраснѣла и смутилась. Юноша тоже ощущалъ сильное волненіе, но старался преодолѣть себя. Одна Серболина казалась спокойною и веселою. На лицѣ ея не видно было и тѣни той бури, которая кипѣла въ ея сердцѣ.

Никакого искренняго, сердечнаго изліянія не могло уже произойти между давно невидавшимися любовниками, потому-что третье лицо такъ неумолимо втиралось посреди ихъ. Только взоры ихъ встрѣчали любовь, но слова были взвѣшиваемы на холодныхъ вѣсахъ приличія.

Съ нѣкоторымъ торжествомъ смотрѣла Анна Ивановна на это затруднительное состояніе любовниковъ и казалась гордымъ, неумолимымъ по-

обидителемъ, любующимся униженіемъ побѣжденныхъ.

— Боже мой! — воскричала она весело. Давно-ли, кажется, мы принимали васъ здѣсь, Михайло Михайловичъ, украдкою? Давно-ли я была наивною посредницею двухъ невинныхъ сердецъ, скованныхъ какими-то глупыми условіями долга и приличія? Кажется не прошло и двухъ недѣль, а какъ много съ тѣхъ поръ перемѣнилась! Неправда-ли?

Вопросъ этотъ относился къ Мишѣ, и тотъ довольно равнодушно отвѣчалъ ей:

— Я не вижу большой перемѣны. — Ваше новое здѣсь званіе мачихи вѣрно не заставитъ васъ перемѣниться на счетъ участія, которое вы прежде принимали въ судьбѣ нашей и любви. Вѣрно вы и теперь не откажете намъ въ своемъ покровительствѣ....

Серболина вспыхнула, какъ огонь отъ этихъ неожиданныхъ словъ. Взглядъ, брошенный ею на Мишу, блеснулъ какъ молнія и выразилъ ему, что ударъ, который онъ нанесъ, былъ мѣтокъ и жестокъ. Но она тотчасъ-же опомнилась — и съ принужденнымъ смѣхомъ отвѣчала:

— О, да какъ вояжъ измѣнилъ васъ, любезный Михайло Михайловичъ! — Давно-ли, кажется, въ этой самой комнатѣ не могла я убѣдить васъ открыть свое сердце милой моей Машенькѣ. Вы такъ мало понимали тогда слово любовь, что все твердили мнѣ о какомъ-то долгѣ благодарности, и клялись мнѣ, что ни за что въ свѣтѣ не будете

просить руки ея; теперь, объѣхавъ Европу, вы заговорили совсѣмъ другое. Ужъ конечно во время отсутствія не могла въ васъ усилиться любовь. Человѣкъ, который цѣлый годъ занятъ былъ одними цыфрами и торговыми хлопотами, не могъ думать о петербургскихъ знакомствахъ. Молодой, богатый путешественникъ, котораго вездѣ на рукахъ носили, ужъ конечно нашелъ себѣ хорошенькую миссъ, или фрейлейнъ, которая заставила его забыть своихъ соотечественницъ. Когда-же онъ воротился съ развитою образованностію, то ему вздумалось опять начать забытую свою склонность, чтобы имѣть какое-нибудь занятіе. О нѣтъ, г. вояжеръ! Наши русскія дѣвушки не такъ глупы. Я сама теперь довольно опытна, чтобы судить о любви, и предупреждаю васъ, что я на этотъ счетъ неумолима.

Послѣдняя фраза была сказана Анною Ивановною съ такою выразительностію, что Миша содрогнулся. Онъ очень хорошо понялъ ее. Но, рѣшась уже однажды на строгое исполненіе своего долга, онъ съ улыбкою отвѣчалъ.

— Простите меня, Анна Ивановна, но вы говорите все софизмы. Вы какъ будто сомнѣваетесь въ искренности моей страсти къ Марьѣ Ивановнѣ. Напрасно! Если два года тому назадъ не имѣлъ я смѣлости просить руки ея, то уже конечно не по недостотку любви, а потому-что будучи бѣднымъ сиротою, который обязанъ былъ всѣмъ благодѣяніямъ Ивана Ивановича, я боялся оскорбить его моимъ сватовствомъ, которое въ глазахъ каж-

[illegible] Марья [illegible] [illegible] Иванъ Ивановичъ [illegible] Марьи Ивановны. [illegible] Ивану Ивановичу. [illegible] Марьи Ивановны [illegible] у Ивана Ивановича [illegible] самый счастливый [illegible]. Согласны-ли вы ска-зать это?

Невскій былъ не въ состояніи выразить чувствъ. Страдавшей во время этого монолога Ми-ны. Всѣ великолѣпныя зданія, созданныя ея вообра-женіемъ, разрушались съ каждымъ его словомъ, и когда онъ кончилъ, то она, забывъ все свое притворство, опустила голову на грудь, какъ убитая. У нея не было ни словъ, ни мысли. Мерт-венный холодъ сжалъ ея сердце, желѣзная рука придавила гордое ея чело. Она не чувствовала, что двѣ крупныя слезы катились по блѣднымъ щекамъ ея. Для чегожъ она жила? Для чего соз-

давала всѣ хитрые планы? Тотъ, кто былъ предметомъ ея первой и пламенной любви, тотъ съ убійственною холодностію и въ присутствіи соперницы объявлялъ ей, что сердце его принадлежитъ другой. О, это была ужасная, невыразимая минута!

Несчастный понималъ ея положеніе и свою жестокость, но оставался непоколебимъ, зная, что малѣйшая надежда, данная ей, погубитъ всѣхъ.

Одна Маша не понимала ужаснаго смысла этой сцены. Сначала смущеніе помѣшало ей вмѣшаться въ разговоръ, котораго она никакъ не ожидала. Сладостный восторгъ наполнилъ душу ея, когда она услышала роковую просьбу юноши, требующаго руки ея. Всѣ ея долговременныя страданія были забыты, всѣ тайныя невольныя сомнѣнія — исчезли. Благородный товарищъ дѣтскихъ лѣтъ ея, съ перваго шага, съ первой минуты своего возвращенія доказывалъ ей всю свою искреннюю и пламенную любовь. Не понимая волненія, происходившаго въ сердцѣ Анны Ивановны, а видя только внезапную ея задумчивость и текущія слезы, Маша вообразила себѣ, что это происходитъ отъ душевнаго къ ней участія. Отъ этого и у самой Машѣ навернулись слезы. Она съ нѣжностію подошла къ Серболиной, и тихо обнявъ ее, прошептала.

— О! благодарю васъ добрая моя Анета, за ваше участіе. Вы сами тронуты моимъ счастіемъ.... Скажите ему что-нибудь, успокойте его....

Это прикосновеніе, эти слова какъ-бы пробуди-

ли ее ото сна. Глубокій вздохъ облегчилъ грудь ея. Быстро окинула она взоромъ обоихъ любовниковъ, горько улыбнулась и отерла слезу.

— Боже мой! — сказала она съ задумчивою веселостію, какъ эти гг. любовники заразительны! Слушая Михайла Михайловича, я вдругъ почувствовала, что собственная моя жизнь погибла безъ любви. Всякой знаетъ, что первый мой бракъ былъ только расчетомъ бѣдной дѣвушки, которая хотѣла себѣ найти независимое состояніе и обезпеченіе въ будущемъ. Второй мой бракъ, конечно, тоже не по страсти, а во первыхъ изъ благодарности къ тому, кто призрѣлъ мою молодость и далъ средства къ существованію; во вторыхъ, по дружбѣ и привычкѣ къ прелестной моей Машѣ. Въ новомъ своемъ положеніи, я могу посвятить всю жизнь этимъ двумъ любимымъ особамъ, но все-таки жизнь моя погибла безъ любви. Все равно! надобно покориться своей участи. Слова Михайла Михайловича тронули меня до слезъ. Я вижу теперь, что любовь его искренняя и постоянная. Нечего и говорить объ участіи моемъ къ вамъ обоимъ. Я непремѣнно постараюсь на дняхъ поговорить съ Иваномъ Ивановичемъ объ этомъ дѣлѣ. Но дайте намъ опомниться отъ дороги. Ваше счастье не уйдетъ. Вѣдь вы будете часто къ намъ ходить. Вѣрно будете и заходить сюда всякой разъ, здѣсь васъ всегда примутъ съ полною любовію, какъ прежде. Мы еще успѣемъ переговорить, какъ и когда на-

чать это дѣло. А теперь пойдемте къ Ивану Ивановичу. Онъ ужъ вѣрно воротился съ биржи.

Внимательно Миша взглянулъ на Анну Ивановну, чтобъ угадать ея мысли, но она одѣлась опять своею нескромностію, беззаботностію и мнимою веселостію. Чтобъ избѣжать однако всякаго объясненія, мимоходомъ Миша спѣшилъ подать руку Марьѣ Ивановнѣ и повелъ ее въ гостинную. Едва замѣтный взглядь Серболиной обнаружилъ, что она поняла цѣль юноши. Но ему-ли было бороться съ хитростію этой женщины? Она видѣла, что тутъ надобно употребить всѣ усилія своего ума и всю изобрѣтательность страсти.

Серболинъ былъ уже въ гостинной, когда они вошли туда. Къ нему пришло нѣсколько короткихъ пріятелей, узнавшихъ о его пріѣздѣ. Пошли обѣдать. Серболина, сидя теперь на хозяйскомъ мѣстѣ, а мужа помѣстивъ на другомъ концѣ стола, какъ предводителя мужской партіи, посадила по бокамъ своимъ Машу и Иванова, такъ чтобы ни одно слово, ни одинъ взглядъ ихъ не могли отъ нея укрыться.

Послѣ обѣда гости остались,— и Серболина съ Машею тоже. Ивановъ откланялся и ушелъ домой. Явясь ввечеру къ Говарду, онъ разсказалъ ему въ общихъ словахъ всѣ происшествія этого дня, и даже свою выходку сватоства, сказанную Серболиной. Старикъ молчалъ и ничего не отвѣчалъ на разсказы юноши.

— Вы видите, добрый мой сиръ Говардъ, — сказалъ Миша, что я не долго колебался. Съ пер-

ваго-же шага отнялъ у Серболиной всякую надежду — и просилъ руки Маши. Кажется, вы можете поздравить меня женихомъ.

Печально покачалъ Говардъ головою и съ горькою улыбкою отвѣчалъ:

— Если-бы вы намѣрены были пѣшкомъ взойти на Монбланъ и, сдѣлавъ два шага у подножія, вскричали: поздравьте меня! я на вершинѣ! то и тогда-бы самонадѣянность ваша была-бы ближе къ своей цѣли, нежели теперь. — Но я вамъ уже сказалъ, что не мѣшаюсь больше въ это дѣло. Увѣренъ только, что завтра же ввечеру, если вы зайдете ко мнѣ, то конечно вамъ бы пришлось разсказывать совсѣмъ другое.

— Что-же можетъ встрѣтиться? — съ нѣкоторымъ безпокойствомъ спросилъ юшона. — Что можетъ заставить меня перемѣнить мою рѣшимость?

— Вы это увидите. Но повѣрьте, что путь опасностей и несчастій только-что начинается. Чѣмъ онъ кончится,—знаетъ одинъ Богъ. Будьте только тверды, постоянны, помните свой долгъ и совѣсть, и тогда все можетъ кончиться благополучно. До тѣхъ-же поръ поберегите свои порывы самонадѣянности.

Миша задумался. Говардъ перемѣнилъ разговоръ, а юноша вскорѣ отправился въ свою комнату.

Ночь его была безпокойная и безсонная. Какъ ни увѣрялъ онъ самъ себя, что опасенія Говарда странны, и что Серболина ничего не въ состояніи

сдѣлать, чтобъ помѣшать его соединенію съ Машею, — а все-таки внутреннее, непреодолимое чувство говорило ему о какихъ-то несчастіяхъ и опасностяхъ. Какія именно, — онъ не могъ придумать; — но не менѣе того предвидѣлъ ихъ близость. Только подъ утро погрузился онъ въ глубокой сонъ, и въ первый разъ въ жизни проспалъ свой всегдашній часъ вставанья.

Когда онъ проснулся, то слуга подалъ ему письмо. Взглянувъ на надпись, онъ вздрогнулъ. Это была рука Серболиной. Долго онъ не распечатывалъ его, чувствуя, что въ немъ заключаются всѣ ожидаемыя несчастія. Но наконецъ мучительна была и неизвѣстность. Сильно стѣснилось сердце его, но надобно было узнать свою участь.

IX.

Письмо Серболиной къ Мишѣ.

«Свѣча догораетъ. Свѣтъ брежжетъ въ окно, — а я все еще сижу и пишу къ вамъ. Цѣлую ночь не спала я, силы мои истощились. Я едва вижу бумагу, на которой пишу. Едва понимаю сама себя, — но все равно. Лишь-бы тронуть, убѣдить ваше сердце. Къ чему упреки? Къ чему громкія фразы? Тамъ, гдѣ нѣтъ чувства, слова не помогутъ. Я искала любви, я мечтала найти ее. Состраданія не хочу я искать! Это ниже смерти. Бѣдное я существо, брошенное судьбою въ водоворотъ страстей!

Въ младенчествѣ моемъ, — что̀ было первымъ предметомъ, поразившимъ мое вниманіе? Семейная жизнь безъ любви, ссоры отца и матери, страсть ихъ къ ужасному напитку, одуряющему человѣка и низводящему его въ разрядъ самыхъ низкихъ животныхъ. Отецъ меня, правда, любилъ,—но эта любовь не дала мнѣ никакого понятія о моемъ полѣ, о долгѣ каждой дѣвушки, о цѣли ея существованія. Я не слышала ни одного слова, ни одной высокой истины о нравственности и религіи. Мать моя была иноземка. Я не знаю ея прежней жизни,—но довольно было и той, которую я уже застала и ежедневно видѣла передъ глазами. Ни одной искры материнской любви, которая, какъ солнце, должно оживлять, согрѣвать, развивать дѣтей въ кругу семейства! Ни одного наставленія, которое бы указало мнѣ священный долгъ дѣвушки и будущей супруги; одна брань, крики, пренебреженіе, а часто и побои. Бѣдное я созданіе! Судьба, казалось, съ малолѣтства обрекла меня на погибель. Не помню, какъ я выучилась читать, какъ поняла языкъ моей матери. Но и тутъ, употребя вѣчную свою праздность на то, чтобъ читать книги, чѣмъ могла я образовать свой умъ и свое сердце? Книги моей матери были такого рода, что теперь, когда я женщина, то-есть когда была женой двухъ мужей, мнѣ стыдно вспомнить о ихъ содержаніи. Тогда-же, я читалъ ихъ безотчетно и, сама не понимая содержанія ихъ, равнодушно всасывала ядъ, который долженъ погубить меня. Можетъ-ли что быть постыднѣе этой

литературы, стремящейся развратить весь родъ человѣческій? Какое наказаніе заслуживаютъ писатели, которые посвящаютъ свою жизнь и дарованія на то, чтобъ разрушить всѣ семейныя связи и заклеймить стыдомъ разврата все человѣчество? Развѣ слова: мать, сестра, дочь, никогда не касались ихъ слуха? Развѣ они не понимаютъ, что фразы разврата могутъ отозваться въ собственномъ ихъ семействѣ? Развѣ они не чувствуютъ ужаса при одной мысли, что тысячи невинныхъ, неопытныхъ существъ заразятся ядомъ ихъ ученія и сдѣлаются не только самыми несчастными созданіями, но внесутъ стыдъ и бѣду въ тысячи семействъ!...

«И вотъ мое воспитаніе! вотъ первыя наставленія въ моей жизни! Благодѣтельная рука теперешняго моего мужа вырвала меня изъ грязи, въ которой я жила — и ввела въ общество и въ свое семейство. Но это новое и великолѣпное для меня зрѣлище возродило одно самолюбіе и жажду къ наслажденіямъ. Примѣръ такихъ кроткихъ добродѣтелей отца и дочери могли-бы служить мнѣ наставленіемъ, но я уже не этого искала. Вседневная толпа, сбиравшаяся у Серболина, открыла мнѣ новую важную тайну въ моей жизни. Я узнала, что я хороша собою. Всѣ взоры были обращены на красоту мою; всѣ слова и даже шопотъ мужчинъ твердили мнѣ, что могу управлять этою толпою женолюбцевъ, ищущихъ не сердца, не ума, не добродѣтели, а одной красивой вывѣски. Первою моею идеею, первымъ планомъ было то, чтобъ

ко всей этой толпѣ пріобрѣсть кого-нибудь, кто-бы былъ моимъ мужемъ. Подъ этимъ словомъ я вовсе не понимаю того священнаго союза, на которомъ основано все существованіе человѣческаго общества, который составляетъ высокое таинство религіи и счастіе благородныхъ, чистыхъ сердецъ. Нѣтъ! мнѣ нужно было имя, богатство, независимое существованіе, обезпеченіе въ будущемъ, а болѣе всего нужно было прикрытіе въ другой любви.

«Первые мои виды обратились на самого моего благодѣтеля, но я видѣла, что надобно употребить много усилій и труда, чтобъ побѣдить его воспоминаніе о первой женѣ и чтобъ совершенно овладѣть имъ. Я чувствовала, что въ состояніи достигнуть этого, и принялась со всею хитростью обольщенія.... Но въ эту минуту явился ты. О! зачѣмъ я увидѣла тебя? Наивные разсказы Маши о вашихъ дѣтскихъ играхъ уже давно возбудили мое любопытство. Невыразимый восторгъ объялъ мое сердце, когда я въ первый разъ увидѣла тебя. Эта робость, скромность, красота, всеобщія похвалы о твоихъ достоинствахъ, — все воспламенило мою душу. Ты былъ тотъ идеалъ любви, о которомъ я мечтала съ малолѣтства, и съ которымъ я должна была быть счастлива. Но я тотчасъ-же поняла, что ты любишь Машу. О! какъ я ее возненавидѣла съ этой минуты! Я поклялась сдѣлать тебя невѣрнымъ, и пріобрѣсть любовь твою. Ты былъ молодъ, прелестенъ, я хороша собою, и безъ сомнѣній въ успѣхѣ. Но съ пла-

меннымъ чувствомъ любви къ тебѣ, никакъ не клеилась мысль о мужѣ. Ты былъ бѣденъ, а мнѣ нужно было богатство, имя и не домашняя любовь. Романы, читанные мною у моей матери, убѣдѣли меня, что при оффиціальномъ мужѣ, можно имѣть всегда домашняго друга. Поэтому, я и придумала женить тебя на Машѣ, но съ тѣмъ, чтобъ ты принадлежалъ мнѣ на всю жизнь. По характеру Маши, я думала, что она не можетъ внушить серьезной, продолжительной страсти, и что слѣдственно, ты самъ согласишься любить меня. Я старалась поскорѣе довести васъ до желаемой свадьбы, и удивлялась твоему сопротивленію. Слова: домъ, честь, обязанность, впервые поразили слухъ мой въ дѣлахъ любви. Совсѣмъ не то читала я въ романахъ.

«Вдругъ ты уѣхалъ. Планы мои должны были измѣниться. Ждать твоего возвращенія — было долго. Согласится-ли Серболинъ выдать дочь свою за бѣдняка, — было очень не вѣрно. Самыя намѣренія мои на счетъ Серболина подвигались очень медленно. Притомъ-же я безотчетно начинала понимать, что съ твоими понятіями о долгѣ и чести, ты можетъ-быть отвергнешь меня, когда я сдѣлаюсь женою твоего благодѣтеля. Я тотчасъ-же выбрала себѣ другаго мужа. Полуживой Семенъ Дулинъ, вздумалъ сказалъ мнѣ какую-то любовную фразу изъ забитаго лексикона прежнихъ его лѣтъ, и я немедленно требовала, чтобъ онъ на мнѣ женился. Онъ покорился своей участи. Добрый человѣкъ! Онъ отдалъ мнѣ все, и былъ

доволенъ тѣмъ, что я ласкала и берегла его. Я усладила этимъ послѣднія минуты его разрушенія.

«Вдругъ воротился ты, и вовсе неожиданно явился передо мною въ роковомъ маскарадѣ. Съ этой минуты жребій мой былъ рѣшенъ. Я чувствовала, что должна умереть, или быть твоею. Ты легко увлекся молодостію и пылкостію своихъ чувствъ, я, въ ослѣпленіи самолюбія, приняла эту вспышку за истинную любовь, которую заслужила своею къ тебѣ страстію. Увы! это гибельное ослѣпленіе не долго продолжалось. Пріѣхали Серболины, ты увидѣлся съ Машею, и явился ко мнѣ съ извѣстіемъ о внезапномъ своемъ отъѣздѣ. Я поняла свою участь, но думала однакоже, что все это дѣло старика Говарда, а не выдумка твоего сердца. Ты могъ, въ самомъ дѣлѣ, не любить меня, но бѣжать отъ меня, обманывать! на это я не почитала тебя способнымъ!

«Ты уѣхалъ. Мужъ мой умеръ. Я была свободна. О! какъ я ненавидѣла тогда Говарда за это злодѣйство. Еслибъ ты былъ въ это время въ Петербургѣ, то, быть не можетъ, чтобъ ты отвергъ меня и отказался принять мою руку. Эта мечта высшаго въ мірѣ счастія — не исполнилась. Я чувствовала, что когда ты пріѣдешь, то, находясь подъ вліяніемъ Говарда и увидѣвшись съ Машею, ты ускользнешь отъ меня и не захочешь овдовѣвшую маскарадную знакомку назвать своею женою. Въ умѣ моемъ кружились разные планы. Печальный образъ воспоминанія моего представлялъ мнѣ возможность любить тебя и тогда, когда ты будешь

принадлежать другой. Но, вмѣстѣ съ этимъ, хотѣлось мнѣ, чтобъ ты былъ всегда со мною. Я воротилась къ первоначальному своему плану, и старалась окружить Серболина всѣми хитростями женскаго обольщенія. На этотъ разъ, онъ не долго сопротивлялся. Ему нужна была во мнѣ не жена, а подруга для дочери его, все тосковавшей по тебѣ. Онъ женился на мнѣ — и такимъ образомъ, я стала между тобою и Машею, еслибъ ты смѣлъ отвергнуть любовь мою, или имѣла возможность видѣть тебя всякой день, всякую минуту, еслибъ ты позволилъ мнѣ любить тебя. Мечты мои, мечты! Всѣ онѣ были сновидѣніемъ, несбыточными грезами, лихорадочнымъ бредомъ! Я проснулась посреди грозной, печальной существенности. Вчерашнее свиданіе все рѣшило: Я поняла тебя — и свою будущую участь. Я вспомнила вѣчныя твои слова: долгъ, честь, обязанность! и впервые начала̀ ихъ понимать въ томъ смыслѣ, какъ ты ихъ понимаешь.

«Но развѣ ты не чувствуешь ни малѣйшихъ обязанностей ко мнѣ? Подумай хорошенько! И развѣ ты не помнишь ни моихъ, ни собственныхъ своихъ словъ? Не я - ли тебя предостерегала, бѣдное и несчастное дитя, отъ опасности любить меня? Что̀ тогда ты отвѣчалъ? Вспомни свои клятвы! Вспомни, что и я клялась тебѣ не иначе уступить твою любовь другой, какъ вмѣстѣ съ моею жизнію. Развѣ ты рѣшительно хочешь моей смерти! За что? Что я несчастная тебѣ сдѣлала? За что ты хочешь погубить меня?

Развѣ за мою безумную къ тебѣ любовь? Развѣ за то, что я повѣрила твоимъ клятвамъ? Это слишкомъ жестоко! Это даже несправедливо! Исполняя долгъ свой, ты одинъ хочешь быть счастливымъ, а меня предаешь погибели!

«Нѣтъ! Это невозможно! Сердце мое возмущается противъ такой несправедливости. Неужели я одна виновна? Неужели за любовь мою къ тебѣ должна страдать одна? А ты, мой сообщникъ, клявшійся дѣлить мою жизнь и смерть, будешь въ это время наслаждаться счастіемъ въ объятіяхъ друзей и смѣяться надъ моею погибелью? Нѣтъ! Милое и бѣдное дитя мое! Ужасная, неумолимая судьба связала насъ неразрывными узами; я чувствую, что должна погибнуть.... Но не дамъ надъ моею могилою наслаждаться счастіемъ тому, кто погубилъ меня. Нѣтъ! любовь моя не такова. Я не оспариваю моей жизни у судьбы. Я съ малолѣтства обречена на погибель. Тѣ, которые дали мнѣ такое воспитаніе, такія чувства, такія понятія, — будутъ отвѣчать передъ вѣчнымъ судомъ за мои несчастія. Повторяю тебѣ, что только съ жизнію уступлю тебя другой.

«Поступай-же теперь какъ хочешь, — но знай, что при первомъ словѣ твоемъ о сватовствѣ и союзѣ съ Машею, я открою мужу моему любовь мою къ тебѣ и твои клятвы. Послѣ этого признанія, я конечно умру, — и тѣнь самоубійцы будетъ преслѣдовать тебя во всю жизнь; — но ты тоже, кажется, можешь быть увѣренъ, что Серболинъ будетъ смотрѣть съ ужасомъ на тебя и никогда

не отдастъ тебѣ руки своей дочери. Да и сама Маша никогда не проститъ тебѣ этой измѣны.

«Вотъ мое послѣднее слово, послѣднее рѣшеніе! Дѣлай, что хочешь, но я останусь непоколебима. Я не могла быть съ тобою счастлива: такъ будемъ вмѣстѣ несчастны, такъ не зачѣмъ жить для моей любви, такъ умремъ оба за нее. Гибель съ тобою будетъ для меня тоже наслажденіемъ. Бѣдное дитя мое! За что ты погубилъ обоихъ насъ? Но пусть совершится наша участь! Я готова на все. Что для меня жизнь? Смерть окончитъ только мои муки! Жить безъ тебя не хуже-ли самой смерти?

«Прощай! При свиданіи нашемъ, найдешь ты случай сказать мнѣ о своемъ рѣшеніи, потому-что вѣрно не захочешь отвѣчать мнѣ письмомъ. Прощай! Я изнемогаю отъ усталости и мученій».

Твоя А.

Когда Миша прочелъ роковое письмо, то долго сидѣлъ, опустя голову на грудь. Всякой бы подумалъ, видя его въ этомъ положеніи, что онъ изобрѣтаетъ тысячи плановъ, чтобъ спастись, избѣжать угрожающей гибели. А въ немъ не было ни одной мысли, ни одного чувства. Это было мертвенное бездѣйствіе природы. Письмо убило въ немъ всѣ способности къ размышленію. Такъ всякой человѣкъ съ ожесточеніемъ оспориваетъ жизнь свою у своего врага, какъ-бы онъ ни превосходилъ его силами, покуда видитъ хотя малѣйшую возможность къ спасенію; но когда не-

счастный, сидя у подножія каменистой горы, въ минуту раздавшагося надъ головою треска, съ ужасомъ видитъ, что оторвавшаяся скала летитъ съ вершины, и черезъ минуту подавитъ его, — онъ уже не бѣжитъ, не защищаетъ своей головы, а съ безчувственною холодностію, сложа руки на грудь, ожидаетъ неминуемаго удара, долженствующаго поразить его.

Долго-бы просидѣлъ онъ въ этомъ положеніи, еслибъ вошедшій слуга не сказалъ ему, что Говардъ его ожидаетъ. Глубокій вздохъ временно облегчилъ грудь страдальца, реальная жизнь смягчила страданія души. Онъ опомнился и пошелъ къ своему патрону

Тотъ съ перваго взгляда замѣтилъ моральное состояніе юноши — и догадался о причинѣ. Стараясь нѣсколько времени разсѣять его дѣловыми разговорами, онъ вскорѣ увидѣлъ однако, что положеніе Миши опаснѣе, нежели онъ сначала предполагалъ. А потому прекратилъ свои сужденія о цыфрахъ — и съ участіемъ друга спросилъ его о здоровьи. Миша вздохнулъ и отвѣчалъ обыкновенною машинальною фразою: слава Богу!

— Нѣтъ, любезный Михайло Михайловичъ! — сказалъ Говардъ. Съ вами что-нибудь важное случилось. Не скрывайте отъ меня, ради Бога. Можетъ-быть, я могу помочь вамъ.

— Можетъ-быть! — печально отвѣчалъ Миша. Но вы сказали мнѣ, что не хотите мѣшаться въ мои дѣла....

— А! такъ это сердечныя дѣла такъ разстроиваютъ васъ! — воскликнулъ старикъ. Очень жаль, добрый другъ мой, что вы до такой степени покорились вліянію сердечныхъ обстоятельствъ. Слабости сродны человѣчеству, но твердый и благородный человѣкъ долженъ бороться съ ними и стараться побѣдить ихъ. Упадать духомъ никогда не должно, потому-что, отказываясь отъ борьбы, человѣкъ отказывается отъ добродѣтели. Я не хотѣлъ мѣшаться въ эти дѣла, но ваше положеніе слишкомъ меня трогаетъ. Разскажите, что̀ случалось. Если я и не помогу, то по крайней мѣрѣ довѣренность облегчитъ васъ.

Молча подалъ ему Миша роковое письмо Серболиной.

Покуда Говардъ читалъ это длинное посланіе, Миша въ сильномъ волненіи ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, придумывая въ умѣ своемъ, — не средства о спасеніи, а стараясь угадать, что̀ ему можетъ присовѣтовать добрый его Говардъ.

— Тутъ нѣтъ ни одного слова, котораго бы я заранѣе не зналъ, — сказалъ старикъ, возвращая Мишѣ письмо. Мнѣ жаль эту бѣдную женщину. Она не виновата въ своихъ несчастіяхъ, идеяхъ и правилахъ. Дурное воспитаніе всему причиною. Прежде, нежели учить дочерей своихъ французскому языку и танцамъ, отцы и матери должны внушать поученіями, а всего ближе примѣрами, что основной долгъ женщины — есть религія и добродѣтель, а первый законъ человѣчества — есть исполненіе долга. Не будемъ-же упре-

кать бѣдную Серболину. Чему ее выучили отецъ и мать? Какія наставленія она получила? Она читала Фоблаза и сказки Лафонтена, а можетъ-быть и что-нибудь хуже. Вся ея жизнь, всѣ понятія сосредоточились въ словахъ *любовь* и *наслажденіе*, а женскій инстинктъ научилъ ее хитрости, чтобъ пріобрѣсть. Она сильно, искренно полюбила васъ, сама не понимая, что эта любовь можетъ сдѣлаться преступленіемъ. И теперь, когда вы ее отвергли, она не хочетъ выпустить изъ рукъ единственнаго существа, которое она любила. Оба вы, вѣрно, останетесь тверды своему рѣшенію, и слабѣйшій долженъ погибнуть. Если вы, добрый другъ мой, предадитесь унынію и отчаянію, то жребій этотъ падетъ на васъ. Если-же напротивъ того, пребудете вѣрны своему долгу и чувствамъ чести, то — она должна погибнуть.

— Но что-же мнѣ теперь дѣлать? — воскликнулъ Миша. Я конечно исполню мой долгъ, но вы понимаете весь ужасъ моего положенія. Вчера я, въ присутствіи Маши требовалъ руки ея. Теперь, если я не буду продолжать этого требованія, то что̀ подумаетъ она обо мнѣ? А если осмѣлюсь сказать хотя слово объ этомъ, то вы видѣли, чѣмъ мнѣ угрожаетъ Серболина!

— Время—большой наставникъ,—отвѣчалъ Говардъ. Дайте пройти первой бурѣ — и обстоятельство укажетъ вамъ путь, по которому надобно итти. Я все-таки не подамъ вамъ никакого другого совѣта, какъ только того, чтобъ исполнять свой долгъ и сохранять чистоту совѣсти. Быть не мо-

жетъ, чтобъ съ этимъ вы погибли. Не унывейте только, не предавайтесь отчаянію. Займитесь серьезными дѣлами вашего званія. Реальная жизнь — самое дѣйствительное противуядіе отъ страстей и дурныхъ помышленій.... Есть у меня, правда, другой планъ....

— Какой? Скажите, ради Бога! — вскричалъ Миша.

— Вы, какъ утопающій, хватаетесь за соломенку, — съ легкою улыбкою сказалъ Говардъ. Но я придумалъ этотъ планъ прежде, нежели вы очутились въ теперешнихъ тискахъ. При первомъ извѣстіи о бракѣ Серболина со вдовою Дулина, я понялъ всю опасность вашего положенія, и предвидѣлъ, что для всеобщаго спасенія и спокойствія необходимо нужно будетъ прожить вамъ нѣсколько лѣтъ далеко другъ отъ друга....

— Какъ? опять уѣхать? — вскричалъ Миша.

— Да! — Но уѣхать куда-нибудь съ молодою женою, по должности, и разстаться на нѣсколько лѣтъ съ Серболиными....

— Но Боже мой! Развѣ она допуститъ меня когда-нибудь до этого брака? Вы читали ея письмо.

— Да! И въ эту минуту это искреннія ея чувства. Она точно такъ и поступитъ, какъ пишетъ. Но, повторяю вамъ, дайте улечься первой бурѣ, и мало-по-малу, можетъ-быть благородство чувствъ восторжествуетъ въ этой женщинѣ. Дурное воспиніе, вредное чтеніе и отвратильные примѣры сдѣлали изъ нея нссчастное и полупорочное созда-

ніе. Но чувство добра и правды посѣяны самою природою въ душѣ каждаго человѣка. Дурная трава можетъ затушить ихъ на время, но дайте только случай, и сѣмена эти возникнутъ во всей ихъ красотѣ. Серболина одумается; она почувствуетъ, что при всѣхъ сердечныхъ страданіяхъ — исполніе долга доставляетъ пріятное и священное чувство.

— О! дай-то Богъ! — радостно вскричалъ юноша. Но письмо ея....

— Да! письмо подаетъ мало надежды на эту перемѣну. Но вѣдь люди всегда таковы. Злые всегда хотятъ притворяться добрыми, трусы храбрыми, порочные — добродѣтельными, слабые — чрезвычайно сильными, даже добрые люди хотятъ подъ часъ казаться сердитыми. На слова человѣка, вынужденныя обстоятельствами, нельзя слишкомъ надѣяться. Онъ дѣйствительно чувствуетъ въ ту минуту то, что говоритъ, но какъ скоро измѣнятся обстоятельства, то и чувства будутъ не тѣ.

— Вы знаете, — печально сказалъ Миша, что обстоятельства не могутъ измѣниться между мною и Серболиной....

— Конечно! Но идеи ея все таки мугутъ перемѣниться. Вы видите изъ ея жизни, что это душа природы, испорченное дурнымъ воспитаніемъ и вреднымъ чтеніемъ. Вы видите, что до сихъ поръ она понятія не имѣла о неизмѣнныхъ условіяхъ долга и совѣсти. Она думала, что свѣтъ дѣйствительно такъ дуренъ, порочень и развра-

тенъ, какимъ изображаютъ его негодные писатели тѣхъ романовъ, которыхъ чтеніемъ занималась ея маменька и которые такъ гибельны для юношества. Вступя въ замужество, она къ несчастію попала на такого мужа, котораго образъ жизни и слова не могли измѣнить ея идей. Только теперь она начинаетъ видѣть, что свѣтъ и общество вовсе не таковы, что романы изображали исключенія, а не правила, и что человѣческое общество основано на исполненіи долга, безъ чего свѣтъ былъ-бы вертепомъ злодѣйства и дикимъ лѣсомъ, гдѣ бы люди терзали другъ друга, какъ лютые звѣри. Я увѣренъ, что благородный характеръ Серболина и кротость Маши измѣнятъ идеи этой женщины. Успокойтесь-же теперь; будьте тверды, хладнокровны. Продолжайте ходить какъ можно чаще въ домъ своего благодѣтеля; видайтесь съ Серболиной безъ страха и смущенія; не поддавайтесь ея хитростямъ, которыми она захочетъ завлечь васъ, но и не ожесточайте ее суровостію и презрѣніемъ. О ней надобно сожалѣть, ее надобно исправлять. Можетъ-быть любовь ваша и въ состояніи сдѣлать это чудо.

— Но вы мнѣ говорили объ отъѣздѣ, о должностномъ мѣстѣ....

— Да! Это былъ мой планъ. Вы человѣкъ образованный и хорошій негоціантъ. Я просилъ всѣхъ своихъ знакомыхъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ выхлопотать мѣсто консула въ какой-нибудь коммерческой гавани, въ чужихъ кра-

яхъ, и мнѣ обѣщали постараться. Покуда это дѣло удастся, вы будете хлопотать о томъ, чтобъ образумить Серболину, и когда волею, или неволею она согласится на вашъ бракъ съ Машею, вы послѣ свадьбы уѣдете съ молодою своею въ чужіе краи, и нѣсколько лѣтъ проживете тамъ для общаго вашего спокойствія.

— Прекрасный, превосходный планъ! — вскричалъ юноша. До сихъ поръ, я былъ вамъ всѣмъ обязанъ, добрый мой сиръ Говардъ; теперь же ваше благодѣтельное участіе дастъ мнѣ больше, нежели жизнь.

— Ну, полно говорить объ этомъ, — прервалъ его старикъ. Дѣла сердца въ сторону, займемся денежными....

Тутъ онъ опять началъ разговоръ о предметахъ, касающихся до торговли, о курсѣ, переводахъ, дисконтахъ и т. п. Миша опять непримѣтно очутился въ классѣ реальной жизни, вскорѣ успокоившей его мечты и волненіе. Говардъ послалъ его съ разными коммиссіями и объясненіями къ другимъ банкирамъ, и когда Миша возвратился, окончивъ ихъ, то былъ спокоенъ и разговорчивъ, какъ будто ничего не случилось, такъ что Говардъ совѣтовалъ ему даже ѣхать обѣдать къ Серболину, къ которому тоже далъ ему порученіе.

Это испугало юношу; онъ уже хотѣлъ отказаться.

— Что вы, Михайло Михайловичъ? — сказалъ Говардъ. Хотите быть побѣдителемъ, а пугаетесь когда вамъ указываютъ, гдѣ непріятель. Полно-

те! Будьте мужемъ. Поѣзжайте, и ведите себя съ Серболиной кротко, снисходительно и осторожно. Не старайтесь быть ни холоднымъ, ни жестокимъ. Добротою можно много еще на свѣтѣ сдѣлать.

Миша повиновался — и отправился.

X.

Сильно трепетало его сердце, когда онъ, по обыкновенію, зашелъ передъ обѣдомъ на женскую половину въ домѣ Серболина, но онъ скрѣпился духомъ и вошелъ; съ удивленіемъ увидѣлъ онъ, что самъ Иванъ Ивановичъ тутъ сидитъ съ женою и дочерью.

— А! это ты, любезный Михайло Михайловичъ, — вскричалъ Серболинъ, увидя его. Вотъ спасибо, что пришелъ ко мнѣ на подмогу. Записали, братецъ, въ подлекари. Жена что-то прихворнула и заставила сидѣть, да забавлять ее.

Серболина сидѣла на диванѣ въ полулежачемъ положеніи, въ легкомъ утреннемъ нарядѣ. Щеки ея поблѣднѣли отъ безсонной ночи (мы уже видѣли, что она писала ночью роковое письмо). Внутреннія страданія изнурили ея силы, только въ глазахъ блисталъ какой-то лихорадочный жаръ — и дѣлалъ красоту ея еще опаснѣе. Она вспыхнула, увидя вошедшаго Мишу, котораго никакъ не ожидала. Проницательно взглянула она на него, чтобъ въ чертахъ его прочесть судьбу свою, но тотъ только покраснѣлъ и учтиво раскланялся.

— Какъ вы неправы, Иванъ Ивановичъ, — тихо сказала Серболина въ отвѣтъ своему мужу. Не я-ли васъ просила цѣлое утро ѣхать по вашимъ дѣламъ и не безпокоиться обо мнѣ. Но вы такъ добры и милы, что насильно остались со мною и съ Машею. Я право не больна. Цѣлую ночь не могла заснуь.... Это меня утомило, разстроило.... Женскія нервы всегда слабы. Но теперь мнѣ гораздо лучше.... Я совсѣмъ здорова....

— Знаю, знаю! — сказала Серболинъ. Но позволь-же и мнѣ немножко покапризничать. Мнѣ пришло въ голову, что ты нездорова, и вздумалось просидѣть у тебя цѣлое утро. Извини, если соскучилась со мною. Но вотъ пришелъ мнѣ на подмогу добрый нашъ Мишель, и онъ лучше меня развеселитъ тебя. Онъ тебѣ поразскажетъ о своихъ любовныхъ похожденіяхъ....

— Я готовъ разсказывать все, что было, — весело отвѣчалъ Миша. Но я право не изъ тѣхъ вояжеровъ, которые разсказываютъ небывальщины, а любовныя похожденія,—могу увѣрить васъ, принадлежатъ къ небывальщинѣ въ моемъ путешествіи.

— Я, братъ, въ молодости слыхалъ какую-то пословицу, что въ тихомъ омутѣ что-то водится, но право забылъ теперь. Садись-ка! Ну, что твой добрый старикъ Говардъ, здоровъ?

— Какъ-же! Онъ далъ мнѣ нѣкоторыя торговыя порученія къ вамъ, но я вамъ разскажу ихъ послѣ обѣда, чтобъ не надоѣдать дамамъ подобнымъ разговоромъ.

Быстро взглянула на Мишу Серболина. Ей вообразилось, что это коммерческое порученіе только предлогъ, а что въ самомъ дѣлѣ Миша намѣренъ что-нибудь говорить о сватовствѣ своемъ. Но взглянувъ на Мишу и нечаянно встрѣтясь съ его взорами, она прочла въ нихъ столько искренней доброты, что тотчасъ-же успокоилась,—и съ улыбкою сказала:

— Вы уже видѣли, любезный Михайло Михайловичъ, что доброта мужа меня до того избаловала, что я всякой день провожу все утро въ его кабинетѣ и присутствую при всѣхъ его коммерческихъ разговорахъ. Такъ теперь, когда онъ по мнимой болѣзни моей, поселился на весь день на нашей половинѣ, я еще больше желаю, чтобъ его занимали здѣсь длинными разговорами. Сдѣлайте-же милость, если порученіе г. Говарда не заключаетъ въ себѣ ничего такого, чего бы мы съ Машей не могли слышать....

— Подобнаго порученія, — прервалъ Миша,— конечно, не дастъ никогда ни почтеннѣйшій мой патронъ, ни я самъ не приму его. А если вамъ не скучно слышать торговыя дѣла, то я здѣсь и теперь готовъ все передать Ивану Ивановичу.

— Ужъ разсказывай, любезный другъ! — сказалъ Серболинъ. Съ женщинами не иначе можно сладить, какъ исполняя ихъ волю.

Тутъ Миша передалъ Серболину порученіе Говарда,—и вѣрно никогда еще Анна Ивановна не слушала съ такимъ вниманіемъ коммерческихъ

фразъ, какъ теперь. Ей хотѣлось видѣть: не выдумка-ли это порученіе? и не имѣлъ-ли Миша дѣйствительно намѣренія говорить съ Серболинымъ наединѣ? Мало по малу поняла однакоже, что порученіе было дѣйствительное. Но, какъ оно было не экстренное, то она ясно понимала, что не для него одного пришелъ Миша. Только зачѣмъ именно? Лицо его, взгляды,—не выражали ничего враждебнаго противъ нея, но и не подавали ни малѣйшей надежды. Письмо ея должно было, по ожиданію ея, произвести надъ юношею ужасное дѣйствіе и даже привести въ отчаяніе. А онъ? — пришелъ очень спокойно, говорилъ очень привѣтливо, смотрѣлъ ласково, былъ ни смущенъ, ни разстроенъ! Что-же это значитъ? Она совершенно не постигала ни чувствъ его, ни намѣреній.

Окончивъ длинный разговоръ, Серболинъ началъ хлопотать объ обѣдѣ — и хотѣлъ итти въ столовую съ дочерью и гостемъ, — но Анна Ивановна тотчасъ-же убѣдила его, чтобъ всѣ четверо обѣдали въ этой комнатѣ, а если кто-нибудь придетъ обѣдать, то отказывать. Серболинъ повиновался, — и такимъ образомъ она была увѣрена, что Миша ни на минуту не выйдетъ изъ подъ ея надзора.

Чтобъ отдать всѣ эти приказанія, Серболинъ на время оставилъ ихъ, — и Миша по уходѣ его обратился тотчасъ-же съ нѣсколькими фразами къ своей невѣстѣ, которая до тѣхъ поръ не участвовала въ разговорѣ. Со страхомъ слѣдила Серболина за каждымъ его словомъ, но юноша былъ

любезенъ, привѣтливъ, добръ,—и больше ничего. Она вмѣшалась въ ихъ разговоръ, — и Миша, отвѣчая ей, не обнаружилъ ни взглядомъ, ни словомъ ужаснаго своего положенія вслѣдствіе письма.

Невольно задумалась Серболина.—Что значатъ поступки юноши? Неужели онъ подъ личиною этой простоты скрываетъ какую нибудь адскую хитрость? Неужели онъ намѣренъ только усыпить ея бдительность? Или?... другая мысль, блеснувшая въ умѣ ея, сильно заставила забиться ея серде. Ужъ не рѣшился-ли онъ покориться неизбѣжной своей участи и уступить любви? — Она рѣшилось наблюдать за нимъ и испытать его.

Подъ предлогомъ, чтобъ показать ему какую-то вновь начатую ею работу, попросила она Машу сходить въ ея спальню и принести канву. Юноша понялъ въ чемъ дѣло — и вздрогнулъ. Онъ не могъ избѣжать удара,—и оставшись наединѣ съ Серболиной, быстро придумывалъ, что̀ ему дѣлать и что̀ отвѣчать.

— Какъ у меня сегодня голова болитъ! — сказсказала она.—Дайте мнѣ вашу руку и приложите ее мнѣ ко лбу. Говорятъ, что это магнитическое средство облегчаетъ....

Молча повиновался Миша. Огонь пробѣжалъ по жиламъ его при прикосновеніи къ этому прекрасному челу. Въ это-же самое время, она схватила его другую руку и положила къ себѣ на сердце.

— О! какъ я страдаю! — прошептала она, — и рукою Миши, лежавшею на лбу ея, отерла она слезы, хлынувшія изъ глазъ.

Бѣдный юноша еще болѣе запылалъ и задрожалъ. Но когда потомъ она съ какимъ-то самозабвеніемъ коснулась этою же рукою до своихъ губъ, — и Миша почувствовалъ легкій, нѣжный поцѣлуй его на ней, — то глаза его подернулись какимъ-то туманомъ, онъ былъ готовъ упасть безъ чувствъ, — и безотчетно повиновался движенію Серболиной, заставившей его склониться лицемъ своимъ къ ней и коснуться пламенныхъ щекъ ея.

Судорожно схватилъ онъ себя за лобъ и едва внятно вскричалъ:

— Федра!

Но едва онъ произнесъ это слово, какъ Серболина вскрикнула, поблѣднѣла и лишилась чувствъ.

Въ эту самую минуту вошла Маша и бросилась помогать своей мачихѣ, которая вскорѣ опомнилась, съ кроткою улыбкою поблагодарила дѣвушку и тихо сказала:

— Это ничего, другъ мой! — Слабость нервъ, слѣдствіе безсонной ночи... Пожалуйста ни слова не говори папа. Зачѣмъ безпокоить его пустяками....

Явился и самъ Серболинъ, но Анна Ивановна успѣла уже принять на себя спокойную физіономію и старикъ ничего не замѣтилъ.

Накрыли столъ у дивана, на которомъ лежала Серболина—и обѣдали въ самомъ странномъ расположеніи духа. Какъ ни старался Серболинъ поддерживать всеобщій разговоръ, но онъ не клеился и безпрестанно прерывался. Была одна

минута, которая поразила всѣхъ убійственнымъ уныніемъ. Миша сказалъ Серболину о томъ, что Говардъ давно уже хлопочетъ о исходотайствованіи ему мѣста торговаго консула въ какой-нибудь иностранной гавани. Серболина и Маша вздрогнули, невольно взглянули другъ на друга, но не сказали ни слова. Серболинъ вздохнулъ, украдкою тоже посмотрѣлъ на Машу, но не сказалъ ничего.

Всѣ были сильно взволнованы и огорчены этимъ извѣстіемъ. Наконецъ встали изъ-за стола, — и Миша откланялся.

— Пожалуста навѣщай насъ всякой день, — сказалъ старикъ Мишѣ при прощаньи. Мы хоть торговыми разговорами будемъ доставлять женѣ разсѣяніе....

— Лишь-бы болѣзнь Анны Павловны позволяла мнѣ являться,— отвѣчалъ Миша.

— Да кто вамъ сказалъ, что я больна? — сказала она полупечальнымъ голосомъ. — Нѣтъ! Ваши слова, вашъ разговоръ были самымъ цѣлительнымъ для меня лекарствомъ. Пожалуста, приходите. Вы знаете, что присутствіе ваше пріятно всѣмъ.

При этомъ взглянула она на Машу, — и та вспыхнула.

Отрадно вздохнулъ юноша, выйдя на улицу. Онъ чувствовалъ, что одержанное имъ торжество — было очень важно. Роковое слово: Федра! — спасло его,—и указало Серболиной на отношенія, какія могутъ быть между ними. Она сама поняла

его, — и ужасный ударъ, нанесенный ей этимъ неожиданнымъ восклицаніемъ — образумилъ-бы ее совершенно на всю жизнь, еслибъ вся прежняя жизнь ея не была подъ гибельнымъ вліяніемъ дурнаго воспитанія и испорченнаго дѣтства. Это слово лишало ее однако всякой надежды на взаимность со стороны Миши. Онъ почиталъ себя сыномъ Серболина, — и она была для него Федрой.

Но, если не было для нея надежды на взаимность, то въ груди оставалось еще во всей силѣ чувство мщенія. Если ей суждено быть несчастною, то соперница ея не будетъ тоже счастлива, и на этомъ-то чувствѣ основала она свой планъ будущихъ дѣйствій.

Ввечеру, при свиданіи Миши съ Говардомъ, разсказалъ онъ ему о роковомъ словѣ, сказанномъ имъ Серболиной,—и тотъ одобрилъ его, но совѣтовалъ однакоже на будущее время быть осторожнѣе, повторяя ему свое прежнее наставленіе, чтобъ лишать ее всякой надежды, но не доводить до отчаянія, и дѣйствовать на нее добротою и сострадательностію.

На другой день Миша зашелъ по утру къ Серболину. Онъ уже былъ по прежнему въ своемъ кабинетѣ,—съ женою. Она была уже совершенно здорова — и разговаривала съ юношею самымъ равнодушнымъ образомъ. Поздравя ее съ скорымъ выздоровленіемъ,—онъ вскорѣ ушелъ подъ предлогомъ множества дѣлъ.

Съ тѣхъ поръ началъ Миша ходить раза три

въ недѣлю, и всегда передъ обѣдомъ заходилъ на женскую половину. Тамъ всегда сидѣла Серболина съ Машею, — но разговоръ первой видимо былъ принужденно-веселый, а вторая всякой разъ напрасно ожидала, что юноша снова заговоритъ о своемъ сватовствѣ. Тотъ молчалъ, боясь воздвигнуть бурю. Онъ чувствовалъ, что Серболина твердо рѣшилась разлучить ихъ.

Однажды всѣ они были позваны на-вечеръ на какія-то имянины. Это былъ общій знакомый Серболина и Говарда, — слѣдственно и Ивановъ былъ также приглашенъ. Онъ уже начиналъ придумывать планы, какимъ образомъ поговорить на этомъ балѣ съ Машею наединѣ, какъ вдругъ получилъ отъ Серболиной записку слѣдующаго содержанія:

«Я нездорова и не поѣду на балъ, но мужа уго-
«ворила ѣхать туда для Маши. Навѣстите меня,
«мнѣ нужно поговорить съ вами. Я васъ жду.»

Ваша А.

Невольна погрузился Миша въ задумчивость, что ему было дѣлать? Сперва онъ обрадовался, что сама Серболина даетъ ему случай быть наединѣ съ Машею на этомъ балѣ. Но потомъ разсудилъ, что если онъ не явится на призывъ ея, то можетъ произвести величайшее несчастіе; Серболина пойметъ главную причину отсутствія и рѣшится на какой-нибудь опасный поступокъ.

Съ стѣсненнымъ сердцемъ отправился онъ на свиданіе. Серболина лежала на томъ-же диванѣ, и по первому взгляду на юношу тотчасъ-же до-

гадалась по наряду его, что онъ все-таки намѣренъ отправиться на балъ.

— А вы кажется собрались на-вечеръ? — сказала она съ печальною улыбкою.

— Какъ-же!—отвѣчалъ Миша.—Сиръ Говардъ велѣлъ мнѣ тамъ быть непремѣнно.

— Но если я васъ не пущу?

— Вы этого не сдѣлаете, милая Анна Ивановна. Какая польза для васъ дѣлать меня несчастнымъ?

— А какая выгода мнѣ отпускать васъ туда, гдѣ вы наединѣ будете наслаждаться свиданіемъ съ моею соперницею?

— Вы неправы. Между матерью и дочерью не можетъ быть соперничества.

— Опять?—вскричала со гнѣвомъ Серболина. Вы опять готовы назвать меня тѣмъ ужаснымъ именемъ, которое вы съ такою жестокостію бросили мнѣ въ лицо въ послѣдній разъ, какъ я была нездорова.

— Зналъ-ли я въ ту минуту, что говорю!—отвѣчалъ со вздохомъ Миша. И однакоже имя это очень вѣрно выражало отношенія наши на всю жизнь. Иванъ Ивановичъ священнѣе для меня самого отца.

— И вы думаете этими нѣжными фразами увѣрить меня, что это единственная причина вашего вѣроломства.

— О! ради Бога!— съ жаромъ вскричалъ юноша,—не говорите мнѣ этого. Вы клевещете сами на себя. Быть не можетъ, что природа, создавъ

такую совершенную красоту, не одарило ее чувствомъ доброты и справедливости. Потребуйте у меня моей жизни,—я съ радостію вамъ ее отдамъ. Но Анна Ивановна Серболина не имѣетъ права требовать исполненія клятвъ, которыя я давалъ г-жѣ Дулиной.

— Да! такъ всегда говорятъ люди, поступающіе подобно вамъ.

— Повѣрьте, Анна Ивановна, что всѣ на свѣтѣ были бы счастливы, еслибъ исполняли свой долгъ.

— Не знаю, одарила-ли меня природа чувствомъ долга; но сознайтесь, что чувства терпѣнія во мнѣ весьма много, потому-что я очень спокойно слушаю всѣ ваши пустыя фразы. Скажите пожалуста, въ какой книгѣ среднихъ вѣковъ вытвердили вы ихъ?

— Милая, добрая Анна Ивановна! Умоляю васъ! Не смѣйтесь надъ этими фразами и чувствами. Вы сами въ жестокомъ своемъ письмѣ ко мнѣ, разсказали, какова была ваша молодость и ваше воспитаніе. Неосторожность матери дозволила вамъ читать книги, которыя написаны для погибели. Но, повѣрьте, что это временное впечатлѣніе само собою исчезнетъ. Святыя чувства добра посѣяны въ каждой женщинѣ, — и душа ваша конечно также прекрасна, какъ вы сами. Будьте только добры, — и вы будете счастливы.

— Вы не человѣкъ, а ледъ; въ васъ не сердце, а камень.

— Нѣтъ! ошибаетесь, Анна Ивановна!—вскри-

чалъ Миша. Во мнѣ гораздо больше страстей, нежели сколько для спокойствія моего нужно бы было. Кто знаетъ? Можетъ-быть, я бы въ самозабвеніи и счастье провелъ всю жизнь у ногъ вдовы г-жи Дулиной. Но супруга Ивана Ивановича, который за зло отца моего отплатилъ его сыну величайшими благодѣяніями, далъ воспитаніе, обогатилъ,—эта женщина для меня тоже, что святыня.

Печально опустила Серболина голову. Въ груди ея боролась буря страстей пламенныхъ, неукротимыхъ. Прежде, нежели Миша пришелъ, она увѣрена была, что восторжествуетъ надъ нимъ своими софизмами. Теперь-же, сама дивилась, что не находила словъ и мыслей къ опроверженію его холоднаго нравоученія.

— Вы мнѣ ничего не отвѣчали на мое письмо, сказала она наконецъ послѣ продолжительнаго молчанія.

— Я въ тотъ-же день лично пришелъ къ вамъ съ отвѣтомъ....

— А! И отвѣтъ этотъ состоялъ въ словѣ: Федра!

— Нѣтъ! Повторяю вамъ, что это слово вырвалось у меня нечаянно, хотя было и справедливо. Я хотѣлъ только сказать вамъ, что вы можете располагать моею жизнію и что я готовъ умереть, если это нужно для вашего спокойствія.

— А ваше мѣсто, которое хочетъ вамъ выхлопотать добрый вашъ Говардъ?

— Оно мнѣ послужитъ, чтобъ умереть далеко отъ васъ,— и всѣхъ.

— Я вамъ не позволю уѣхать отсюда,—сказала Серболина въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи. Я не требую теперь ничего. Презираю ваши клятвы, вашу любовь, — также какъ и самую жизнь. Ни свѣтъ, ни люди не стоятъ того, чтобы жить между ними. Я хочу умереть. Я не могу жить. Вы правы! Мое несчастное воспитаніе сдѣлало меня совершенно чужою въ обществѣ. Или мнѣ надобно совершенно переродиться, преобразоваться,—или удалиться съ этого пути, по которому я не въ силахъ итти. Я слишкомъ слаба для перваго. Надобно избрать второе. Но, покуда я жива, я хочу всякой день видѣть васъ. Какъ бы это вамъ тяжело ни было,—но вы обязаны это сдѣлать. Не бойтесь! я не долго буду васъ мучить. Чувствую, что не долго перенесу эту печальную жизнь. Вы скоро будете свободны, — и надъ могилою моей можете праздновать свою свадьбу съ моей соперницею. Ступайте теперь къ ней; я позволяю. Но берегитесь говорить ей что-нибудь о любви: я узнаю. Она сама мнѣ все разскажетъ. При малѣйшемъ вашемъ неповиновеніи — все будетъ кончено.... Вы меня понимаете?

— Я сказалъ, что жизнь моя принадлежитъ вамъ, — кротко отвѣчалъ Миша, я буду дѣлать все, что вы прикажете, и чтобъ не нарушитъ чувство моего долга. Я увѣренъ впрочемъ, что несправедливое ваше раздраженіе противу меня исчезнетъ, и чувство добра возьметъ верхъ, увѣренъ, что вы еще сами будете счастливы своею добротою и счастьемъ другихъ.

Онъ съ нѣжностію поцѣловалъ ея руку — и ушелъ, а Серболина, оставшись одна, зарыдала.

XI.

Танцы начались уже, когда Миша явился на балъ. Онъ тотчасъ-же отыскалъ Серболина съ дочерью. Вмѣстѣ съ ними сидѣлъ и Говардъ.

— Что такъ поздно, любезный Михайло Михайло Михайловичъ? — сказалъ Серболинъ. Гдѣ это опять путешествовалъ?

— Не далѣе какъ въ вашемъ домѣ, — отвѣчалъ Миша. Мнѣ хотѣлось вмѣстѣ съ вами пріѣхать на балъ, но опоздалъ. Вы только-что уѣхали, а я болѣе получаса посидѣлъ съ Анной Ивановной.

— Вотъ спасибо, Михайло Михайловичъ! Ну что̀ она?

— Ничего! — обыкновенная мигрень. Она меня сама прогнала на балъ, увѣряя, что мнѣ будетъ здѣсь веселѣе.

— Ну, такъ веселись, дружище. Танцы уже начались....

Говардъ пристально смотрѣлъ на Мишу во время этого короткаго разговора. Онъ понялъ, что̀ значитъ свиданіе его съ Сербилиной, и искалъ на лицѣ его слѣдовъ какого-нибудь замѣшательства, или волненія. Но юноша былъ веселъ и спокоенъ. Онъ тотчасъ-же обратился къ Машѣ для ангажированія ея на слѣдующій танецъ.

Та была въ восторгѣ отъ случая, представляю-

щагося ей говорить съ Мишею безъ надзора мачихи. Она-было очень запечалилась, когда увидѣла, что танцы начинаются, а его еще нѣтъ, и чтобъ избѣжать ангажированія другихъ молодыхъ людей, пошла нарочно съ отцомъ и Говардомъ по другимъ заламъ, и не прежде воротилась въ танцовальную, какъ къ концу перваго кадриля. Тутъ явился Миша, и она была счастлива.

— О чемъ вы разговаривали съ моею мачихою?— спросила Маша въ антрактѣ танца, надѣясь, что тотъ начнетъ разсказъ съ самаго пріятнаго мотива. Но Миша отвѣчалъ ей общими фразами о болѣзни, о балѣ, о танцахъ.

— Но почему-жъ она сказала, что вамъ здѣсь будетъ веселѣе? — спросила настойчивая дѣвушка.

— Можно-ли объ этомъ спрашивать, Марья Ивановна? — Смѣю надѣяться, что мы съ вами въ такихъ отношеніяхъ, что между нами не нужно обыкновенныхъ пошлыхъ фразъ. Анна Ивановна видѣла и понимала мое нетерпѣніе, и отпустила меня, сказавъ, что мнѣ здѣсь будетъ веселѣе.

— Больше ничего она вамъ не говорила.

— Нѣтъ! Она безпрестанно жаловалась на головную боль, и мнѣ было совѣстно говорить больной женщинѣ о нашихъ чувствахъ.

— Странно, что она и со мною такъ мало говоритъ объ этомъ, или лучше сказать, совсѣмъ не говоритъ. Я право боюсь....

— Чего?

— Сама не знаю. Но иногда нечаянно удается мнѣ уловить ея скрытный взглядъ на меня, и я

въ немъ нахожу какое-то враждебное выраженіе, которое леденитъ мое сердце.

— Быть не можетъ! — отвѣчалъ Миша съ нѣкоторымъ смущеніемъ. Кто-же прежде всѣхъ и старался о нашемъ соединеніи, какъ не она?

— Это правда! — Но почему-же съ тѣхъ поръ, какъ она сдѣлалась моею мачихою, не видно ни въ словахъ ея, ни въ дѣйствіяхъ ничего похожаго на прежнюю услужливость и желаніе соединить насъ? Теперь ей было-бы очень легко это сдѣлать. Вы уже не бѣдный студентъ коммерческаго училища, а богатый, первостатейный купецъ....

— Который этимъ всѣмъ обязанъ милостямъ Ивана Ивановича, — прервалъ ее Миша. И это одно налагаетъ на меня обязанность быть какъ можно осторожнѣе въ этомъ великомъ дѣлѣ, отъ успѣха котораго зависитъ все счастье моей жизни. Анна Ивановна взялась, и надобно предоставить ей полную волю. Обнаруживъ къ ней недовѣрчивость, мы возстановимъ ее противъ себя, — а это чрезвычайно огорчитъ Ивана Ивановича. Каждый день будущаго счастья стоитъ мнѣ, конечно, цѣлаго вѣка, но я лучше буду терпѣть и ждать, нежели быть причиною хоть малѣйшаго неудовольствія моему благодѣтелю....

Тутъ опять начались танцы, и разговоръ прекратился. Нѣсколько разъ возобновлялся онъ потомъ въ продолженіи цѣлаго вечера, но отвѣты Миши были все одни и тѣже. Только при послѣднемъ танцѣ онъ сказалъ ей:

— Послушайте, Марья Ивановна, во мнѣ нѣтъ

ни малѣйшей недовѣрчивости къ Аннѣ Ивановнѣ, но слова ваши однако поселили и во мнѣ какой-то страхъ. Если она ничего не говоритъ объ этомъ, то сдѣлаемъ и мы тоже. Начнемъ съ того, что вы ей не скажете ни слова о нашихъ сегодняшнихъ разговорахъ. Она можетъ-быть будетъ спрашивать у васъ о моихъ съ вами объясненіяхъ. Отвѣчайте ей, что я мало говорилъ и былъ что-то разстроенъ, что даже танцовалъ не много, и что когда вы меня спросили о моемъ разговорѣ съ нею передъ баломъ, то я вамъ отвѣчалъ, что она совѣтовала подождать. Черезъ это мы оба удостовѣримся въ искренности ея доброжелательства. Если она равнодушно приметъ ваши слова, то значитъ вы правы и слѣдственно она не намѣрена дѣятельно стараться о нашемъ счастьи. Если обнаружитъ искреннее участіе и добродушіе, то предоставимъ ей все наше дѣло, въ той увѣренности, что посредничество ея принесетъ удовольствіе Ивану Ивановичу.

Маша согласилась на совѣтъ юноши, и была вполнѣ довольна проведеннымъ вечеромъ. По окончаніи бала, Миша уѣхалъ домой съ Говардомъ, и тотъ распросилъ его дорогою о свиданіи, которое онъ имѣлъ съ Серболиной. Молодой человѣкъ разсказалъ ему все откровенно, и старикъ былъ доволенъ его словами и поступками.

На другое утро, Серболина во время утренняго туалета, начала распрашивать Машу о вчерашнемъ балѣ — и разумѣется требовала признанія ея о любовныхъ объясненіяхъ жениха, но та,

помня условіе, отвѣчала ей такъ. какъ заранѣе условилась съ Мишею. Серболина, выслушавъ разсказъ ея, задумалась сначала, потомъ весело сказала ей:

— Будьте спокойны, мои милые! — Никто такъ не думаетъ и не заботится о вашемъ счастіи, какъ я. Дайте-же мнѣ волю. Я все это окончу, и право не долго буду мучить васъ.

Внимательно посмотрѣла на нее Маша. Впервые замѣтила она, что веселый голосъ Серболиной вовсе не соотвѣтствовалъ печальному выраженію взоровъ: любовь дѣлаетъ проницательнымъ и хитрымъ. Видя, что Серболина, замѣтила наблюдательный взглядъ Маши и невольно смутилась, Маша со своей стороны прекратила разговоръ, и съ дѣтскою веселостію начала разсказывать о прочихъ происшествіяхъ бала, о танцахъ, нарядахъ, и проч. Это вполнѣ успокоила Серболину, и она въ заключеніе повторила Машѣ увѣренія, что будетъ хлопатать о ихъ соединеніи.

Всѣ эти люди не знали, что еще наканунѣ происходилъ по этому предмету между другими лицами другой разговоръ, который ниспровергалъ всѣ ихъ хитрости.

Въ то самое время, какъ Маша танцовала на балу съ Ивановымъ, Говардъ и Серболинъ сидѣли въ той-же залѣ и смотрѣли на танцующихъ.

— Что за милая парочка! — сказалъ старый британецъ, указывая на нихъ Серболину. Тотъ махнулъ рукою — и не отвѣчалъ ничего.

Молчаніе это тоже много значило, но Говарду

хотѣлось привести это дѣло въ коммерческую ясность.

— Странное дѣло! — продолжалъ онъ. Эти дѣти воспитывались другъ съ другомъ. Дѣтскія привычки, игры, должны были ихъ сблизить. Оба они прекрасны. Неужели они не полюбили другъ друга? Гдѣ-жъ послѣ этого всѣ романы на свѣтѣ?

Печально опустилъ Серболинъ голову, и вздохнулъ.

— Конечно! — скаазалъ Говардъ. Ивановъ былъ сначала круглымъ бѣднякомъ, и ты можетъ-быть не охотно отдалъ-бы свою дочь за него.

— Эхъ, Боже мой! — отвѣчалъ Серболинъ, какъ-бы пробудясь ото сна. Развѣ я ищу богатства? Кажется довольно!...

— Если ты искалъ человѣка, то кажется нашъ Мишель можетъ во всѣхъ отношеніяхъ назваться славнымъ малымъ.

— Развѣ я не знаю всѣхъ его достоинствъ?

— Такъ, право не понимаю, зачѣмъ дѣло стало?

— За тѣмъ-то именно, любезный другъ, и стало, — отвѣчалъ Серболинъ, что всѣ романы на свѣтѣ вздоръ.

— Послушай, — со мною кажется ты можешь быть откровеннымъ. Думаешь-ли ты, что дочь твоя чувствуетъ отвращеніе къ Иванову?

— Напротивъ, — сказалъ Серболинъ. Я боюсь, чтобъ она не слишкомъ любила его.

— Вотъ мило! — вскричалъ Говардъ. А я съ моей стороны знаю, что Ивановъ безъума отъ нея. И потому опять спрошу, зачѣмъ дѣло стало?

— Да кажется именно за тѣмъ, чтобъ онъ посватался. Не могу-же я просить его, чтобъ онъ сдѣлалъ милость — взялъ мою дочь.

— Конечно. Но нѣтъ-ли тутъ какого-нибудь и съ чьей-нибудь стороны препятствія?

— Не знаю. Но признаюсь, болѣе всего сомнѣваюсь въ самомъ Мишелѣ. Его любовь самая странная и непостижимая, если она есть. Передъ первымъ своимъ отъѣздомъ въ чужіе краи, онъ могъ полагать, что слишкомъ бѣденъ, чтобъ просить руку Маши, но передъ вторымъ могъ-бы уже объясниться. А теперь, я даже не постигаю причинъ его молчанія.

— Тебѣ кто сказалъ, что Маша любитъ его? — спросилъ Говардъ.

— Жена моя, — отвѣчалъ Серболинъ, покраснѣвъ, то-есть, когда она еще не была моею женою.

— И она тогда хотѣла слѣдственно соединить ихъ?

— Я думаю....

— Увѣренъ-ли ты, что Анна Ивановна сообщила тебѣ о взаимной страсти этихъ дѣтей именно для того, что желала ихъ соединенія.

— Для чего-же больше?

— Не знаю. Но у всякаго свои идеи. Анна Ивановна говорила тебѣ объ этомъ, когда Ивановъ не могъ смѣть надѣяться на подобный союзъ. А съ тѣхъ поръ, какъ онъ разбогатѣлъ, и въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ она сдѣлалась твоею женою, говорила-ли она тебѣ объ этомъ?

— Нѣтъ! — Но вѣдь еще Ивановъ недавно и воротился.

— Если недавно для того, чтобъ самому сдѣлать предложеніе, то довольно давно, чтобъ Анна Ивановна могла возобновить разговоръ объ этомъ....

— Что-жъ ты полагаешь изъ этого? — прервалъ его Серболинъ. Говори яснѣе.

— Я человѣкъ положительный, ты это знаешь. Говорю только, что вижу. Слѣдственно, не видя ясныхъ доказательствъ, не буду тебѣ говорить ни о какихъ моихъ предположеніяхъ....

— Напротивъ! ихъ-то я и хочу знать. Кажется мы съ тобою такъ давно дружны, что не должны имѣть секретовъ другъ отъ друга.

— Секретовъ тутъ нѣтъ, а однѣ мысли. Но прежде чѣмъ я тебѣ скажу свои, подумай и самъ. Не придумаешь-ли ты какихъ причинъ, почему это дѣло не ладится?

— Я только то и думаю, что Ивановъ равнодушенъ къ Машѣ. Если ты думаешь другое, говори.

— Вмѣсто пустыхъ словъ и предположеній, не лучше-ли на дѣлѣ убѣдиться каждому въ своихъ мысляхъ? Во первыхъ, посмотри на Машу и Иванова (а они въ это время съ жаромъ разговаривали въ антрактѣ кадрили). Выражаютъ-ли лица ихъ равнодушіе?

— Э, братецъ! Они молоды, хороши собою, и Ивановъ былъ-бы точно также любезенъ и одушевленъ, еслибъ танцовалъ и съ другою дамою. Тутъ нѣтъ никакого доказательства.

— Положимъ, что ты правъ. Пусть будетъ это

признакъ, а не доказательство. Послѣдняго мы даже и не будемъ искать у молодыхъ людей. Это было-бы неприлично. Но кто тебѣ мѣшаетъ поговорить объ этомъ съ Анной Ивановной?

— Конечно!... Но не знаю, почему-то мнѣ не хочется. Всякое стараніе съ моей стороны все будетъ казаться, что я хочу навязывать Машу — Иванову.

— Эхъ, добрый мой Иванъ Ивановичъ! Счастье дочери стóитъ небольшаго пожертвованія отцовскаго самолюбія. Да и разговоръ твой развѣ будетъ состоять въ томъ, что ты предлагаешь руку своей Маши? Ты только хочешь узнать, не знаетъ-ли Анна Ивановна о какихъ-нибудь препятствіяхъ со стороны Миши, или другаго какого лица? Вотъ и все.

— Да! это конечно можно, и я завтра же поговорю съ нею, но ты не сказалъ мнѣ о своихъ предположеніяхъ!...

— А вотъ какъ ты переговоришь, такъ и пріѣзжай ко мнѣ завтра ввечеру. Авось мы оба тогда узнаемъ что-нибудь.

— Но я и тебя хотѣлъ спросить еще объ одномъ обстоятельствѣ.... Что значитъ твое ходатайство о прiисканіи Иванову мѣста коммерческаго консула въ чужихъ краяхъ? По какой причинѣ Миша хочетъ этого мѣста?

— Во первыхъ онъ самъ и не думалъ о немъ. Когда онъ еще былъ въ чужихъ краяхъ, то я придумалъ это для него — и теперь только сказалъ ему объ этомъ. Я даже прибавилъ въ шут-

ку, что пріятно будетъ молодому человѣку занимать такой постъ и ѣхать туда съ молодою женою. Онъ покраснѣлъ и не отвѣчалъ ничего.

— И не отвѣчалъ ничего однако-же!—сказалъ Серболинъ, качая головою

— Разумѣется, потому что если бы онъ хотѣлъ мнѣ дать почувствовать, что не понялъ моей мысли, то спросилъ-бы съ какою молодою женою?

Серболинъ вздохнулъ, — и сказалъ: увидимъ!

Тѣмъ разговоръ и кончился. Молодые люди не знали о немъ. Всего менѣе ожидала Серболина, что надъ нею готова разразиться буря.

Когда она, одѣвшись, отправилась по обыкновенію поутру въ кабинетъ мужа, то нашла его сидящимъ на диванѣ и читающимъ газеты. Она поздороволась — и сѣла подлѣ него.

— Ну, что вашъ вчерашній балъ? — спросила она у мужа.

— А что твое сегодняшнее здоровье?

— Мигрень прошелъ; осталась небольшая слабость.... Но это развѣ отвѣтъ на мой вопросъ?

— О балѣ-то? Э! Богъ съ нимъ! Что мнѣ до него за дѣло? Вѣдь я ѣздилъ для дочери.

— О! ей было очень весело! я уже спрашивала ее.

— Да! Она цѣлый вечеръ танцовала....

— И все съ Михайломъ Михайловичемъ?

— Кажется.... Впрочемъ, пусть ихъ. Въ дѣтствѣ своемъ много они танцовали другъ съ другомъ, пусть и теперь попляшутъ.

— Теперь, дѣло совсѣмъ другое. Маша невѣ-

ста, и предпочтеніе ея къ одному можетъ отбить другихъ жениховъ.

— На что-же ей другихъ? Довольно одного.

— Но Михайлю Михайловичъ еще не женихъ, и Богъ вѣсть....

Она не кончила рѣчи, чувствуя, что разговоръ зашелъ далѣе, нежели ей хотѣлось, и желая перемѣнить его. Но Серболинъ, охотно покорявшійся своенравію молодой своей жены, съ неумолимостію продолжалъ свои вопросы.

— Что-же? развѣ думаешь, что онъ перемѣнился?

— Я вѣдь не знаю каковъ онъ прежде былъ, такъ не могу судить перемѣнился-ли онъ?

— Вотъ мило, не знаешь? Да не ты-ли же мнѣ первая говорила два года тому назадъ, что онъ безъ ума въ нее влюбленъ?

— Я сама тогда была еще глупая дѣвочка,—и всякую фразу мужчины принимала за наличныя деньги. Теперь, я понимаю, что у этихъ господъ слова ровно ничего не значатъ.

— Но ты мнѣ тогда говорила о первомъ прощаніи ихъ и взаимныхъ клятвахъ.

— Какъ будто клятвы не тѣже слова.

— Такъ ты думаешь, что Ивановъ....

— Я совсѣмъ о немъ не думаю.— прервала его Сербоонна. Мнѣ совѣстно, что я вмѣшалась тогда въ дѣтскую интригу — и, разумѣется, теперь должна быть очень осторожна. Если-же Ивановъ самъ заговоритъ мнѣ что-нибудь объ этомъ, — я скажу вамъ тотчасъ-же, но до сихъ поръ онъ

молчитъ — и, сколько я понимаю людей,—кажется всегда будетъ молчать. Бѣдному, бездомному сиротѣ казалась рука Маши недосягаемымъ счастьемъ; богатому, первостатейному купцу нечего торопиться. Молодость любитъ свободу.

— Слѣдственно, ты полагаешь, что это дѣло не состоится?

— Не думаю. Впрочемъ увидимъ. Ни вы, ни я, ужъ конечно не сдѣлаемъ перваго шага....

— Разумѣется!... Но еслибы.... какимъ-нибудь путемъ.... сдѣлано было объ этомъ предложеніе, ты конечно не противилась бы этой свадьбѣ?

Неожиданности этого разговора заставили Серболину содрогнуться и покраснѣть. Тутъ только поняла она, что разговоръ гораздо серьезнѣе, не жели она полагала. Бросивъ испытующій взоръ на мужа, встрѣтила она строгій, наблюдательный взглядъ, какого никогда не видала. Но это-то самое, что̀ окончательно должно-бы было смутить всякую другую женщину, возвратило вдругъ Серболиной всю ея энергію и искуство притворства.

— Вотъ милый вопросъ! — вскричала она съ видомъ изумленія. Мнѣ противиться! Развѣ я въ самомъ дѣлѣ имѣю какую-нибудь власть надъ Машею? Я сестра ея и подруга, которая была всегда счастлива тѣмъ, что она ее полюбила. Еслибъ я увѣрена была, что Маша будетъ счастлива съ Ивановымъ, и что дѣйствительно любитъ его, то употребила-бы всѣ усилія, чтобъ соединить ихъ. Но вы чувствуете, какъ неприлично мнѣ теперь мѣшаться въ это дѣло....

— Да, да! очень понимаю,—спокойно отвѣчалъ Серболинъ. Перестанемъ-же и говорить объ этомъ. Я только хотѣлъ знать: нѣтъ-ли въ этомъ дѣлѣ другихъ какихъ-нибудь препятствій... Теперь очень спокоенъ. Предоставимъ все судьбѣ. Она ведетъ все къ лучшему концу.

Послѣ этихъ словъ Серболинъ поцѣловалъ ручку жены, всталъ съ дивана и пошелъ къ своему письменному бюро, гдѣ и занялся какими-то счетами.

Сильная буря кипѣла въ сердцѣ Серболиной,— и это-то самое заставило ее молчать, хотя ей страхъ какъ хотѣлось продолжать разговоръ, чтобъ вывѣдать все. Но встрѣченный ею недавно наблюдательный взглядъ мужа доказалъ ей, что надобно быть осторожнѣй. Она понимала, что надъ головою ея собирается гроза, но откуда, какого рода?... Этого нельзя было отгадать.

Къ довершенію ея безпокойства, явился самъ Миша. Онъ былъ веселъ, любезенъ, учтивъ, говорливъ,—и какъ тщательно Серболина ни караулила каждое его слово, каждый взглядъ,—ничто не обнаруживало, чтобы между имъ и мужемъ ея было какое-нибудь объясненіе. Напротивъ, цѣль утренняго визита состояла повидимому изъ торговаго порученія отъ Говарда. Это нѣсколько успокоило ее. Она вмѣшалась въ ихъ разговоръ, заговорила потомъ о вчерашнемъ балѣ, распрашивала Мишу о всѣхъ подробностяхъ этого вечера,—и мало-по-малу дошла до того, что вполнѣ убѣдилась, что Миша ни на минуту не разгова-

ривалъ съ Серболинымъ. Слѣдственно, вся гроза происходила отъ Говарда.

Этотъ человѣкъ былъ всегда ея противникомъ, потому-что понималъ ея характеръ и планы. Она отъ всей души ненавидѣла его и боялась. Она чувствовала, что онъ одинъ разлучилъ ее навѣкъ съ Мишей, — и теперь можетъ-быть старается о соединеніи его съ дочерью Серболина. О! какъ-бы хотѣлось ей доказать этому каменному британцу свое торжество! Но она видѣла, что тутъ можетъ помочь одна хитрость.

Послѣ непродолжительнаго визита, Миша ушелъ

— Видите-ли, Иванъ Ивановичь,—сказала Серболина мужу послѣ нѣкотораго молчанія, — какъ этотъ человѣкъ всегда веселъ, беззаботенъ, говорливъ. Похожъ-ли онъ хоть сколько нибудь на влюбленнаго?

— А почему-же, моя милая, и не быть похожимъ? — отвѣчалъ Серболинъ. Неужели ты думаешь, что всѣ влюбленные должны быть задумчивы, молчаливы, глупы и безсловесны? Повѣрь, что всѣ эти изображенія въ вашихъ романахъ страхъ, какъ пошлы и невѣрны. Только преступная любовь боится, тревожится, молчитъ — и дѣлаетъ человѣка ни на что не похожимъ. Но кто любитъ добрую дѣвушку съ честною цѣлію, кто строго исполняетъ свой долгъ, не боясь ни въ чемъ упрековъ совѣсти, — тотъ и при самой искренней привязанности говорливъ, любезенъ, одушевленъ. Признаюсь, я бы терпѣть не могъ такихъ обожателей моей дочери, которые бы все

вздыхали и молчали. Ночныя птицы не по моему вкусу. Я люблю свѣтъ и откровенность. Впрочемъ, нечего и говорить теперь объ этомъ дѣлѣ. Я ужъ сказалъ тебѣ, что предоставимъ его судьбѣ. Ты меня обрадовала тѣмъ, что не будешь нисколько противиться ему, если оно состоится.

— Опять повторяете вы мнѣ это странное слово!—сказала Серболина съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ. Воля ваша, я не понимаю его, и увѣрена даже, что оно не ваше. Сдѣлайте милость, успокойте и вы меня. Разскажите: что оно значитъ?

— У Маши нѣтъ теперь матери, — печально отвѣчалъ Серболинъ. Ты, другъ мой, должна быть ея сестрою и матерью. Не это-ли было главною цѣлью твоего замужства? Ты сама мнѣ сказала это! Будь-же ея защитницею, руководительницею и подругою. Сдѣлавъ счастіе Маши, ты сдѣлаешь меня вполнѣ счастливымъ. Любя ее, какъ нѣжная мать и добрая сестра,—ты докажешь мнѣ всю любовь свою. Вотъ, другъ мой, все значеніе моего слова, которое тебя безпокоитъ. Изъ этого ты видишь, что оно совершенно принадлежитъ мнѣ—и вылилось прямо изъ сердца. Оно должно было только напомнить тебѣ ту священную обязанность, которую ты приняла на себя, сдѣлавшись моею женою. Украсивъ своею прелестію и молодостію мои преклонные года, ты только тогда сдѣлаешь меня совершенно счастливымъ, если дружбою и любовью своею къ Машѣ составишь ея благополучіе.... Но что съ тобою, другъ мой?...

Серболинъ не могъ болѣе продолжать, потому-что жена его, закрывъ лице обѣими руками, рыдала, поникнувъ головою. Онъ бросился къ ней, и не постигая причины этихъ слезъ, думалъ, что это припадокъ истерической болѣзни.

— Нѣтъ!... Ничего!... прошептала она, видя его заботливосвь. Дайте мнѣ на минуту успокоиться.... Сейчасъ пройдетъ....

— Но, Боже мой, отчего это?

— Слабости нервъ!... Извините меня.... Я сама не понимаю... Ваши слова такъ растрогали меня... Я вспомнила свое дѣтство.... жалкое, несчастное дѣтство! Вспомнила о своемъ печальномъ воспитаніи, о примѣрахъ, бывшихъ у меня передъ глазами....О! зачѣмъ я не родилась вашею дочерью. Какъ бы я была счастлива и какъ бы умѣла сдѣлаться достойною этого счастья!

— Что за странныя мысли у тебя, милый другъ, — сказалъ Серболинъ. Не все-ли равно! Ты теперь принадлежишь къ нашему семейству—и мы съ дочерью вѣрно тебя такъ-же любимъ, какъ-бы ты была единокровная....

— Да! я это чувствую, понимаю, но не такъ способна цѣнить, потому-что съ малолѣтства всѣ мои идеи испорчены, всѣ правила искажены, весь характеръ испорченъ....

— Что ты, другъ мой! Ты такая добрая, милая, умная женщина, ты можешь служить украшеніемъ и образцомъ всякому семейству, всякому обществу....

— Довольно, довольно, Иванъ Ивановичъ, —

сказала Серболина, отеревъ свои слезы и опомнясь совершенно. Благодарю васъ за ваше доброе обо мнѣ мнѣніе.... я бы гордилась имъ, еслибъ.... Но оставимъ этотъ разговоръ.... я не знаю даже, какъ мы попали на него. Надобно быть женщиною, да еще такою вѣтряною, какъ я, чтобъ думать совсѣмъ о другомъ, когда мнѣ говорятъ про что-нибудь. Вы мнѣ говорили о Машѣ, — а я вдругъ вспомнила, что у меня не было отца, такого какъ вы. Мнѣ сдѣлалось грустно — и я заплакала. Неправда-ли, что я все еще ребенокъ?

— Милый и добрый ребенокъ, который теперь въ самыхъ хорошихъ рукахъ, — отвѣчалъ Серболинъ, — и котораго я берусь образовать любовью и угожденіемъ.

Онъ поцѣловалъ ее въ лобъ — и отошелъ опять къ своему бюро, окончилъ нѣкоторые счеты — и уѣхалъ на биржу.

Ввечеру онъ отправился къ Говарду — и разсказалъ ему всю сцену, бывшую съ женою поутру.

Говардъ, выслушавъ внимательно весь разсказъ, дружески пожалъ руку Серболина, — и весело сказалъ ему:

— Теперь надѣюсь, что дѣло пойдетъ на ладъ. Ты мнѣ сообщилъ самыя пріятныя извѣстія, какія только я когда-либо получалъ. Слезы твоей жены принесутъ всѣмъ счастіе.

— Что это значитъ? скажи пожалуста? Ужъ и ты говоришь загадками.

— Оставь разгадку до слѣдующаго нумера

журнала. Мы съ тобою не такіе любопытные, чтобъ ломать голову по пустому. Ты очень хорошо знаешь, что еслибъ нужно было, то я бы тебѣ все сказалъ. Можетъ-быть тутъ есть тайна еще третьяго лица, которая намъ не принадлежитъ. Придетъ время, — и мы узнаемъ все. Теперь-же я такъ доволенъ твоимъ счастіемъ, что не могу еще разъ не пожать руки твоей отъ всего сердца. Еще нѣсколько времени, — и я прокричу тебѣ: ура!

— Если я тутъ что-нибудь понимаю!...

— Все равно, старый другъ! Лишь бы быть счастливымъ, — а откуда придетъ это счастіе, — что за дѣло!

— Однакожъ!...

— Довольно! Черезъ годъ ты будешь дѣдушкою, — и я буду крестить твоего внучка...

— О! за это счастье — я все готовъ отдать.

— А покуда, — никому ни слова! Помни, что жена твоя не должна знать ни о томъ, что ты здѣсь былъ, ни того, что здѣсь говорено.

— Послѣ твоего радостнаго обѣщанія, я готовъ все сдѣлать, что ты велишь, хотя признаюсь мнѣ чрезвычайно странна твоя недовѣрчивость къ моей женѣ.

— Повѣрь, что все къ лучшему. Когда дѣло будетъ кончено, то и она проститъ меня за мою недовѣрчивость. Теперь-же эта скрытность необходима. Малѣйшая нескромность, и все погибло!

— Ну, ну! не пугай!

— Нѣтъ, Иванъ Ивановичъ! не пугаю, а на всякій случай предупреждаю тебя. Кто жилъ цѣ-

лый вѣкъ какъ ты, тотъ не побоится никакихъ несчастій, и будетъ умѣть перенести ихъ. Всѣ піесы нашей жизни кончаются большею частію свадьбою, авось и наша тѣмъ-же кончится; — но если произойдетъ что-нибудь печальное.... Но я увѣренъ, что ты добрый христіанинъ и я за тебя спокоенъ.

— Такъ, любезный другъ! Но не забудь, что я и отецъ, и если загадочное твое несчастіе случится съ Машею....

— Кто не виноватъ, тотъ не можетъ быть несчастливъ. Чистая совѣсть всегда лучшее утѣшеніе. Впрочемъ повторяю тебѣ, что я ожидаю всего лучшаго. Надѣйся и ты.

Старые друзья простились и разошлись. Послѣ Серболина, пришелъ къ Говарду Миша и съ часъ еще проговорилъ съ нимъ о своихъ надеждахъ и опасеніяхъ. Говардъ не давалъ ему никакихъ особенныхъ совѣтовъ, какъ дѣйствовать, а повторилъ только, чтобъ онъ руководствовался своею совѣстію и чувствомъ долга.

На слѣдующій день, Миша явился къ Серболину передъ обѣдомъ — и по обыкновенію зашелъ сперва на женскую половину. Анна Ивановна сидѣла уже за работою и была совершенно здорова. Она съ нѣкоторымъ смущеніемъ приняла юношу. Въ сердцѣ ея произошла какая-то странная, непостижимая для нея перемѣна. Романическія мысли, волновавшія дотолѣ ея воображеніе, уступали мѣсто какой-то боязни. Она все еще чувствовала прежнюю пламенную любовь къ Мишѣ, но это

чувство, преобладавшее прежде надъ всѣми другими, начинало теперь покоряться таинственному незнакомому голосу, вопіющему изъ глубины души. Самое чувство мщенія, которое еще до вчерашняго дня казалось въ ней непоколебимымъ, начинало ослабѣвать, и видъ Маши, весело улыбающейся жениху своему, наводили на нее одну грусть. Она сама не понимала, отчего могло произойти съ нею такая перемѣна!

Разумѣется общій разговоръ этихъ трехъ лицъ обращался все къ Серболиной, но юноша не упускалъ случая говорить любезности и Машѣ, стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ быть внимательнымъ и къ Аннѣ Ивановнѣ.

Случилось Машѣ выйти за какою-то книгою, оставленною въ спальнѣ,—и Ивановъ не обнаружилъ ни малѣйшаго страха, или смущенія, оставшись наединѣ съ Серболиной, и продолжалъ говорить о томъ же предметѣ, о которомъ прежде шла рѣчь. На минуту только остановился онъ, увидя, что она обратила на него свои проницательные, томные взоры. Но, какъ ни стѣснилось сердце его отъ этого неотразимаго взгляда, онъ началъ однакоже опять говорить тоже.

Съ горькою и печальною улыбкою махнула ему рукою Серболина, и сказала:

— Перестаньте, Михайло Михайловичъ! Мнѣ жаль васъ. Я вижу, какъ тяжело вамъ это принужденіе. Вы играете самую трудную и самую опасную роль. Желаю вамъ въ ней полнаго успѣха.

— Говорятъ, что тѣ актеры, которые играютъ

съ искренностію чувствъ, всегда успѣваютъ въ своихъ роляхъ; моя роль по крайней мѣрѣ такова. Вы правы, что она трудна. Въ этой семейной драмѣ, которую мы разыгрываемъ, сердце мое часто обливается кровію и силы слабѣютъ, но долгъ и совѣсть подкрѣпляютъ меня.

— Драма! — печально повторила Серболина. А какая, думаете вы, будетъ развязка? Свадьба?

— Это дѣло судьбы! — отвѣчалъ Миша. Вы, я думаю знаете старинную французскую пословицу:

fais ce que devra,
advienne ce que — pourra,

(дѣлай, что̀ должно; пусть случится, что̀ можетъ).

— Боже мой! Неужели все это не пустыя фразы? не маска притворства? не условная ложь? — вскричала она, закрывъ лице руками.

— Нѣтъ, съ благородною увѣренностію отвѣчалъ Ивановъ, это голосъ чести, долга и разсудка. Быть не можетъ, чтобъ онъ не внятенъ былъ вамъ. Неужели вы можете воображать, что я играю комедію? Нѣтъ! собственное ваше сердце, доброе, кроткое, благородное, скажетъ вамъ, что настоящее—*семейная драма.* Я въ ней печальный герой, и судьба бросила меня въ гибельную борьбу между страстію и долгомъ. Не знаю, чѣмъ участь моя рѣшится, но я готовъ погибнуть, свято сохранивъ свой долгъ.

— Ложь! и все ложь! Гдѣ, въ чемъ эта борьба страсти? — спросила она, бросивъ на него огненный взглядъ. Жалкій насмѣшникъ! Не говорите ни слова о себѣ. Загляните лучше въ мое сердце.

— О! вѣрю, что оно страдаетъ! — вскричалъ юноша. Но повѣрьте, что такая-же жестокая борьба происходитъ и во мнѣ. Только я съ первой минуты обрекъ себя на исполненіе долга, и совершу его. Вы-же колеблетесь при этой необходимости, которой однакоже непремѣнно покоритесь, потому-что чувство истины и добра не можетъ быть долго заглушено въ прекрасной вашей душѣ. Наша участь рѣшена на вѣкъ. Вспомните мое ужасное слово: Федра! О! какъ я ошибся, сказавъ его! Оно было чудовищно и несправедливо. Ипполитъ не любилъ Федры, и она его погубила, хотя послѣ и раскаялась въ этомъ. А въ нашей семейной драмѣ, Ипполитъ преступно любитъ ее, и еслибъ нашелъ ее свободною, то отдалъ-бы ей всю жизнь свою. Теперь-же!... О! теперь онъ долженъ бѣжать, чтобы сохранить свою твердость и непреклонную рѣшимость. Но онъ не былъ-бы достоинъ жить, еслибъ хоть на минуту думалъ иначе....

— Перестаньте, перестаньте, ради Бога! — вскричала Серболина, залившись слезами. Я и сама не понимаю, что̀ со мною дѣлается. Чувствую только, что я нестерпимо страдаю.... Вотъ идетъ Маша.

Дѣйствительно, вошла Маша и ни сколько не обратила вниманія на состояніе обоихъ остававшихся лицъ, которыя черезъ это избѣгли отъ затруднительнаго объясненія причины слезъ и смущенія. Серболина тотчасъ-же продолжала раз-

говоръ спокойнымъ образомъ, и весь эпизодъ остался незамѣтнымъ.

Вскорѣ явился и самъ Серболинъ (онъ уже не посылалъ звать обѣдать, а самъ приходилъ). Отправились къ столу. Въ залѣ собралось нѣсколько человѣкъ гостей, и Серболинъ уже велъ ихъ въ столовую, какъ вдругъ неожиданно вошелъ Говардъ.

Радостно вскрикнулъ Серболинъ, а Анна Ивановна невольно взглянула на Мишу, чтобъ видѣть, не условная - ли это сцена между ними. Но видъ Миши, съ величайшимъ любопытствомъ и недоумѣніемъ смотрѣвшаго на Говарда, успокоилъ ее на счетъ соучастія юноши. Она чувствовала однакоже, что приходъ этотъ, столь необыкновенный и неожиданный, угрожаетъ ей чѣмъ-нибудь.

— Какими судьбами! — вскричалъ Серболинъ. Вотъ самый нечаянный и радостный сюрпризъ. Спасибо, любезный Говардъ.

— Ты напрасно, старый другъ, благодаришь меня, — отвѣчалъ британецъ. Я вовсе не къ тебѣ пришелъ, а къ Михайлу Михайловичу. Я зналъ, что онъ къ тебѣ отправился, и такъ какъ не хотѣлъ до вечера откладывать извѣстіе, которое долженъ сообщить ему, то и рѣшился явиться къ тебѣ.

— Ну, все равно! — сказалъ Серболинъ. Вѣрно извѣстіе твое пріятное, а мы съ тобою такъ любимъ Михайла Михайловича, что искренно порадуемся его радости.

— Покорно васъ благодарю, — сказалъ Ивановъ, и съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего извѣстія.

— Дѣло твое кончено, — отвѣчалъ Говардъ. Ты назначенъ вице-консуломъ въ Портсмутъ.

— Браво! вскричалъ Серболинъ. Шампанскаго! Надобно поздравить нашего друга.

Начались поздравленія, съ которыми сѣли за столъ, и вели разговоры объ этомъ предметѣ. Взгляды Миши, украдкою брошенные имъ на Серболину и невѣсту свою, показали ему, что обѣ онѣ были печальны отъ извѣстія Говарда. Серболина поняла теперь еще болѣе слова Миши, сказанные имъ недавно, что онъ долженъ бѣжать отъ борьбы своихъ страстей. А Маша никакъ не постигала, чтобъ это событіе имѣло благопріятное вліяніе на ея судьбу. Обѣ они были задумчивы и унылы. Впрочемъ, Серболина какъ хозяйка, поддерживала общій рязговоръ, преодолѣвъ свое волненіе и страданіе. Она видѣла, что надобно покориться своей участи и ей было больно только то, что Миша доволенъ своимъ назначеніемъ, которое удаляло его отъ нея.

Послѣ обѣда Говардъ и Миша скоро уѣхали, а Серболина подъ предлогомъ головной боли ушла съ Машею на свою поливину.

Когда разъѣхались и остальные гости, Серболинъ пошелъ къ женѣ. Она сидѣла одна. Маша ушла въ спальню.

— Что съ тобою, милый другъ? — спросилъ мужъ. Какова твоя голова?...

— Ничего! — Одна слабость.... Я выпила бо-

калъ шампанскаго, и кажется это взволновало немного кровь. Пройдетъ!...

— А Маша гдѣ?

— Въ спальнѣ. Я немного, кажется, задремала, такъ она и ушла.... А твои гости всѣ разъѣхались?

— Да! нѣкоторые поѣхали еще разъ поздравить Мишиля....

— Что-жъ? развѣ это мѣсто, которое онъ получилъ, въ самомъ дѣлѣ такъ выгодно?

— Во первыхъ, оно почетно и даетъ ему новое, значительное положеніе въ обществѣ. Онъ уже два раза былъ такъ хорошо принятъ въ Англіи, что теперь при этомъ мѣстѣ будетъ имѣть возможность оказать большую пользу всему нашему торговому сословію.

— Но вѣдь надобно жить далеко отъ отечества, отъ всѣхъ своихъ знакомыхъ....

— Служа отечеству и обществу, мы всегда на своемъ мѣстѣ, а другой предметъ можно вездѣ найти, гдѣ живешь честно и правдиво. Въ Мишѣ я увѣренъ. Его вездѣ будутъ любить, потому-что онъ долгъ и совѣсть хранитъ выше всего.

Эта простая похвала, эта ничтожная фраза жестоко поразила Серболину. Вѣздѣ и всѣ говорили ей безпрестанно о долгѣ и чести. Неужели, — думала она, эти слова не пустыя фразы, выдуманныя людьми, чтобъ дурачить другъ друга? Неужели понятія дѣтства ея всѣ пошлы? Неужели авторы романовъ, которые она читала, обманули ее, и чувство долга и чести дѣйствительно между людьми существуетъ? Увы! съ нѣкотораго вре-

мени она поколебалась въ прежнихъ своихъ нравахъ. Она видѣла вездѣ вокругъ, что всѣ почти не только говорятъ объ этихъ чувствахъ, но и выполняютъ ихъ, а если гдѣ встрѣтится случай недобросовѣстности, то онъ составляетъ исключеніе и большинство общественнаго мнѣнія возстаетъ противъ него. Да! она начала понимать, что человѣчество вовсе не такъ дурно и что пороки вовсе не въ славѣ и модѣ, какъ она читала въ книгахъ изъ временъ Людовика XV. Ей сдѣлалось страшно при этой мысли. Вспомня о томъ, какъ она воспитывалась, съ какими внушеніями взросла, какими правилами питалась, и видя, что все вокругъ нея думаетъ и чувствуетъ иначе, она устыдилась сама себя. Святое чувство добра сильно вспыхнуло въ душѣ ея, и мысль ея просвѣтлѣла, какъ лучъ солнца послѣ бури.

— Послушайте, милый Иванъ Ивановичъ! — сказала она мужу съ нѣкоторою нерѣшимостію. Мы, кажется, вчера еще говорили съ вами о любви этого молодаго человѣка къ Машѣ....

— Да! — но вѣдь ты сказала, что надобно еще удостовѣриться въ этомъ, и что....

— Я, кажется, придумала вѣрное къ этому средство. — Послушайте! два года тому назадъ вмѣшалась я въ это дѣло какъ безтолковая и вѣтренная дѣвушка. Теперь, позвольте мнѣ, какъ сестрѣ и подругѣ Маши, какъ женщинѣ, которой вы удостоили дать свое имя, позвольте принять на себя это дѣло....

— Милый другъ мой! Ты меня несказанно ра-

дуешь этимъ предложеніемъ. Но вспомни сама свои вчерашнія слова, — прибавилъ Серболинъ. Не надобно давать ни малѣйшаго повода думать, что мы навязываемъ Машу кому-бы то не было....

— Если я берусь за это, любезный Иванъ Ивановичъ! — прервала его Серболина, то вы можете быть увѣрены, что я сохраню честь и достоинство вашего имени. Ради Бога, позвольте мнѣ. Вы не знаете, какое доставите мнѣ счастіе, если мнѣ удастся окончить съ успѣхомъ это дѣло.

— Боже мой! — вскричалъ Серболинъ. Ты напротивъ доставишь мнѣ истинное счастіе. Если Маша будетъ мнѣ этимъ обязана, то я исполню только мой долгъ. Но если ты устроишь ея участь, то ваша взаимная любовь и дружба только усилится черезъ это, а въ этомъ-то семейномъ согласіи все мое благополучіе.

— Такъ дайте руку! я берусь, и вы будете довольны мною.

Она протянула руку. Серболинъ подалъ ей свою, и она, схвативъ ее съ какимъ-то судорожнымъ жаромъ, поцѣловала ее. Это высокое выраженіе покорности и нѣжности совершенно растрогало Серболина. Онъ съ любовью взялъ ея голову обѣими руками и покрылъ чело ея поцѣлуями. Слезы хлынули изъ глазъ Серболиной. Она готова была пасть предъ нимъ на колѣни и во всемъ сознаться. Но къ чему это послужитъ, подумала она? Я только сдѣлаю всѣхъ несчастными этимъ признаніемъ, тогда какъ раскаяніе мое и молчаніе можетъ еще успокоить остальные дни его; тогда какъ два

другія существа, драгоцѣнныя его сердцу, будутъ чрезъ то благополучны, и тогда какъ я, нѣжностію своею и любовію могу еще доставить этому великодушному человѣку много пріятныхъ дней.

Всѣ эти мысли, какъ молнія блеснули въ умѣ ея, и она сохранила спасительное молчаніе. Серболинъ, самъ тронутый до слезъ, успокоилъ ее, и они разстались совершенно довольные и счастливые другъ другомъ.

XII.

Въ тотъ-же вечеръ, Миша получилъ записку отъ Серболиной, въ которой она просила его зайти къ ней—на ея половину, завтра поутру въ 11 часовъ. Это заставило его задуматься, но не испугало. Жребій его былъ рѣшенъ. Онъ чувствовалъ, что въ состояніи еще перенести свиданіе и довольно силенъ, чтобъ противиться всякимъ усиліямъ этой женщины. Онъ увѣренъ былъ, что извѣстіе, привезенное Говардомъ о назначеніи его вице-консуломъ, взволновало Серболину, — и она зоветъ его за тѣмъ, чтобъ просьбами и угрозами заставить отказаться отъ этой должности. Но онъ чувствовалъ, что ему пора бѣжать отъ этой женщины. Мысль о разлукѣ съ Машею, конечно, терзала его сердце,—но онъ надѣялся, что черезъ полгода, вѣрно, ему можно уже будетъ просить

руки ея изъ Портсмута,—и Серболина едва-ли въ состояніи будетъ тогда противиться.

Не смотря на это, Миша очень безпокойно провелъ ночь. Свиданіе съ Серболиной предвѣщало ему какую-нибудь бѣду. Довольно поздно всталъ онъ и зашелъ прежде къ Говарду, которому подалъ записку, полученную имъ наканунѣ. Онъ ожидалъ предостереженій и совѣтовъ стараго британца. Каково-же было его удивленіе, когда тотъ съ улыбкою самодовольствія потеръ себѣ руки и сказалъ ему:

— Ступайте! ступайте, Михайло Михайловичъ! Мои предсказанія сбываются скорѣе, нежели я ожидалъ.

Съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него юноша, какъ-бы ища на лицѣ его разгадки таинственныхъ словъ. Видя недоумѣніе Миши, Говардъ опять улыбнулся и продолжалъ:

— Вы, вѣрно, дурно спали отъ этой записки,— а теперь, отправляясь къ Серболиной, конечно, ожидаете грозы и несчастій. Это хорошо. Молодой человѣкъ долженъ быть всегда осторожнымъ и никогда не надѣяться на вѣрный успѣхъ. Ступайте, ступайте. Вамъ не нужно никакихъ совѣтовъ. Собственное ваше сердце и чувство долга будутъ вашими вѣрнѣйшими наставниками.

Съ недоумѣніемъ отправился Миша на роковое свиданіе. Сильно трепетало его сердце при входѣ въ домъ. Онъ заранѣе увѣренъ былъ, что не смотря на вседневную привычку Серболиной про-

водить все утро у мужа, она нашла средство быть совершенно одной.

Дѣйствительно, люди сказали ему, что Иванъ Ивановичъ съ Машею отправились рано поутру на богомоліе въ загородный монастырь св. Сергія, а барыня не очень здорова и осталась дома. Юноша чувствовалъ, что онъ въ полномъ распоряженіи Серболиной, и это еще болѣе испугало его. Вооружась однако всѣмъ мужествомъ, онъ съ видимою бодростію вошелъ къ Аннѣ Ивановнѣ.

Она сидѣла по обыкновенію въ полулежачемъ положеніи на диванѣ. Она одѣта была въ простомъ, бѣломъ кисейномъ пенюарѣ. По раскраснѣвшемуся ея лицу и глазамъ видно было, что она плакала. Сильно волнующаяся грудь ея обнаруживала жестокую борьбу страстей, — и первый взоръ, брошенный ею на юношу былъ такъ нѣженъ, такъ очарователенъ, что онъ совершенно смутился и растерялся. Обыкновенныя фразы учтивости, которыми онъ хотѣлъ привѣтствовать ее, замерли на губахъ его. Онъ остановился въ молчаніи и опустилъ глаза.

Еще разъ взглянула Серболина на смущеннаго юношу, — и при видѣ его прелестей, невольное женское самолюбіе вызвало на устахъ ея печальную улыбку.

— Благодарю васъ, Михайло Михайловичъ, — сказала она, что вы исполнили мою просьбу. Садитесь. Мнѣ надобно поговорить съ вами.

Звукъ голоса Серболиной выражалъ такую кро-

тость, такое глубокое чувство печали, что Миша, ожидавшій грозы и упрековъ, еще болѣе растерялся.

— Что это вы сегодня такъ молчаливы?—спросила его Серболина съ незамѣтною улыбкою. Я всѣ эти дни дивилась вашей словоохотливости и веселости.

— Вы уже сказали мнѣ,—отвѣчалъ Миша, что я играю трудную роль. Пусть-же моя мнимая веселость принадлежитъ къ условіямъ этой роли. Впрочемъ, почему-же не сознаться, что я въ самомъ дѣлѣ, входя сюда, сбирался начать разговоръ самымъ обыкновеннымъ и словоохотливымъ образомъ, но взглянувъ на васъ, слова замерли у меня на губахъ.

— Чтожъ вы такого особеннаго увидѣли на мнѣ, что принуждены были замолчать?

— Неужели вамъ разсказывать объ этомъ? — отвѣчалъ юноша. Вы сами очень хорошо знаете дѣйствіе вашей красоты. Но главное, что поразило меня при этомъ, была доброта, кротость вашего голоса, и даже нѣкоторый оттѣнокъ печали.

— А вы ожидали найти во мнѣ фурію?

— О, нѣтъ!... Но признаюсь, я приготовился къ борьбѣ, къ сопротивленію, а теперь чувствую, что совершенно безсиленъ и долженъ заранѣе во всемъ покориться.

— Это гораздо лучше, потому-что я именно за тѣмъ васъ и позвала, чтобъ заставить безусловно исполнить мою волю.

Миша вздрогнулъ, взглянулъ на нее, но на пре-

лестномъ лицѣ Серболиной выражалась одна доброта и печаль.

— Вы не отвѣчаете, Михайло Михайловичъ,— продолжала она. Согласны-ли вы?

— Жизнь моя принадлежитъ вамъ! располагайте ею, — сказалъ Миша.

— Благодарю васъ за эту довѣренность. Я не употреблю ее во зло. Садитесь къ столу, и пишите, что̀ я вамъ буду диктовать. Тутъ есть бумага и перо.

Машинально исполнилъ Миша приказаніе Серболиной.

— «Добрый мой благодѣтель и второй отецъ,» начала она диктовать.

Молча взглянулъ юноша на Серболину, какъ-бы спрашивая ее къ кому письмо,—но та нѐ обратила на это вниманія,—и продолжала диктовать.

— «Осыпанный вашими благодѣяніями съ ма«лолѣтства, я взросъ въ вашемъ домѣ — и былъ «вседневнымъ товарищемъ дѣтскихъ игръ пре«лестной вашей дочери. Мудрено-ли, что будучи «бѣднымъ, ничтожнымъ сиротою, я осмѣлился «полюбить ее, самъ сперва не понимая своихъ «чувствъ? Только передъ первымъ моимъ отъѣз«домъ въ чужіе краи понялъ я, какъ это чувство «во мнѣ сильно и непреодолимо. Но я рѣшился «однако-же затаить его до тѣхъ поръ, покуда «усердіемъ, честностію и дѣятельностію сдѣлаюсь «хоть сколько-нибудь достойнымъ руки ея, чтобъ «свѣтъ не имѣлъ права сказать, что я ищу одно«го приданаго — и родства съ богатымъ человѣ-

«комъ. Ваше-же великодушіе обогатило меня.
«Я совершилъ еще поѣздку, чтобъ пріобрѣсть
«самому что-нибудь. Но и теперь, когда рѣ-
«шаюсь на этотъ смѣлый шагъ, вполнѣ еще
«чувствую, что любовь и рука Марьи Ивановны
«составляютъ такое сокровище, котораго я вполнѣ
«не достоинъ. И однако-же, я съ трепетомъ пишу
«эти строки,—и у ногъ вашихъ умоляю осчастли-
«вить меня вашимъ согласіемъ на бракъ съ
«Марьей Ивановною. Только будущая вся жизнь
«моя, посвященная любви и усердію, можетъ до-
«казать вамъ, что я въ состояніи заслужить это
«счастіе, По благодѣяніямъ вашимъ были вы мнѣ
«съ малолѣтства отцемъ, удостойте меня этимъ
«священнымъ именемъ—и по союзу родства. Бла-
«гословите меня на новый путь и на новую жизнь.
«Вы знаете, что я долженъ ѣхать въ чужіе краи.
«Отпустите со мною туда ангела-хранителя, кото-
«рый спасетъ меня отъ всякихъ опасностей и не-
«счастій. Можетъ-быть, наступитъ время, въ ко-
«торое я въ состояніи буду проводить жизнь подъ
«одною съ вами кровлею. О! тогда это будетъ
«лучшими днями моей жизни, которая вся тогда
«будетъ посвящена, чтобъ украсить и успокоить
«вашу старость нашею любовію и попеченіемъ.

Съ трепетомъ жду вашего рѣшенія.»

— Подпишите и подайте мнѣ письмо,—сказала Серболина въ заключеніе.

Можно себѣ вообразить, какъ радостно билось сердце юноши, когда онъ по первымъ строкамъ письма понялъ въ чемъ дѣло. А теперь, когда

Серболина велѣла подать себѣ письмо, онъ молча подошелъ къ ней, бросился къ ногамъ ея, съ жаромъ схватилъ ея руку—и осыпалъ тысячью поцѣлуевъ.

Съ нѣжностію обвила она другою рукою около его шеи и съ непогасшею еще страстію напечатлѣла на челѣ его пламенный поцѣлуй. Но это былъ послѣдній! Тихо освободила она руку свою и нѣжно оттолкнула юношу.

— Теперь ступайте, Михайло Михайловичъ, — сказала она сквозь слезы. Вотъ все, зачѣмъ я васъ звала. Письмо ваше будетъ сегодня-же передано Ивану Ивановичу, а завтра приходите къ нему за отвѣтомъ.

— Вы не женщина, вы—ангелъ,—прошепталъ юноша, цѣлуя еще разъ руку ея. О! будьте счастливы! Вы вполнѣ этого достойны!

Послѣ этихъ словъ, онъ быстро ушелъ въ опьяненіи радости,—а Серболина, оставшись, залилась слезами.

— Жертва принесена! — сказала она. Посмотримъ, точно-ли исполненіе долга дѣлаетъ счастливымъ. Покуда я тоскую и плачу.... и однакоже я должна сознаться, что въ душѣ ощущаю какое-то пріятное, неизвѣстное чувство.... но все равно! Дѣло сдѣлано.

Съ радостью, почти безумною бросился Миша къ Говарду и не говоря ему ни слова, началъ его обнимать и цѣловать.

— Знаю, знаю, — сказалъ добрый старикъ.

— Какъ знаете? — съ изумленіемъ спросилъ

Миша. Такъ вы объ этомъ давича говорили, что предсказанія ваши сбудутся прежде, чѣмъ ожидали?

— Да, другъ мой, Михайло Михайловичъ! — отвѣчалъ Говардъ. Честь и правда всегда возьмутъ свое. Но признаюсь однако, я не ожидалъ такой скорой побѣды. Съ этой минуты я начинаю вполнѣ уважать твою г-жу Серболину. Знаю, что жертва эта ей дорого стоила, но тѣмъ надобно выше цѣнить ее.

— Но что скажетъ теперь Иванъ Ивановичъ на мое письмо, на мое сватовство?...

— Тоже, что я! Онъ скажетъ: знаю, знаю!

— Какъ, знаю? Да развѣ онъ знаетъ что-нибудь?...

— Онъ ожидалъ по предсказанію моему, что это дѣло кончится скоро и успѣшно. Больше ему не нужно ничего знать.

— И вы думаете, что онъ согласится?

— Какой отецъ не согласитса на счастье дочери?

Долго еще продолжался этотъ разговоръ, потому-что радость всегда словоохотна. Цѣлый день Миша былъ какъ безумный, а ночь провелъ еще безпокойнѣе прошедшей, хотя уже вовсе съ другими чувствами.

Поутру онъ съ стѣсненнымъ сердцемъ пошелъ къ Серболину. На этотъ разъ старикъ былъ одинъ. По чувству приличія, Анна Ивановна осталась съ Машею на своей половинѣ.

Когда Миша вошелъ, то Серболинъ подалъ ему руку, дружески пожалъ ее — и ласково сказалъ:

— Милости просимъ, любезный нареченный зятюшка. Намъ съ тобою, кажется, нечего терять время на церемоніяхъ и чинахъ. Письмо твое я получилъ изъ добрыхъ рукъ. Скажу даже тебѣ, что я давно поджидалъ его. Маша тебя любитъ. Ты добрый и честный человѣкъ. Богъ да благословитъ васъ, милыхъ дѣтей моихъ.

Со слезами радости бросился Миша къ ногамъ Серболина, но тотъ поднялъ его и заключилъ въ свои объятія.

— Пойдемъ теперь къ нимъ, — сказалъ Серболинъ послѣ первыхъ изліяній чувствъ—и оба отправились на женскую половину.

Нужно-ли описывать эту сцену?

Черезъ мѣсяцъ, Миша женился, а черезъ шесть недѣль уѣхалъ съ молодою своею женою въ Англію.

Трогательно было прощаніе всѣхъ этихъ лицъ, и когда пароходъ отчалилъ отъ англійской набережной, Серболина упала въ продолжительный обморокъ. Всѣ почитали, что ей грустно было разстаться съ Машею. Одинъ Говардъ печально покачалъ головою и сказалъ:

— Да! отъѣздъ былъ нуженъ. Послѣдняя жертва принесена. Всѣ будутъ счастливы.

Дѣйствительно съ этой минуты Серболина сдѣлалась образцемъ женъ. Любовь ея къ мужу, заботливость о домѣ, дѣятельность по дѣламъ его, прославили ее въ кругу всего купечества. А когда судьба благословила бракъ ея сыномъ, то она сдѣлалась примѣрною матерью. Едва сынъ ея

началъ лепетать, какъ она уже учила его быть добрымъ, честнымъ и послушнымъ долгу и совѣсти.

Черезъ два года возвратился Миша съ женою въ Петербургъ, и оба эти семейства соединились навсегда, чтобъ жить вмѣстѣ въ согласіи и счастіи.

ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ А. КОМАРОВА.

I.

ТА-ЖЕ.

—

Раскраснѣвшая бѣжала
Черезъ лугъ за мотылькомъ
Чудо-дѣвочка; сіяла
Радость въ личикѣ.

Кудри русыя вилися
По плечамъ и надо лбомъ....
«О, дитя мое! рѣзвися, —
«Наслаждайся этимъ днемъ!
«Ты не знаешь, какъ прекрасенъ
«Этотъ день! Играй, шутя!...
«Какъ грядущій путь опасенъ, —
«Ты не вѣдаешь, дитя!...»

Грустно! Грустно! Вотъ мелькаютъ
Годы быстрой чередой,
Внуки дѣдовъ вытѣсняютъ....
Ужъ судьбы законъ такой!...

Вотъ другая вамъ картина:
Спальня чуть озарена,
Мать бранитъ красавца-сына....
И куды — стара она,
И куды — она богата,
И одна, въ ночной тиши,

Все сидитъ надъ грудой злата,
Все считаетъ барыши!...
Вотъ ее съ расходной книжкой
Познакомила судьба:
«Ахъ, на все какъ цѣны низки....
«Ахъ, какъ дешевы хлѣба!
«Въ прошлый годъ неурожая
«Мнѣ пришлось таки на часть;
«А теперь така напасть!
«Какъ и годъ прожить — не знаю!
«Цѣнъ на хлѣбъ не помню гаже;
«Барыша — ни пятака!...

Такъ весь день ворчитъ все *та-же*,
Что ловила мотылька!!

II.

НА НОВЫЙ ГОДЪ.

—

Бывало, весело, радушно,
Я каждый новый годъ встрѣчалъ:
И многого, я простодушный,
Отъ дней грядущихъ ожидалъ.

Но не впервые обольщенью
Мечты измѣнишь, новый годъ!
За что-же я съ благословеньемъ
Твой встрѣчу утренній восходъ?!

Темна грядущая судьбина;
Завѣса тяжкая на ней:
Намъ неизвѣстна ни едина
Черта изъ строкъ грядущихъ дней....

Но ты пройдешь; передъ кончиной
Твой мигъ послѣдній уловлю:
И, въ тишинѣ, Тебя, Единый,
За все добро благословлю!!

СѢТОВАНІЯ ПОЭТА *).

—

Въ нашемъ вѣкѣ испорченности нравовъ,—гдѣ столько частныхъ богатствъ, въ самыхъ огромныхъ размѣрахъ, пріобрѣтено средствами самыми низкими, отвратительными, — въ этомъ вѣкѣ забвенія всего честнаго и справедливаго, грустно, невыразимо грустно, видѣть *одного* изъ лучшихъ геніевъ Франціи, доведеннаго до крайности вымаливать свой насущный, старческій хлѣбъ у пера своего, уже утомленнаго славою и несчастіемъ.

Прочтите первыя страницы, которыми г. Ламартинъ начинаетъ свой: «*Курсъ литературы*», и вы вѣрно, наравнѣ съ нами, сознаете всю виновность французскаго общества, не съумѣвшаго сдѣлать ничего болѣе, какъ заплатить оскорбле-

---

*) Эти сѣтованія или жалобы Ламартина, напечатанныя въ одномъ изъ Бельгійскихъ журналовъ, обратили вниманіе Европы, даже Америки на положеніе знаменитаго поэта и, какъ слышно, состояніе его, послѣ того, улучшилось.

ніями человѣку, уже сброшенному съ подножія своего общественнаго значенія.

БЕСѢДА I.

Есть вещи, которыя высказываются только разъ въ жизни; но онѣ должны быть высказаны. Безъ того вы не поймете, какъ могущественно вліяніе литературнаго чувства на жизнь человѣка общественнаго, на сердце человѣка частнаго.

Такъ прочь-же отъ меня вся застѣнчивость слова!... Я раскрою душу мою до послѣднихъ изгибовъ. Формы приличія у малодушныхъ писателей заслоняютъ отъ взоровъ публики пустоты душевныя. Но сердце, взорванное волканомъ горести, разторгаетъ всѣ мишурныя повязки и обнажаетъ себя крутымъ порывомъ непристойной искренности, которая, впрочемъ, въ сущности, гораздо пристойнѣе всѣхъ увертокъ ложнаго приличія и пошлыхъ условій. Если-бы *Лаокоонъ*, мучимый все болѣе стѣсняющимися узлами змѣй, не обнажилъ себя въ мраморѣ, какъ узнали-бы мы всѣ оттѣнки его мученія?!... Когда сердце разбито, жила сердечная треснетъ и выпрыгнетъ наружу. Подъ обманчивою внѣшностію, жизнь моя уже не возбуждаетъ зависти. Эта жизнь — не жизнь: я уже не живу, а *переживаю себя!* Во мнѣ одномъ жило нѣкогда нѣсколько человѣкъ: человѣкъ чувства, человѣкъ поэзіи, человѣкъ слова, человѣкъ дѣла. Всѣ ушли и остался я однимъ только человѣкомъ литературы! И этотъ одинъ—

несчастливъ!!.. Годы, правда, еще не тяготѣютъ, но они уже *сосчитываютъ* меня. Мнѣ тяжелѣе носить сердце свое въ себѣ, чѣмъ бремя лѣтъ на себѣ! Лѣта жизни моей, какъ привидѣніе Магбета, протягиваютъ руку изъ-за плеча моего, и роковымъ перстомъ указываютъ не на царскія короны, а на кладбище — и дай Богъ, чтобъ ужъ мнѣ хоть до него дойти скорѣе!

БЕСѢДА II.

Нѣтъ у меня улыбки для прошедшаго, нѣтъ улыбки для будущаго! Изтаеваю одинъ безъ потомства! Запустѣлый домъ мой окруженъ могилами, замкнувшими все, что было дорого моему сердцу. Выходя изъ этого дома, не могу сдѣлать шагу безъ того, чтобъ не запнуться за камень, подъ которымъ угасла любовь, или опочила дружба. Это жилы, вырванныя изъ сердца моего еще живаго, но уже заживо въ груди моей похороненнаго. Бьется еще какъ-то это сердце и движется, какъ маятникъ часовъ, которые забыли остановить, покидая домъ: они звонятъ еще въ опустѣлыхъ стѣнахъ, выговариваютъ боемъ часы; но этихъ часовъ никто уже не считаетъ! Весь остатокъ жизни моей, пожитковъ моихъ, сосредоточенъ въ немногихъ сердцахъ и скромномъ наслѣдствѣ. И эти немногія сердца, какъ много перестрадали со мною, и это наслѣдство, можетъ-быть завтра, уйдетъ какъ дымъ, и я, подобно *Данту*, пойду искать

мѣста, чтобъ умереть гдѣ - нибудь на чужой сторонѣ, при большой дорогѣ. Молотъ аукціона уже виситъ надъ всѣмъ имуществомъ моимъ, надо всѣмъ, что ввѣрено мнѣ другими: продадутъ все, и постель моей матери, и вѣрную домашнюю собаку, которая такъ пристально смотритъ мнѣ въ глаза, когда въ нихъ отражается дума грусти, и такъ ласково лижетъ мою руку, когда ужъ некому пожать ее съ ласкою! И такъ вотъ почему я долженъ трудиться, вотъ почему шумъ пера моего слышится въ тишинѣ далеко за-полночь, даже до первыхъ лучей разсвѣта. Сохрани Богъ, если я засну хоть одну ночь сполна; сохрани Богъ, если я вдругъ заболѣю: объ этомъ страшно и подумать! дѣло мое остановится, я останусь *несостоятельнымъ!* Друзья мои, ввѣрившіе мнѣ достатки на вѣру къ чести моей, придутъ отыскивать ихъ въ посмертномъ прахѣ моемъ подъ развалинами былой моей судьбы!

БЕСѢДА III.

Теперь вы понимаете, почему я долженъ, часто черезъ силу, усиливать свой трудъ ночной, свои работы дневныя. Представьте-же, что даже и изъза этой вынужденной работы, этой чистой дани долгу и добродѣтели, умѣли сдѣлать мнѣ упрекъ! «Что онъ тамъ еще чванится?» говорятъ уста клеветливыя: «зачѣмъ, отжившій и прошедшій че-

«ловѣкъ, звонитъ еще намъ въ уши своимъ поли-«нялымъ именемъ?!»

Люди, не дающіе себѣ труда разсуждать! Зачѣмъ-же такимъ образомъ не упрекаете вы труженика, который, задыхаясь отъ труда, дробитъ камень при большой дорогѣ и не говорите, что онъ хочетъ привлечь на себя вниманіе прохожихъ? Совѣсть, конечно, сказала вамъ: «онъ тру-«дится для того, чтобъ прокормить стараго отца, «молодую жену и колыбельное свое дѣтище!»

Безсмысленные Самосцы ругались нѣкогда надъ Гомеромъ за то, что онъ соритъ и портитъ ихъ узорчатыя дорожки, таская по нихъ свои старческія ноги и появляясь у каждаго порога съ своими пѣснями. А гдѣ-жъ бы могъ старецъ провозглашать свои дивныя пѣсни, какъ не близъ дорогъ, какъ не подъ открытымъ небомъ, которое одно глядѣло ласково на поэта маститаго?!

Я не Гомеръ, но критики мои еще злѣе Самосцевъ! На этихъ страницахъ, за которыя меня упрекаютъ, подъ каплями чернилъ лежатъ густыя капли пота. Не для славы имени я работаю, *а для заплаты долга* одолжившимъ меня. Мое имя?! Я знаю судьбу его! Да зароется оно вмѣстѣ съ трупомъ, носившимъ его. Надобно считать меня низпадшимъ до совершенной мелочности, чтобъ предположить во мнѣ суетное исканіе того смертнаго отголоска, который называютъ: «памятью людей!» Жилъ-бы я только *въ памяти Бога*, а до людской памяти мнѣ дѣла нѣтъ!... Жизнь мою сравните съ окончившимся уже теат-

ральнымъ представленіемъ. Одинъ запоздалый стоитъ и ждетъ, пока толпа сольется: зала пустѣетъ, люстры гаснутъ, лампы дымятся; сцена, съ какимъ-то глухимъ шумомъ, разоблачается отъ яркихъ своихъ декорацій, сумракъ и пустота, печальная существенность — занимаютъ мѣсто призрачныхъ обяаній; а *запоздалый* все стоитъ и ждетъ череда своего!

БЕСЕДА IV.

И кого-жъ мнѣ пожалѣть въ этой жизни, теперь уже безжизненной? — Развѣ я не схоронилъ всѣхъ моихъ мыслей? Пристало-ли мнѣ, угасающимъ голосомъ напѣвать пѣсни, которыя должны оканчиваться рыданіемъ?! Мнѣ-ли кидаться въ этотъ омутъ политическихъ событій?... Развѣ я могу вѣровать въ формы, за которыя сегодня народъ хватается обѣими руками, а завтра бросаетъ ихъ къ себѣ подъ ноги?!! Какъ-же я возьму на себя отлить или вырубить прямо на бѣло изъ бронзы или мрамора колосальное изваяніе рода человѣческаго, когда и самымъ отличнымъ художникамъ Богъ далъ возможность лѣпить свои произведенія прежде изъ рыхлой глины, а тамъ уже передавать ихъ не ломкому мрамору? Для чего жить, когда не видишь кругомъ себя ничего, кромѣ развалившихся зданій прежнихъ своихъ мыслей? Блаженны умершіе въ самомъ разгарѣ поднятыхъ ими тревогъ! Смерть — ихъ

казнь; но она-же дала имъ и убѣжище! А казнь *жизнію*, развѣ лучше казни смертію?!!

БЕСѢДА V.

Давно-бы ужъ я умеръ смертію Катона, еслибъ исповѣдывалъ его вѣрованіе. Но я благоговѣю предъ судьбами моего Бога и думаю, что терпѣливое ожиданіе смерти у послѣдняго нищаго, на его гнилой соломѣ, величественнѣе смерти недотерпѣвшаго Катона. Умереть—значитъ убѣжать! Катонъ возсталъ противъ судовъ Вышняго, нищій—покоряется имъ. Покориться подъ крѣпкую руку Божію — вотъ истинная слава!... Одно изъ двухъ: жизнь есть даръ, или наказаніе. Если это даръ,—пользуйтесь имъ, допивайте чашу до дна, хоть будутъ попадаться и горькія капли; если это наказаніе, переносите его, какъ таинственное и вмѣстѣ цѣлебное возмездіе за ваши проступки. Я живу еще, но не на розахъ жизни! Болѣе-ли моего жизнь приѣлась самому Катону?! Я самъ вижу и пересчитываю, одинъ за другимъ, *камни*, которыми меня заживо побиваютъ!! Но я не плачусь на людей: такова ужъ, видно, судьба моя!...

БЕСѢДА VI.

Вотъ какъ я живу!.. Но знаете-ли, что и при всемъ этомъ радуюсь иногда, что еще живу,

хоть и выставленъ, какъ каторжникъ, у позорнаго столба, который не позоритъ, но убиваетъ!

Я тружусь на смерть, но въ этомъ трудѣ, съ его благою цѣлію, не все смертоносно: въ отцтѣ, подносимомъ къ устамъ моимъ, попадаются иногда и капли воды освѣжающей. Я дѣлалъ, что могъ; теперь дѣлать уже нечего!! Я трудился для людей,—люди оттолкнули меня. Богъ съ ними!— Одному нечего дѣлать!

Ѳ. Н. Глинка.

РОЖДЕНІЕ АРФЫ.

Древнее финское стихотвореніе, написанное размѣромъ подлинника, съ изустнаго перевода проф. *Шегрена* *).

—

Самъ нашъ старый Вейнамена,
Самъ *ладьи* изобрѣтатель,
Изобрѣлъ и сдѣлалъ арфу. —
Изъ чегожъ у арфы обручъ? —
Изъ корельскія березы.
Изъ чего колки у арфы? —
Изъ коленыхъ спицъ дубовыхъ. —
Изъ чего у арфы струны?
Изъ волосьевъ бурныхъ коней. —

И сзываетъ Вейнамена
Дѣвъ и юношей игривыхъ,
Чтобъ порадовались арфой,
Прозвѣнѣвъ ея струнами....

*) Извѣстный профессоръ Шегренъ два раза проходилъ скалистую Финляндію и олонецкіе лѣса съ цѣлію изслѣдованія языка финскихъ племенъ. По зимамъ заходилъ онъ отогрѣваться въ *Петрозаводскъ*, и словесно переводилъ мнѣ нѣкоторыя изъ *финскихъ* стихотвореній, имѣющихъ свой *особенный* размѣръ безъ рифмъ, но звучный и пріятный.

Но была не въ радость — радость,
Не игриво ихъ игранье! —

Позвалъ онъ мужей безженыхъ,
И женатыхъ звалъ героевъ:
Радость все была не въ радость,
Не ласкались къ звукамъ звуки....
Позвалъ онъ старухъ согбенныхъ
И мужей въ середнихъ лѣтахъ:
Радость все была не въ радость, —
Не сливался звукъ со звукомъ! —
Тутъ возсталъ нашъ Вейнамена

Самъ, — и сѣлъ какъ лучше вѣдалъ. —
И, своими онъ перстами
Повернулъ затылокъ арфы
На колѣнахъ, къ самой груди;
И, уставя чинно арфу,
Заигралъ онъ самъ, нашъ старецъ....
И была игра игрою,
И ужъ радость стала въ радость! —

И по всѣмъ лѣсамъ и рощамъ,
Не нашелся ни единый
Изъ большихъ четвероногихъ,
Или чьи — малютки-лапки
Рѣзво бѣгаютъ въ дубравахъ, —
Кто-бъ не шолъ съ толпой послушать,
Какъ искусно будитъ радость
Старый, добрый Вейнамена....

Самъ *медвѣдь*, на заднихъ лапахъ,
Упершись на изгороду,
Сталъ и долго слушалъ пѣсню. —
Не нашлось въ лѣсахъ и рощахъ,
Никого изъ всѣхъ пернатыхъ,

Пестроперыхъ, двукрылатыхъ,
Ктобъ отъ пѣсни отказался:
И слѣтались всѣ, какъ тучи,
Или снѣжные охлопки.

Не нашлось и въ синемъ морѣ,
Шестиперыхъ, восьмиперыхъ,
Молодыхъ и старожиловъ,
Обитателей подводныхъ,
Ктобъ, узнавъ о чудной пѣсни,
Не пошолъ ее послушать. —
И хозяйка водяная,
Повалившись на осоку,
И припавши грудью бѣлой
На высокой мшистой камень,
Поднялась, чтобъ слушать пѣсню....

И у старца Вейнамены
Влажны, влажны стали очи,
И отхлынули потоки! —
И скруглялась влага въ капли,
И тѣ капли были крупны,
Какъ на мшистыхъ тундрахъ клюква.
И катились капли къ груди —
И отъ груди, потихоньку,
На согбенныя колѣна,
Отъ колѣнъ къ ногамъ и ниже....
И прошли сквозь *пять* покрововъ
И сквозь *восемь* рунныхъ тканей.

Ѳ. Глинка.

О ТОМЪ, ЧТО МОЖЕТЪ ВЫВЕСТИ ЗЕМЕЛЬНЫХЪ ВЛАДѢЛЬЦЕВЪ ИЗЪ ЗАТРУДНИТЕЛЬНАГО ПОЛОЖЕНІЯ, ВЪ КОТОРОМЪ НЫНѢ ОНИ НАХОДЯТСЯ.

СОЧИНЕНІЕ

Н. И. Тарасенко-Отрѣшкова.

О томъ, что можетъ вывести земельныхъ владѣльцевъ изъ затруднительнаго положенія, въ которомъ нынѣ они находятся.

«Ce n'est point avec de l'or ou
«de l'argent, c'est avec du travail,
«que toutes les richesses du monde
«ont éte achetées.»

Adam Smith.

—

Если самодовольствіе, самообольщеніе вообще вредны, то въ земельной производительности оно пагубно. Посему первое условіе всякаго успѣха состоитъ въ убѣжденіи въ неудовлетворительности настоящаго положенія и въ рѣшимости трудомъ улучшить его.

1. Количество земельной производительности.

Для доказательства того, что говоря вообще, въ Россіи земельная производительность производитъ не достаточно, т. е. гораздо менѣе того сколько она можетъ и должна производить, — не нужно приводить многосложныхъ цыфръ и отвле-

ченныхъ финансовыхъ выводовъ. Я укажу только на нашу заграничную торговлю. А это я дѣлаю потому, что *во первыхъ*, наша заграничная отпускная торговля главнѣйше состоитъ изъ произведеній земли и сельскаго домоводства и *во вторыхъ*, потому что заграничная торговля, при извѣстныхъ условіяхъ, представляетъ степень общей производительности государства [1]).

Изъ оффиціальныхъ отчетовъ видно, что всего вообще отпускается изъ Россіи за границу въ годъ только на 85 миліоновъ руб. сер.; равно и получаетъ Россія изъ-за границы почти на такую же сумму.

Если притомъ станемъ изслѣдовать, въ какихъ именно предметахъ главнѣйше заключается наша заграничная торговля, то конечно не безъ удивленія увидимъ:

а) Что въ Россію ежегодно привозится изъ-за границы предметовъ пищи и сластей на сумму большую противъ того, на сколько сама Россія отпускаетъ за границу своихъ предметовъ пищи и сластей, считая даже въ томъ числѣ и отпускъ всѣхъ родовъ хлѣба [2]).

---

[1]) Нынѣ изъ общаго оборота заграничной торговли нижепоказанныхъ государствъ приходится на каждую душу ихъ народонаселенія:

	Руб. сер.
Англіи и Бельгіи	33
Франціи	22¼
Пруссіи съ нѣмецкимъ торговымъ союзомъ	13
Австріи	4
Россіи	3

[2]) Выше сказано что всего вообще привозится въ Россію изъ-за границы въ годъ на 85 мил. руб. Въ томъ

б) Что сверхъ того, этотъ привозъ изъ-за границы предметовъ пищи и сластей ежегодно увеличивается.

в) Что весьма многіе изъ нихъ, какъ напримѣръ: сельди, сухія плоды и отчасти вина, могли быть производимы въ Россіи, или даже и производятся уже, но въ дурномъ видѣ [3]).

г) Что съ другой стороны, по отпуску за границу нашихъ коренныхъ статей видно, что отпускъ изъ нихъ увеличивается по льну и лѣсу;

числѣ привозится собственно предметовъ пищи и сластей, какъ то: сахару, питья, плодовъ, рыбъ, устрицъ, сыровъ, сельдей и другихъ предметовъ на 42 мил. рубл., тогда какъ сама Россія отпускаетъ за границу своихъ предметовъ пищи и сластей, а въ томъ числѣ и хлѣбовъ въ годъ всего только на 32 миліона руб. сер. Подобнаго примѣра не представляетъ ни одно изъ европейскихъ государствъ.

[3]) Привозится изъ-за границы въ Россію цѣнностію въ годъ:

	Руб. сер.
Сахара	9.500,000
Табаковъ	2.000,000
Плодовъ	3.125,000
Рыбъ	2.000,000
Напитковъ	7.500,000
Шелка сырца и пряденаго	4.000,000
Шелковыхъ тканей	4.000,000
Шерсти пряденой	1.750,000
Шерстяныхъ издѣлій	750,000
Красильныхъ матеріаловъ	5.600,000
Мѣховъ	1.500,000
Скота	1.200,000
Каменнаго угля	1.000,000
Химическихъ произведеній	750,000
Пряностей	500,000
Бронзы и мелкихъ вещей	300,000
Жемчугу и драгоцѣнныхъ камней	1.330,000
Кружевъ	600,000

что за тѣмъ отпускъ многихъ изъ нихъ оставался въ теченіе истекшаго десятилѣтія безъ увеличенія, какъ то: хлѣба, пеньки, веревокъ, канатовъ масловыхъ сѣмянъ, и что наконецъ отпускъ прочихъ главнѣйшитъ статей даже постоянно уменьшается; а именно: сала, холста, парусины, рыбьяго клея, воска, кожъ, желѣза и мѣди.

Къ этому должно еще присовокупить, что въ то-же время иностранныя государства продолжаютъ покупать, но не въ Россіи, а въ иныхъ странахъ, тѣ самыя земельныя произведенія, которыя мы у себя производимъ и которыя прежде мы продавали имъ въ большемъ количествѣ. Посему слѣдуетъ заключить, что если тѣ государства покупаютъ произведенія подобныя нашимъ въ другихъ мѣстахъ, то это значитъ, что тамъ они продаются дешевле, чѣмъ у насъ. Другими словами это значитъ, что тамъ болѣе благоустройства въ хозяйствѣ, употреблено болѣе капитала, приложено болѣе разумнаго труда.

2. Главнѣйшіе производители земледѣлія.

Число земельныхъ владѣльцевъ въ Россіи весьма велико. Говоря въ общихъ выраженіяхъ, въ это число входятъ лица почти изъ всѣхъ сословій.

Я не стану говорить о лицахъ, употребляемыхъ при земельномъ владѣніи въ видѣ обязательнаго труда. Притомъ-же есть изъ нихъ и лица, которыя во многихъ случаяхъ входятъ въ разрядъ поденьщиковъ, работниковъ на задѣльной платѣ,

бобылей, словомъ, не личностей относительно земельной владѣтельности.

Говоря здѣсь о земельныхъ владѣльцахъ или вообще о самостоятельныхъ дѣятеляхъ по земледѣлію, я буду понимать преимущественно:

а) Земельныхъ промышлениковъ, т. е. *лицъ, занимающихся воздѣлываніемъ земли, какъ промысломъ или промышленностію*, не различая: занятіе ихъ совершается на собственной ихъ землѣ, или же на взятой ими въ оброкъ или въ кортому; и б) лицъ владѣльцевъ, или собственно земельныхъ помѣщиковъ.

Извѣстно, что главнѣйше эти два разряда земледѣльческихъ производителей, за собственнымъ прокормленіемъ, даютъ тѣ излишки хлѣбовъ, а отчасти и другихъ предметовъ сельскаго хозяйства, которыя идутъ въ продажу, какъ внутри государства, такъ и за границу.

Разсмотримъ-же положеніе каждаго изъ этихъ двухъ разрядовъ производителей.

А) ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЕ ПРОМЫШЛЕННИКИ.

Число лицъ, снимающихъ въ Россіи незаселенныя земли и берущихъ ихъ въ кортому, или въ оброчное содержаніе гораздо болѣе, чѣмъ по видимому кажется. Можно сказать что оно весьма велико. Сюда входятъ крестьяне всѣхъ поименованій, снимающіе участки или паи отъ своихъ-же или сосѣднихъ крестьянъ и мѣщанъ. Сюда-же входятъ и лица, снимающія отъ казны или отъ

помѣщиковъ болѣе или менѣе большія пространства земель. Словомъ, это суть дѣйствительные земледѣльцы-промышленники.

Изъ сословія собственно помѣщиковъ, только весьма малое и можно сказать ничтожное число занимаются земледѣліемъ, какъ промышленностію. Все остальное огромное число этого рода промышленниковъ составляютъ сословія: крестьянское, мѣщанское, отчасти и купеческое.

Хотя почти всѣ эти лица начинаютъ заниматься земельною промышленностію лично и почти безъ капитала или съ ничтожнымъ капиталомъ и то занятымъ за большія проценты, не менѣе того большая часть ихъ получаютъ отъ этого занятія хорошія выходы. Даже весьма многія изъ нихъ становятся зажиточными, многокапитальными торговцами. Вообще изъ этого рода промышленниковъ много выходитъ въ купцы и иныя торговыя сословія.

Слѣдовательно, въ Россіи собственно земельная промышленность есть дѣло не безвыгодное и говоря вообще лица, занимающіяся ею, вовсе не находятся въ стѣснительномъ положеніи: напротивъ.

Что-же дѣлаетъ выгоднымъ и доходнымъ эти ихъ занятія, этотъ ихъ промыселъ?

Дѣло состоитъ въ томъ, что русскій земельный промышленникъ, подобно иностранному землевладѣльцу Франціи, Америки, Алжиріи или подобно фермеру Англіи и Германіи, — есть личный блюститель и дѣятель своего хозяйства, непосредственный распорядитель работъ и занятій, смо-

тритель всего своего обихода. Притомъ и расходъ и его собственный, и его дома незначителенъ. А это-то и дѣлаетъ земельную производительность выгодною и не рѣдко весьма выгодною.

Б) Земельные владѣльцы.

Изъ числа этихъ владѣльцевъ слѣдуетъ исключить лицъ, которыхъ государственная служба заставляетъ находиться въ болѣе или менѣе постоянномъ отдаленіи отъ своихъ земельныхъ достояній. Можно даже исключить и лицъ, которыя имѣютъ обширныя земельныя владѣнія. Находясь внѣ настоятельной нужды, они, конечно, могутъ считать себя и внѣ обязанности личнаго и непосредственнаго труда и наблюденія за ходомъ своихъ обширныхъ земельныхъ достояній. Но такихъ, конечно, не много. По изчисленію г. Кеппена, такихъ лицъ считается во всей Россіи только до 1500 семействъ [4]).

[4]) Изъ выводовъ, сдѣланныхъ академикомъ Кеппеномъ видно, что въ европейской Россіи, кромѣ 3-хъ остзейскихъ провинцій, состояло до 10 мил. душъ мужеск. пола помѣщичьихъ крестьянъ. Изъ нихъ помѣщиковъ, владѣющихъ крестьянами съ землею:

	Число помѣщиковъ.	У нихъ крестьянъ муж. пола.
Такихъ у которыхъ у каждаго менѣе 20 душъ крест. муж. п.	58,457	450,037
отъ 21 души до 100 » »	30,417	1.500,351
» 101 » » 500 » »	16,740	3.634,194
» 501 » » 1000 » »	2,273	1.562,831
болѣе » » 1000 душъ	1,453	3.556,959
Итого владѣющихъ крест. съ землею	109,340	10.104,378

Здѣсь предстоитъ говорить собственно о тѣхъ земельныхъ владѣльцахъ, которые не обременены иными занятіями, кромѣ своего владѣнія и особенно о тѣхъ изъ нихъ, которые имѣютъ среднее, или-же недостаточное состояніе, и которые по сему добровольно или по необходимости остаются или должны оставаться болѣе или менѣе постоянно въ деревняхъ. А число такихъ лицъ весьма велико.

Согласимся, что земельные владѣльцы этого разряда, если не всѣ, то многіе, конечно, поставили себя въ стѣснительное положеніе.

Въ оправданіе свое, многіе изъ нихъ высказываютъ что въ Россіи земельная производимость не вознаграждаетъ владѣльцевъ, или по-крайней-мѣрѣ весьма скудно вознаграждаетъ, и уже несравненно скуднѣе, чѣмъ прочія у насъ занятія по торговлѣ и промышленности.

Это мнѣніе не можетъ быть признано справедливымъ не только относительно земледѣлія вообще, но даже и относительно земель собственно владѣльцевъ.

Извѣстно, что даже при нынѣшнемъ образѣ дѣйствія земельныхъ владѣльцевъ, ихъ имѣнія, говоря вообще, даютъ съ капитала своей цѣнности около 6 процентовъ, даже многія изъ нихъ 7, нѣкоторыя 8 процентовъ, а не рѣдко и болѣе.

Съ другой стороны извѣстно и то, что въ государствахъ западной Европы, какъ то: Англіи, Франціи, Пруссіи, средней Германіи, Голландіи Бельгіи и Ломбардіи, — земельныя владѣнія, при

несравненно бóльшей цѣнности, даютъ гораздо менѣе чистаго дохода относительно капитала своей цѣнности. И именно, тамъ, они даютъ до 3 процентовъ со ста, а въ нѣкоторыхъ странахъ и менѣе.

Сверхъ того, въ Россіи земельные владѣльцы, какъ почетное сословіе, пользуются великими личными и исключительными выгодами и преимуществами, которыхъ не имѣютъ нигдѣ подобныя сословія. Въ Россіи имъ предоставлены значительныя льготы, не только по государственнымъ податямъ, но даже по продажѣ и сбыту произведеній, а отчасти и по торговлѣ.

Что-же касается положенія въ Россіи весьма многихъ разрядовъ промышленности и торговли, то, благодаря ихъ быстрому развитію, многіе изъ нихъ конечно составляютъ занятія выгодныя, и даже нѣкоторые весьма выгодные.

Но развѣ не предоставлена у насъ полная свобода всякому, не смотря на сословіе, дѣйствовать по всѣмъ родамъ торговли, промышленности и фабричности?

Очевидно, что если не всѣ бросаются собственно въ торговлю, фабричность и промышленность, то это отъ того, что занятія ихъ требуютъ совершенно иныхъ привычекъ, иныхъ способностей, а не рѣдко и значительнаго оборотнаго капитала; а главное требуютъ особыхъ познаній, большой опытности, упорнаго труда, постоянной заботливости, личнаго кредита и много иныхъ условій, которыхъ весьма немногіе изъ земель-

ныхъ владѣльцевъ могутъ выполнить, при нынѣшнихъ ихъ привычкахъ, при ихъ воззрѣніи на людей и вещи, при нынѣшнихъ ихъ понятіяхъ о своемъ общественномъ положеніи.

Сверхъ того всякое, даже благоразумно и осторожно веденное занятіе по торговлѣ и промышленности, всегда болѣе или менѣе сопряжено съ рискомъ. Слѣдовательно, самая справедливость требуетъ, чтобы тѣ занятія приносили и болѣе выгодъ соразмѣрно риску.

Все это дѣлаетъ то, что какъ въ Россіи, такъ и въ прочихъ государствахъ, говоря вообще, земледѣліе даетъ чистый доходъ меньшій, чѣмъ торговля и промышленность. Дѣйствительно, полученіе чистаго дохода по земельному владѣнію не сопряжено съ столь великими, почти неизбѣжно существующими рисками; оно не требуетъ въ той степени постояннаго труда, ежеминутной борьбы и усилія; не требуетъ той напряженной дѣятельности, которая заставляетъ людей, даже преуспѣвающихъ въ своихъ торговыхъ и промышленныхъ дѣлахъ, людей, даже составляющихъ огромныя состоянія, словомъ людей, получающихъ на цѣнность своего капитала и своего труда огромные проценты, при всемъ этомъ заставляетъ ихъ желать и при возможности обратить столь выгодныя свои занятіи на земельное владѣніе, конечно доставляющее завѣдомо меньшіе доходы, но болѣе вѣрныя и несравненно менѣе тревожныя.

Поэтому-то и въ прочихъ образованныхъ и промышленныхъ государствахъ Европы, земель-

ныя владѣнія покупаютъ на капиталъ, дающій только $2^1/_2$ или 3 процента.

Итакъ причины стѣснительнаго положенія нѣкоторыхъ земельныхъ владѣльцевъ заключается вовсе не въ невыгодности въ Россіи самаго дѣла, то есть земельной производительности; мы уже видѣли, что она сама по себѣ выгодна. Но сохраняя искреннюю благонамѣренность, скажемъ откровенно, что по нашему убѣжденію, она главнѣйше заключается въ томъ положеніи, которое земельные владѣльцы сами себѣ создали; она заключается въ образѣ дѣйствія, котораго они не желаютъ оставить; въ обиходѣ, котораго они никакъ не хотятъ измѣнить. Словомъ въ самыхъ ихъ.

3. Средства улучшенія.

Признавъ стѣснительность положенія нѣкоторыхъ изъ земельныхъ владѣльцевъ, постараемся указать по возможности и средства къ его улучшенію.

ПЕРВОЕ СРЕДСТВО.

Самое дѣйствительное средство есть трудъ.

Не станемъ приводить доказательствъ тому, что не всѣ земельные владѣльцы любятъ трудъ; не всѣ вѣрятъ въ его возможность: не всѣ убѣждены въ томъ, что даже постоянное пребываніе въ своемъ владѣніи, безъ постояннаго труда, безъ

разумныхъ личныхъ распоряженій, особенно при нынѣшнемъ ихъ положеніи, не можетъ доставить того благосостоянія, тѣхъ доходовъ, которые въ дѣйствительности могли и должны доставлять ихъ владѣнія.

Человѣкъ предопредѣленъ на трудъ. Только трудомъ онъ могъ достичь до пониманія силъ природы, до преобладанія надъ ними; только трудомъ умственнымъ, нравственнымъ и физическимъ, человѣкъ можетъ пріобрѣсти и просвѣщеніе, и нравственныя качества, и самое состояніе. Трудъ есть огонь, очищающій золото. Разумный трудъ есть капиталъ, созидающій все благое и прекрасное.

Можно сказать, что только въ разумномъ трудѣ, трудѣ непосредственномъ, упорномъ и личномъ самихъ земельныхъ владѣльцевъ — состоитъ ближайшее и дѣйствительное средство къ отстраненію стѣснительнаго положенія, на которое сѣтуютъ столь многіе изъ нихъ.

ВТОРОЕ СРЕДСТВО.

Оно состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить дѣйствительную цѣнность своего владѣнія и чистый доходъ, имъ приносимый.

Не смотря на видимую необходимость знать истинную цѣнность своего достоянія, едва-ли и малая часть земельныхъ владѣльцевъ положительно знаютъ объ этомъ.

Возьмемъ человѣка съ среднимъ состояніемъ, имѣющаго въ одной изъ лучшихъ губерній, напримѣръ: 1500 десятинъ земли или 250 заложенныхъ душъ. Какая цѣнность этого достоянія? Если оцѣнимъ то земельное владѣніе безъ крестьянъ, кругомъ по 13 и даже по 15 руб. сереб. за десятину, или-же, если оцѣнимъ душу по 160 руб. сер., то это достояніе будетъ стоить 40.000 руб. сер. Души тѣ заложены въ кредитныя учрежденія по 80 руб. за душу; всего заложено на 20.000 руб. Слѣдовательно въ сущности все то достояніе свыше залога стоитъ только 20.000 р. Если положить, что оно даетъ чистаго дохода 6 процентовъ, то ежегодный воловой доходъ составитъ 1200 руб.

Откладывая изъ нихъ на неурожаи, пожары и иные непредвидимые случаи хотя 200 рублей, остается дѣйствительнаго чистаго дохода, который можно проживать, только 1000 руб.

Конечно эта сумма чистаго дохода не можетъ давать средствъ жить беззаботно и дозволять прихоти. Но и при доходѣ 1000 руб. даже съ семействомъ, можно жить въ своемъ владѣніи безнуждно, впрочемъ усердно и лично наблюдая за дѣйствіями своего хозяйства, сохраняя во всемъ бережливость и порядокъ.

Спрашивается, многіе-ли изъ земельныхъ владѣльцевъ, имѣющихъ 1500 десятинъ свободной отъ домовъ земли, или землю при заложеныхъ 250 душахъ, ограничивается прожитіемъ въ годъ 1000 рублей? Многіе-ли изъ нихъ убѣждены въ

томъ, что нѣтъ никакой ни надобности, ни возможности, не только при 250 душъ, но и при 300, и даже при 500 душахъ, имѣть управляющихъ, огромную дворню, наемныхъ и особенно иностранныхъ воспитателей, учителей искусствъ, держать кареты и иные дорогіе экипажи, выписывать мебель и одежды изъ столицъ, пользоваться блестящими удовольствіями города зимою, — и полною безпечностію сельской жизни лѣтомъ; словомъ, жить безъ личнаго разумнаго труда, безъ постоянной заботливости, безъ старанія объ улучшеніи самаго владѣнія и о поддержаніи быта своихъ людей обязательнаго труда?

При столь ограниченномъ достояніи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, при подобномъ непроизводительномъ образѣ жизни, возможно-ли дать даже скромное приданое дочерямъ, а и того менѣе возможны-ли постоянныя поддержки сыновьямъ, пребывающимъ внѣ родительскаго дома и равно не обезпечивающихъ своихъ расходовъ личнымъ трудомъ?

Не слѣдуетъ-ли сознать, что изъ тѣхъ земельныхъ владѣльцевъ, самые благоразумные проживаютъ весь доходъ, нисколько не откладывая копѣйки про черный день? Случись неурожай, пожаръ, помѣщеніе дѣтей или устройство судьбы ихъ, или иной необыкновенный расходъ, придется перезаложить владѣніе или вырубить рощу; а тамъ извѣстныя послѣдствія.... И тогда, чтобы сохранить правила безкорыстія, сколько нужно твердости характера въ неровной борьбѣ: съ од-

ной стороны легкость добыть денегъ, а съ другой тягости нуждъ одолѣвающихъ семейства?

ТРЕТЬЕ СРЕДСТВО.

Оно состоитъ въ томъ, чтобы рѣшиться измѣнить свой домашній обиходъ.

Зачтя въ безповоротную трату всѣ прошлыя пожертвованія, сдѣланныя тщеславію предразсудкамъ и заблужденію, необходимо рѣшиться неотлагательно измѣнить понятія: о приличіяхъ, столь условныхъ и притомъ столь ничтожныхъ; рѣшиться навсегда установить на скромную ногу свой домашній обиходъ и притомъ въ размѣрѣ, и даже менѣе размѣра истинныхъ доходовъ, даваемыхъ имѣніемъ.

Развѣ при небольшомъ достаткѣ возможно и даже необходимо имѣть дворню огромную, прислугу многочисленную, праздную, испорченную; прислугу, отъ пороковъ которой съ величайшимъ трудомъ едва-ли возможно защитить воспитаніе дѣтей, которыя неизбѣжно находятся въ этомъ нѣжномъ возрастѣ въ столь близкомъ соприкосновеніи съ прислугою? Развѣ необходимо для счастія имѣть дорогіе экипажи? Развѣ мы лишаемся уваженія, пріѣхавъ вмѣсто кареты — въ бричкѣ или тарантасѣ? Развѣ необходимо пить дорогія вина, и имѣть утонченный столъ, когда отъ насъ зависитъ не умѣть распознавать тѣхъ утонченностей, или, переставъ употреблять ихъ, отучить

свое небо чувствовать въ нихъ необходимость? Развѣ нужно для того, чтобы быть счастливымъ выписывать изъ столицы платья и наряды? Развѣ неизбѣжно играть столь часто въ карты, и притомъ по большой цѣнѣ? Развѣ для счастія родителей и дѣтей необходимо быть знатоками въ музыкѣ, пѣніи, не для того, чтобы эти искусства въ послѣдствіи стали цѣлію жизни и служили способами существованія, — но единственно для того чтобы наслаждаться ими въ столичныхъ театрахъ или въ богатыхъ гостинныхъ, когда по всему вѣроятію они не увидятъ первыхъ и навѣрное не попадутъ во вторыя? Развѣ вмѣсто этихъ суетныхъ желаній, тревожныхъ стремленій, вмѣсто этихъ чрезмѣрныхъ усилій къ поддержанію наружнаго блеска и ничтожнаго тщеславія, не необходимѣе наслаждаться постоянно спокойствіемъ души, столь отраднымъ сознаніемъ посильнаго исполненія своихъ обязанностей и всѣми многочисленными удовольствіями домашняго быта, конечно скромнаго, но существеннаго? Да и почему считать за собою право на всѣ прихоти роскоши, на утонченія питья и яствъ, на дорогіе экипажи, на преимущественное занятіе только удовольствіями и пріятностями искусствъ, когда по какимъ-бы то ни было обстоятельствамъ, имѣется тотько достатокъ малый, и то полученный по наслѣдству, или дошедшій незаконными случайностями, которыя нынѣ, благодаря высшему правительству, представляются рѣже и рѣже? Не потому-ли только что вашъ отецъ наслаждался

всѣми этими благами? Но почему вы указываете на отца, а не на дѣда или пращура, хозяина трудолюбиваго, жившаго скромно отъ своего помѣстья, человѣка служиваго, точнаго къ исполненію всѣхъ своихъ обязанностей, который по первому требованію воеводы отправлялся на войну въ сопутствіи слуги, везшаго крупу и сухари, изготовленные руками его домашнихъ? Почему-же не указать на пращура, передавшаго свое увеличенное помѣстье наслѣдникамъ, отъ которыхъ умаленная частица, можетъ-быть, составляетъ еще и нынѣшнее ваше достояніе? Почему-же вмѣсто столь достопочтеннаго пращура — указывать на отца, можетъ-быть равно дѣлавшаго походы, но съ искуснымъ поваромъ, фургономъ, снабженнымъ французскими винами и консервами, или проведшаго всю жизнь блестящимъ образомъ, но не производительно, умалившаго прародительское достояніе и заложившаго остальное? Кажется, скорѣе можно было-бы указать на пращура, чѣмъ на образѣ жизни отца основать права на роскошную жизнь.

Неужели всѣ должны быть богаты? Неужели весьма большое число въ государствѣ на то и существуетъ, чтобы не трудиться, или чтобы трудиться не производительно, чтобы роскошничать; вкушать блага жизни, мало участвуя или даже вовсе не участвуя въ томъ, чтобы и въ свою очередь увеличить общую массу производительности? Государство состоитъ изъ частныхъ лицъ, изъ единицъ. Въ томъ государствѣ, гдѣ много

единицъ трудящихся, тамъ болѣе и общаго благосостоянія; а тамъ, гдѣ много единицъ не трудящихся, или еще хуже трудящихся не производительно, — тамъ и сумма общаго благосостоянія меньшая. И какъ-же можетъ быть въ подобной странѣ и частное довольство, и государственное богатство, и значительная торговля, и промышленность?

На то и просвѣщеніе и образованность, чтобъ любить трудъ и умѣть трудиться. На то и образованность, чтобы не мѣрить достоинства человѣка лишнимъ рублемъ дохода, но личнымъ его достоинствомъ; на то и образованіе, чтобы отдавая должную справедливость другимъ, имѣть уваженіе къ своему занятію, къ исполненію своихъ обязанностей, какъ-бы они малы ни были.

Скажутъ, что при вышесказанныхъ условіяхъ хотя и достигается довольство въ существованіи вещественномъ, но изгоняются всякія удовольствія.

Конечно, изгоняются удовольствія прихотливыя, дорогія, вовсе несовмѣстныя съ богатымъ сельскимъ бытомъ; удовольствія явно раззорительныя и для владѣльца, и для владѣнія. Но это суть удовольствія личнаго вашего воззрѣнія и притомъ никакимъ образомъ несовмѣстнаго съ вашимъ положеніемъ? Почему-же должно имѣть именно эти несовмѣстныя и раззорительныя удовольствія? Развѣ деревенская жизнь не можетъ имѣть иныхъ, и даже высшихъ и болѣе нравственныхъ и умственныхъ удовольствій? Развѣ

сельскій быть, сельская жизнь не имѣетъ своихъ постоянныхъ прелестей, столь доступныхъ душамъ, неискаженнымъ вычурностію? —Развѣ природа не вездѣ и всегда привлекательна? — Развѣ занятіе земельнаго владѣльца не представляетъ постояннаго удовольствія? — Самое развитіе и ежедневное проявленіе его труда, то въ ростѣ густыхъ всходовъ нивъ, то въ цвѣтѣ садовыхъ деревьевъ, то въ улучшеніяхъ многочисленныхъ предметовъ владѣнія, то въ безпрерывныхъ измѣненіяхъ временъ года, отъ возраждающейся природы лучами весенняго солнца и появленія первой ласточки, до посѣва, сѣнокоса, сбора жатвы и самой зимы, съ отправляемыми на продажу обозами и всѣми занятіями, отдохновеніями и удовольствіями многообразнаго сельскаго быта? —

ЧЕТВЕРТОЕ СРЕДСТВО.

Оно состоитъ въ томъ, чтобы дать дѣтямъ болѣе основательное и опредѣлительное по своей цѣли воспитаніе.

Кто станетъ опровергать, что нынѣ все стремленіе, все желаніе, все попеченіе родителей не только среднихъ, но и недостаточныхъ состояній,—клонится къ тому, чтобы дать наружное, поверхностное и особенно свѣтское воспитаніе, наравнѣ съ дѣтьми людей богатыхъ и высоко стоящихъ въ быту гражданственномъ?

Не видимъ-ли мы, что семейства съ ограничен-

нымъ достаткомъ, нерѣдко платятъ учителямъ музыки за каждый урокъ по 5 и 10 руб., а итальянскимъ учителямъ пѣнія и по 15 и даже по 25 руб. сер.? — Сколько употребляется труда, попечений, особенно денегъ на уроки музыки, живописи и искусствъ при воспитаніи дѣтей съ 6-ти до 20-ти лѣтняго возраста?—Изъ этого числа, представляющаго почти все число воспитывающагося юношества, много-ли вышло и выходитъ хотя нѣсколько замѣчательныхъ талантовъ, и того менѣе истинныхъ артистовъ? — По достиженіи 17-ти лѣтняго возраста не бросаются-ли всѣ эти болѣе или менѣе ничтожныя умѣнья—какъ вовсе ненужный хламъ? Кто станетъ опровергать, что родители не только средняго, но и недостаточнаго состоянія, давая образованіе даже сыновьямъ, этимъ будущимъ мужамъ, будущимъ дѣятелямъ, вовсе не стараются примѣнить даваемое имъ обученіе къ какой либо особенной цѣли, къ обученію, могущему быть въ послѣдствіи полезнымъ?—Родительская любовь, столь уважительная, но въ этихъ случаяхъ столь непрактически направленная, не жертвуетъ-ли настоящимъ довольствомъ семейства единственно только для того, чтобы доставить образованіе, которое по ихъ воззрѣнію должно поставить ихъ дѣтей въ положеніе играть блестящую роль; между тѣмъ, какъ они не только не могутъ доставить дѣтямъ въ послѣдствіи средства необходимыя для поддержанія такой роли, но даже сохранить и небольшаго своего состоянія?—Они забываютъ, что для такихъ ролей потребны и иныя

условія, а частію и иныя права. Они забываютъ ту очевидную истину, что не всѣ же могутъ и должны играть блестящія роли, и что кому-же нибудь приходиться исполнять и роли менѣе блестящія, и даже часто вовсе неблестящія, но не менѣе того роли, имѣющія предметомъ исполненіе занятій полезныхъ и для себя, и для отечества, занятій, почти всегда доставляющихъ благосостояніе и уваженіе.

Основательное образованіе состоитъ не въ тѣхъ поверхностныхъ, ни къ чему не ведущихъ знаніяхъ, не въ тѣхъ пониманіяхъ свѣтскостей и пошлыхъ любезностей, которыя притомъ теперь начинаютъ выходить изъ употребленія, подобно своимъ предшественникамъ, еще болѣе пошлымъ любезностямъ отошедшихъ навсегда маркизовъ и маркизъ.

Основательное воспитаніе состоитъ: — въ водвореніи доброй нравственности и тѣхъ ея правилъ, которыя такъ легко вселяются въ юныя сердца внушеніями попечительной матери, примѣромъ почитаемаго отца; оно состоитъ въ привычкѣ къ труду и порядку; наконецъ оно состоитъ въ томъ, чтобъ кромѣ нѣкоторыхъ знаній, необходимыхъ для общаго образованія ума и сердца, было доставлено юношѣ, сообразно его состоянію и способностямъ, — существенныя познанія въ избранномъ имъ предметѣ или цѣли своей жизни, то есть наукѣ, искуствѣ или ремеслѣ. Словомъ, знаніе потребное государству, знаніе которое могло-бы быть полезнымъ ему самому и обезпечить его будущее существованіе.

нымъ достаткомъ, нерѣдко платятъ учителямъ музыки, за каждый урокъ по 5 и 10 руб., а итальянскимъ учителямъ пѣнія и по 15 и даже по 25 руб. сер.? — Сколько употребляется труда, попеченій, особенно денегъ на уроки музыки, живописи и искусствъ при воспитаніи дѣтей съ 6-ти до 20-ти лѣтняго возраста?—Изъ этого числа, представляющаго почти все число воспитывающагося юношества, много-ли вышло и выходитъ хотя нѣсколько замѣчательныхъ талантовъ, и того менѣе истинныхъ артистовъ? — По достиженіи 17-ти лѣтняго возраста не бросаются-ли всѣ эти болѣе или менѣе ничтожныя умѣнья— какъ вовсе ненужный хламъ? Кто станетъ опровергать, что родители не только средняго, но и недостаточнаго состоянія, давая образованіе даже сыновьямъ, этимъ будущимъ мужамъ, будущимъ дѣятелямъ, вовсе не стараются примѣнить даваемое имъ обученіе къ какой либо особенной цѣли, къ обученію, могущему быть въ послѣдствіи полезнымъ?—Родительская любовь, столь уважительная, но въ этихъ случаяхъ столь непрактически направленная, не жертвуетъ-ли настоящимъ довольствомъ семейства единственно только для того, чтобы доставить образованіе, которое по ихъ воззрѣнію должно поставить ихъ дѣтей въ положеніе играть блестящую роль; между тѣмъ, какъ они не только не могутъ доставить дѣтямъ въ послѣдствіи средства необходимыя для поддержанія такой роли, но даже сохранить и небольшаго своего состоянія?—Они забываютъ, что для такихъ ролей потребны и иныя

условія, а частію и иныя права. Они забываютъ ту очевидную истину, что не всѣ же могутъ и должны играть блестящія роли, и что кому-же нибудь приходиться исполнять и роли менѣе блестящія, и даже часто вовсе неблестящія, но не менѣе того роли, имѣющія предметомъ исполненіе занятій полезныхъ и для себя, и для отечества, занятій, почти всегда доставляющихъ благосостояніе и уваженіе.

Основательное образованіе состоитъ не въ тѣхъ поверхностныхъ, ни къ чему не ведущихъ знаніяхъ, не въ тѣхъ пониманіяхъ свѣтскостей и пошлыхъ любезностей, которыя притомъ теперь начинаютъ выходить изъ употребленія, подобно своимъ предшественникамъ, еще болѣе пошлымъ любезностямъ отошедшихъ навсегда маркизовъ и маркизъ.

Основательное воспитаніе состоитъ: — въ водвореніи доброй нравственности и тѣхъ ея правилъ, которыя такъ легко вселяются въ юныя сердца внушеніями попечительной матери, примѣромъ почитаемаго отца; оно состоитъ въ привычкѣ къ труду и порядку; наконецъ оно состоитъ въ томъ, чтобъ кромѣ нѣкоторыхъ знаній, необходимыхъ для общаго образованія ума и сердца, было доставлено юношѣ, сообразно его состоянію и способностямъ, — существенныя познанія въ избранномъ имъ предметѣ или цѣли своей жизни, то есть наукѣ, искуствѣ или ремеслѣ. Словомъ, знаніе потребное государству, знаніе которое могло-бы быть полезнымъ ему самому и обезпечить его будущее существованіе.

При быстро совершающемся нынѣ развитіи производительности, торговли и промышленности Россіи, при возможности для всѣхъ пользоваться университетскими и столь многими специальными учебными учрежденіями, конечно открыта вся возможность даже дѣтямъ недостаточныхъ родителей, образовать себя по предметамъ столь многочисленнымъ и столь нужнымъ для большаго развитія силъ Россіи. Кто не знаетъ, что Россія имѣетъ большую надобность и въ ученыхъ профессорахъ, въ хорошихъ докторахъ, въ опытныхъ агрономахъ, въ знающихъ лѣсоводахъ, въ искусныхъ архитекторахъ, и въ смышленыхъ машинистахъ и въ управляющихъ фабриками и мануфактурами; въ людяхъ для дѣла горнаго, инженернаго и по части желѣзныхъ дорогъ? У насъ не достаетъ помощниковъ въ торговыхъ домахъ и въ банкирскихъ конторахъ и въ тысячи иныхъ выгодныхъ предпріятіяхъ? Конечно всѣ эти предметы требуютъ постояннаго труда и строгихъ правилъ, но они честно обезпечиваютъ настоящее и будущее существованіе.

Даже кромѣ помянутыхъ предметовъ, требующихъ подготовительныхъ познаній или покрайней-мѣрѣ нѣкоторой опытности, сколько остается еще иныхъ занятій весьма близкихъ быту тѣхъ земельныхъ владѣльцевъ? — Такъ близки имъ и ихъ дѣтямъ занятія, состоящія въ съемѣ и обработкѣ оброчныхъ земель и иныхъ статей. Такъ близки имъ и многочисленныя отрасли, имѣющія предметомъ занятія на мѣстѣ покупки хлѣ-

ба и продажи его. — Такъ близки имъ многія другія отрасли сельскаго домоводства, которыя ожидаютъ только дѣятельности, чтобы щедро вознаградить трудъ. Быть можетъ, что всѣ эти и другія занятія не совсѣмъ подходятъ къ нынѣшнему воззрѣнію на вещи; но очевидно, что они доступны людямъ недостаточнымъ и во всякомъ случаѣ такія занятія представляютъ честное и безбѣдное существованіе.

4. Заключеніе.

Конечно положеніе нѣкоторыхъ земельныхъ владѣльцевъ затруднительно. Но безспорно и то, что положеніе ихъ далеко не непоправимо, далеко не безъисходно. Для многихъ изъ нихъ и даже для весьма многихъ, потребуется только измѣнить собственное ихъ воззрѣніе на вещи, переиначить свой домашній обиходъ, усвоить личный трудъ. Послѣдствія непремѣнно будутъ благопріятны.

Сверхъ того, кромѣ этихъ личныхъ измѣненій къ улучшенію положенія тѣхъ земельныхъ владѣльцевъ, нынѣ совершается весьма важное и для нихъ весьма выгодное событіе. Это событіе состоитъ въ повсемѣстно совершающемся пониженіи цѣнности денегъ, или другими словами въ вздорожаніи цѣнъ на многіе предметы и особенно на предметы первыхъ потребностей человѣка, т. е. хлѣба и прочихъ предметовъ земледѣлія и сельскаго хозяйства. Посему всякій земельный владѣлецъ продажею того-же количества своихъ сельскихъ произведеній, выручаетъ про-

тивъ прежняго бо́льшую сумму денегъ. Слѣдовательно, всякій годъ становится для него легче уплата банковаго или частнаго долга по залогу или обязательствамъ лежащимъ на его имѣніи.

Можетъ быть нѣкоторые изъ читателей скажутъ: «не легко сдѣлать вышеизложенныя измѣненія въ своемъ воззрѣніи, въ домашнемъ быту и привычкахъ.» — Это правда. — Но я и не полагалъ указывать на легкія средства въ дѣлѣ столь существенномъ и столь для нѣкоторыхъ необходимомъ. Думаю даже, что въ дѣлѣ подобной важности не можно и указать легкихъ средствъ.

Другіе можетъ быть скажутъ: «совѣтовать легче, чѣмъ исполнять.» — Это совершенная правда. — Противъ этого я могу только сказать, что здѣсь дѣло идетъ не о томъ: что легче совѣтовать или исполнять; но о томъ справедливо-ли сказанное?

Человѣкъ разумный позаимствуетъ, что ему пригодно изъ совѣтовъ пріятныхъ или непріятныхъ, если и не для себя, то хотя для своихъ дѣтей. Что-же касается человѣка неразумнаго, то онъ потому и неразуменъ, что не любитъ правды, не видитъ своихъ недостатковъ, не вѣруетъ въ добрый совѣтъ. Неразумный человѣкъ — человѣкъ темный; а прежде всего онъ человѣкъ лѣнивый и умомъ и тѣломъ. Люди неразумные неисправимы. Для нихъ и наука не существуетъ, и дѣла мира сего не измѣняются; они увѣрены, что завтра будетъ тоже, что было вчера; что они по прежнему могутъ остаться и съ своею безпечностію и съ отвращеніемъ къ труду и съ понятіями

прежняго времени и съ своими предразсудками и съ азіятскими наклонностями къ роскоши и къ потворству, превышающему средства ихъ состоянія, и съ склонностію къ мотовству, и съ преданностію къ лакомствамъ, питаніямъ и всякимъ излишествамъ.—Эти люди убѣждены, что они родились наслаждаться всѣми благами, вкушать всѣ удовольствія, пресыщаться всѣми излишествами и до послѣдней минуты почитать свои скудныя достоянія — неистощимыми сокровищами Калифорніи и Австраліи.—Указанія къ лучшему даются не для людей неразумныхъ. — Будущность ихъ появляется уже явственно на горизонтѣ. — Они и для самихъ себя и для своихъ дѣтей судьи самые строгіе, исполнители самые непреклонные.

ПОСМЕРТНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

Э. И. Губера.

Память одного изъ замѣчательнѣйшихъ поэтовъ нашихъ, переводчика Фауста, друга Пушкина, члена литературной семьи, принявшей участіе въ «Новосельи» А. Ф. Смирдина, память покойнаго Эдуарда Ивановича Губера, всего болѣе священна здѣсь, въ этомъ *Сборникѣ*, куда сошлась литература современная съ литературою прошедшею. Его не достаетъ здѣсь.... Здѣсь кстати, поминая почтеннаго Александра Филипповича, благоговѣйно почтить память одного изъ благороднѣйшихъ писателей русскихъ. Вотъ что писалъ о немъ одинъ изъ его близкихъ друзей, чрезъ пять дней послѣ его кончины, въ Спб. Вѣдомостяхъ: «Бѣдный Губеръ! бѣдный поэтъ! или лучше сказать, бѣдные его товарищи! бѣдные мы! Онъ заставилъ насъ пережить его и внести новое незабвенное имя въ вѣчно возрастающій списокъ нашихъ утратъ. Онъ никого уже не будетъ ни терять, ни оплакивать, а мы, пока не дойдетъ и до насъ очередь, все будемъ не досчитываться его въ нашемъ тѣсномъ кругѣ. Мы все будемъ помнить это добродушное Пушкинское лицо, эту разумную улыбку, эту грустную веселость, которыя были въ немъ такъ привлекательны. Не за-

«будемъ мы тоже его благородныя чувства, его «сердечную неиспорченность посреди столичныхъ «искушеній, его счастливую вѣру въ дружбу, его «дѣтскую душевную простоту, которая даруется «свыше поэтамъ въ вознагражденіе за невѣдомыя «прочимъ людямъ скорби. Отчужденный отъ се- «мейства и небогатый, онъ нажилъ въ Петербугѣ «цѣлую семью горячихъ друзей, которые лиши- «лись въ немъ болѣе, чѣмъ роднаго. Этимъ однимъ «уже опредѣляется вся его жизнь».

Имѣя въ рукахъ два стихотворенія Губера нигдѣ доселѣ ненапечатанныя, изъ которыхъ одно написано въ первую пору молодости, а другое во время полнаго и опредѣленнаго развитія его таланта, мы передаемъ ихъ публикѣ.... Читайте: это опыты, эскизы, это Губеръ—дома. Пусть каждый, усмотрѣвъ сквозь необработанную форму—глубину чувствъ, скажетъ отъ сердца съ нами:

Вѣчная память поэту и человѣку!

I.

КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Читано на актѣ саратовской гимназіи въ 1830 году, когда Губеръ кончалъ тамъ курсъ.

—

Младую жизнь на лонѣ бытія
Мы встрѣтили съ веселою душою,
Какъ ангела, возставшаго отъ сна,
Какъ дивный даръ, низпосланный судьбою.
На родинѣ раскрылись наши дни
И разцвѣла златая младость наша,
На родинѣ въ объятіяхъ любви,
Гдѣ пили мы восторгъ изъ полной чаши.
Здѣсь Божій перстъ отъ бури насъ хранилъ,
Здѣсь кротостью наставниковъ водимый,
Нашъ слабый умъ подъ сѣнію родимой
Свой ранній плодъ впервые приносилъ.
Здѣсь, здѣсь, друзья, мы истину познали,
Здѣсь свѣдали мы благость бытія,
И, мудрый перстъ судьбы боготворя,
Мы къ небесамъ молитвы возсылали.
Но рано скорбь извѣдали и мы,
И молодость намъ рано измѣнила;
Насъ увлекло веленіе судьбы,
Судьба намъ путь въ сѣдую даль разскрыла.
Мы вступимъ въ міръ, исполненный суетъ,
Гдѣ правитъ лесть незрѣлыми умами,
Гдѣ крадется зловѣщими путями
Рожденіе губительныхъ клеветъ.
Ударилъ часъ — и мы, извѣдавъ горе,
Разстанемся, покорные судьбѣ!
Мы поплывемъ на утломъ челнокѣ,
Въ далекій край, въ безбережное море.
Въ послѣдній разъ пожмемъ другъ другу руки
И, бросивъ сѣнь родимыя страны,

Земной любви небесный трепетъ!
О, дѣти друга моего!
Она жива, она надъ вами,
Какъ духъ, на васъ и на него
Глядитъ привѣтными очами!
Она жива! и въ тихій часъ,
Какъ тѣнь, на ложе къ вамъ нисходитъ,
И съ думой набожной на васъ
Надежды тихія наводитъ!

30 января 1836.
С. Петербургъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРАГО ТОМА.

СБОРНИКЪ

ЛИТЕРАТУРНЫХЪ СТАТЕЙ,

посвященныхъ русскими писателями памяти покойнаго книгопродавца-издателя Александра Филипповича Смирдина въ пользу семейства его и на сооруженіе ему памятника.

Общество петербургскихъ книгопродавцевъ вознамѣрилось въ началѣ прошлаго года издать «Сборникъ» въ ознаменованіе пятидесятилѣтняго юбилея книгопродавческой дѣятельности А. Ф. Смирдина. Объ этомъ намѣреніи въ свое время было объявлено въ газетахъ. Теперь это намѣреніе приведено въ исполненіе, благодаря общему сочувствію къ нему писателей; но юбиляръ не дождался торжества. Онъ умеръ. Почитая его память, общество книгопродавцевъ предназначило доходъ съ изданія въ пользу многочисленнаго осиротѣвшаго семейства А. Ф. Смирдина, и на сооруженіе ему памятника.

Программа «Сборника» не можетъ быть опредѣлена съ точностію: статьи содержанія бельлетристическаго и ученаго принимаются съ совершенной благодарностью и съ полнымъ безпристрастіемъ къ тому или другому направленію. Въ этомъ его литературное значеніе. На размѣщеніе статей по томамъ редакція обращаетъ особое, строгое вниманіе, не допуская *рѣзкаго* разнообразія въ литературномъ направленіи содержанія. Такъ большая часть вкладовъ современниковъ и сотрудниковъ А. Ф. Смирдина вошла въ изданные два первыхъ тома.

Для слѣдующихъ томовъ (которыхъ всего предполагается *шесть*), редакціи частью доставлены, частью обѣщаны статьи: Н. Н. Арапова, Ахматовой, В. Г. Бенедиктова, Берга, В. В — ва, А. Вельтмана, В. А. Владимірскаго, Я. И. Григорьева (Тана), Грицко-Григоренки (псевдонимъ), Д. В. Григоровича, Г. Н. Геннади, П. В. Гербеля, Г. П. Данилевскаго, А. В. Дружинина, С. С. Дудышкина, В. Р. Зотова, Н. И. Костомарова, И. Н. Кушнерева,

В. С. Курочкина, Лебедева, И. И. Лажечникова, Лонгинова, А. Н. Майкова, С. В. Максимова, А. Я. Марченко, О. Миллера, М. Л. Михайлова, Л. А. Мея, Н. А. Некрасова, Печерскаго, Е. Я. Панаевой, И. И. Панаева, А. Рыжова, И. С. Тургенева, Славинскаго, Фета, Хвощинской, Чебышева-Дмитріева, С. М. Шпилевскаго, Щедрина, Н. Ф. Щербины и другихъ.

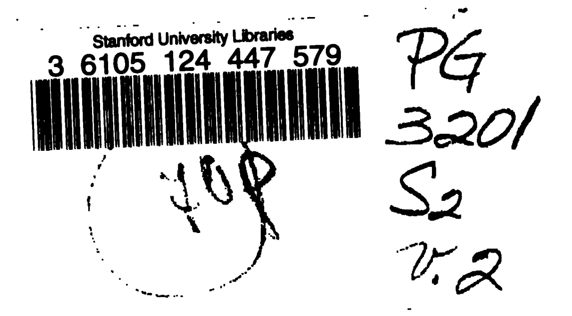
Въ этомъ спискѣ недостаетъ еще нѣсколькихъ свѣтлыхъ именъ нашей литературы. Поэтому мы снова обращаемся къ этимъ лицамъ съ просьбою принять участіе въ дѣлѣ, которое *дѣйствительно* стало дѣломъ *общимъ* литераторовъ и издателей. Издатели надѣются, что гг. литераторы не откажутся поспѣшить отвѣтомъ на призывъ, обращаемый къ нимъ, и извѣстить о своемъ согласіи украсить «Сборникъ» своими статьями. Статьи и письма гг. литераторовъ просятъ адресовать на имя придворнаго книгопродавца А. Смирдина (сына) и Комп., или на имя редактора «Сборника» *Александра Григорьевича Тихменева* (чрезъ того-же книгопродавца).

Біографія Смирдина не могла быть приготовлена *къ 1-му* тому, и войдетъ въ послѣдній, *шестой*, который предполагается посвятить вообще матеріаламъ для исторіи дѣятельности Смирдина. Поэтому мы покорнѣйше просимъ всѣхъ знавшихъ покойнаго *сообщить намъ возможныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Александра Филипповича*. Малѣйшая подробность *будетъ* принята редакціей съ живѣйшею благодарностью.

Цѣна каждаго тома «Сборника» (въ 12 *д. л.* до 400 стр.) 1 р. с., съ перес. 1 р. 25 к. — Гг. иногородные могутъ высылать деньги за одинъ, за 2 или 3 тома; тѣ, которые выслали вслѣдствіе 1-го объявленія 3 р., получатъ 2 тома, а при высылкѣ 75 к. — 3-й томъ.

Не желая никакихъ обѣщаній впередъ, издатели смѣютъ увѣрить, что употребятъ съ своей стороны всѣ возможныя усилія, чтобы сдѣлать «Сборникъ» достойнымъ памяти того, кто безкорыстно жертвовалъ многимъ ради добра и общественной пользы.

Издатели Сборника: *С. Богуновъ*, *М. Вольфъ*, *И. Глазуновъ*, *А. Давыдовъ*, *В. Исаковъ*, *Я. Исаковъ*, *Кораблевъ* и *Сиряковъ*, *И. Крашенинниковъ*, *С. Лоскутовъ*, *П. Овсянниковъ*, *В. Печаткинъ*, *П. Ратьковъ*, *А. Смирдинъ* (сынъ) *и комп.* и *Ю. А. Юнгмейстеръ*.

Stanford University Libraries
3 6105 124 447 579
PG
3201
S2
v.2

